№ 31 (6379)
1–7 августа 2012 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

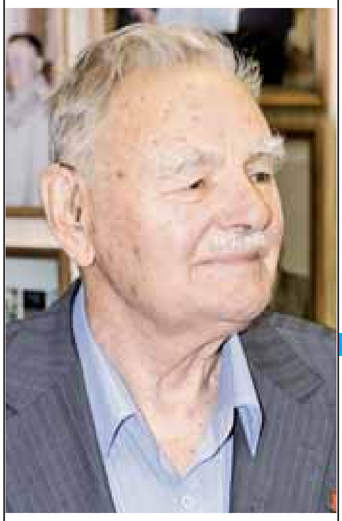
www.lgz.ru

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам



Биография биографа

Книги Владимира Карпова расходились мгновенно. Трилогия о маршале Жукове и других военачальниках, двухтомная биография Сталина – ещё пару лет назад за ними стояли очереди в библиотеках. Но судьба Карпова, которому исполнилось 90 лет, поражает самое смелое воображение. О себе и об ушедшем XX веке – последняя книга писателя. Тысяча страниц, которые сам писатель провидчески назвал «лебединой песней».

СТР. 15

В шаге от края

Когда мы научимся не ходить на поводу у всяких краснобаев и демагогов, когда перестанем отмечаться в псевдолиберальных тусовках, а прислушаемся к дыханию своего народа и своей истории, тогда, быть может, что-нибудь и начнём слышать и понимать...

СТР. 3

Подлинная бутафория

Скандальная программа «Луч света» (НТВ) и экранизация пьесы Набокова (Первый канал) – в этих разноплановых событиях обнаружились общие черты. Что связывает Светлану Курицыну с фигурой известного эмигрантского писателя?

СТР. 10

Корчак незабвенный...

Януш Корчак, врач, педагог, писатель и наставник детей в варшавском «Доме сирот», 70 лет назад был под дулами фашистских автоматов отправлен с колонной детей в концлагерь, где дымилась труба крематория. Корчаку по дороге шепнули: «Вы можете остаться». Но оставить своих детей он не мог. Так закончилась его жизнь, но – не судьба. Его книги учат родителей и педагогов, *«как любить детей»* (так называется одна из его книг). К ним примыкает книга «Правила жизни», которая по заказу Российского детского фонда и Международной ассоциации детских фондов готовится к изданию впервые на русском языке.

СТР. 14

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 18 583 человека. Заходите!

Детствосбережение

Людмила ШВЕЦОВА,

заместитель председателя Государственной Думы

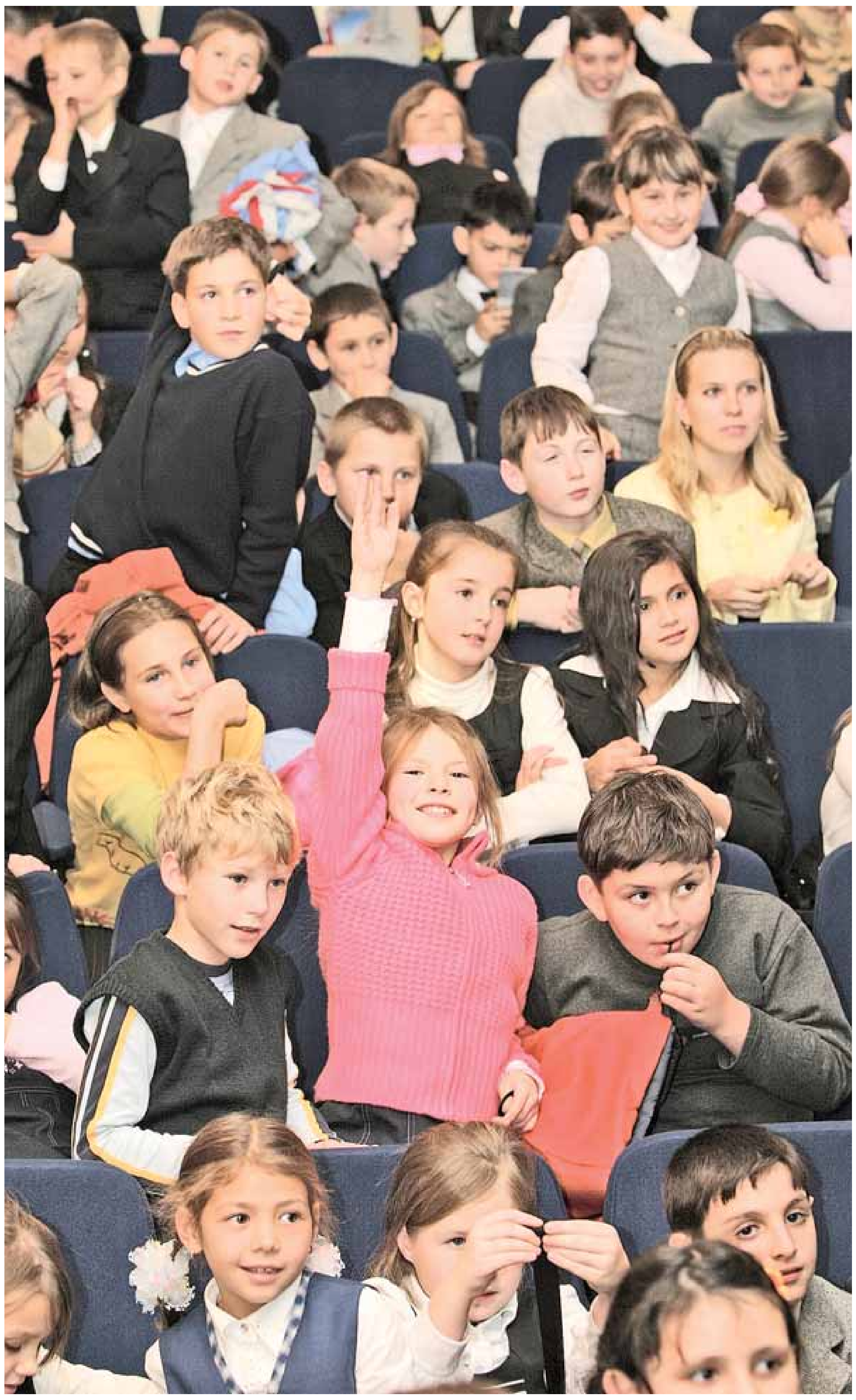
С недавнего времени в современную русскую лексику входят новые словосочетания: «детствосберегающая семья», «дружественное к ребёнку здравоохранение», «дружественное к ребёнку правосудие», «дети – участники реализации Национальной стратегии действий в интересах детей».

Для одних эти формулы неожиданны и, может быть, пока малопонятны. Для других, наоборот, – долгоожидаемые, а для кого-то даже выстраданные. Это те наши современники, кто в силу своей профессиональной принадлежности, представления о долге связан с детьми: врачи, педагоги, психологи, социологи, юристы, политики, общественные деятели, учёные в самых разных областях знания о детстве, детские писатели, журналисты, просто родители с активной гражданской позицией. Их много, теоретиков и практиков, кто на разных уровнях государственной или общественной деятельности размышлял, участвовал в исследованиях и экспериментах, в разработке проектов, писал предложения, чтобы так или иначе приблизить момент перехода нашего государства к новой политике в отношении к детям.

И это произошло. 1 июня 2012 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ, которым утверждается «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы».

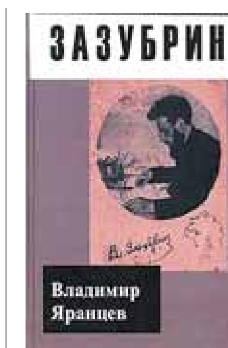
Знаковый документ – своего рода хартия гуманизма, реального, активного, действенного, ради детей и вместе с ними. Стратегия – документ всеобъемлющий, многоплановый, со своей системой координат, я бы даже сказала, со своим настроением – очень оптимистичный и в то же время тревожный.

Окончание на стр. 11



Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

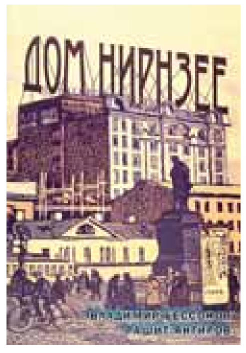
«ЛГ»-РЕЙТИНГ



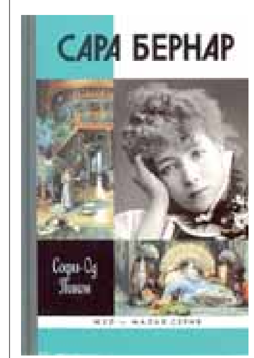
● Владимир Яранцев. **Зазубрин. Человек, который написал «Щепку»:** Повесть-повествование из времён, не столь отдалённых. – Новосибирск, 2012. –752 с. – 100 экз.

Критик Владимир Яранцев подробно рассматривает в своей многоплановой книге жизнь и творчество Зазубрина. Это не традиционное биографическое сочинение. Литературный портрет автора «Щепки» дан на широком документальном фоне, показывающем сложнейшую обстановку 20-х и первой половины 30-х годов. Всё в стране, в том числе и литература, было подчинено этой напряжённой и беспощадной борьбе. «Зазубрин, – говорит В. Яранцев в коротком вступлении к книге, – и плод своего времени и его жертва... Задачей этой книги было показать человека, решившего заняться литературой в роковые годы России...». Автор книги поднял огромный документальный материал, многие страницы которого публикуются впервые. В результате показана не только судьба одного человека, но и воссоздана эпоха.

● Бессонов В.А., Янгиров Р.М. **Дом Нирнзее** (Большой Гнездниковский переулок, 10). – М.: Интеллект-Центр, 2012. – 432 с.: 8 л. ил. – 1500 экз.



Эта уникальная книга – плод более чем тридцатилетней работы авторов в архивах и библиотеках. Дом по адресу Большой Гнездниковский переулок, 10, построил архитектор Э.К. Нирнзее (годы жизни точно не установлены, вероятно, 1860–1918). Авторы попытались написать биографию человека, воздвигнувшего первые в Москве небоскрёбы, или, как их называли, «тучерезы» – дома, перешагнувшие отметку в 8 этажей. Бессонов и Янгиров встречались с жильцами дома в Большом Гнездниковском, с людьми, работавшими в его стенах, записывали воспоминания. В книге немало места отведено истории театра, литературы, кинематографа, живописи. Издание снабжено объёмным справочником имён, богато проиллюстрировано и по охвату судеб и фактов далеко «вылезает» за московские рамки.



● Софи-Од Пикон. **Сара Бернар.** – М.: Молодая гвардия, 2012. – 249[7] с.: ил. – («Жизнь замечательных людей»: Малая серия: сер. биогр.; вып. 35). – 5000 экз.

Легендарное имя, вошедшее в историю мирового театра, принадлежит незаконнорождённой дочери куртизанки, исполнительнице ролей Федры, Медеи, Клеопатры, Жанны д'Арк, Гамлета, кавалеру ордена Почётного легиона, обладательнице небывалой силы магнетизма, золотого голоса и внушительного состояния в 45 млн. золотых франков, потраченных на поддержание соответствующего «звезде» образа жизни и на обожаемого сына Мориса. Став героиней романа Э. де Гонкура, прообразом героини у М. Пруста, мишенью для карикатуры Ж. Ануя, Сара Бернар и сама явилась автором трёх книг. Сцену «великая Сара» считала своим полем битвы, где мечтала умереть, но после долгой болезни в возрасте 78 лет скончалась дома. Хоронил её, как Виктора Гюго, весь Париж.

РЕЗОНАНС

Где проспект Ивана Калиты?

Юрий ПОЛЯКОВ

Вопрос, вынесенный Юрием Поляковым в название своей статьи (№ 27), взволновал подписчиков и читателей нашей газеты – как её традиционной бумажной версии, так и электронного вида на сайте «ЛГ». Мы благодарим коллег из популярной «Вечерней Москвы», которая на следующий день после выхода «Литгазеты» напечатала сокращённый вариант статьи нашего главного редактора, которую прочитали сотни тысяч жителей столицы.

Откликов на оказавшиеся чрезвычайно актуальными «недоумённо-топонимические заметки» Юрия Полякова много. С некоторыми из них мы знакомим наших читателей в этом номере, чему посвятили стр. 9. Отметим, что пишут нам не только москвичи. И прав Владимир Блинов из Екатеринбурга: провинция тут же последует примеру столицы, и везде появится разумный, исторически приемлемый порядок в названиях улиц, на которых мы живём, дышим, мечтаем, вспоминаем, воспитываем детей.

Последнее крайне важно. Потому как промелькнуло в СМИ сообщение о том, что в Москве взамен Проектируемого может появиться Кладбищенский проезд. Что называется, приехали.

Мы по-прежнему ждём от вас, уважаемые читатели, конкретных предложений о переименованиях улиц, имён, которые непременно требуется увековечить в их названиях, быть может, родятся и неожиданные идеи, которые примет власть.

СОБЫТИЕ

Подлодка «Князь Владимир»

ИТАР-ТАСС

Во время рабочей поездки в Северо-Западный федеральный округ президент России Владимир Путин принял участие в совещании по вопросу «О ходе выполнения государственной программы вооружения в части оснащения Военно-морского флота» в Северодвинске и выступил на церемонии закладки стратегической подводной лодки «Князь Владимир».

ТОЛЬКО У НАС

С сентября в редакции «ЛГ» начинает работу литературная консультация

Вы пробуете свои силы в стихах или прозе, но не можете самостоятельно оценить их качество?

Вы хотите получить совет профессионала?

Вы мечтаете о публикации, но не имеете представления, как подготовить рукопись к печати?

Мы поможем вам!

Именно здесь начнётся ваш путь в большую литературу.

Именно здесь ваша рукопись получит шанс стать книгой.

Именно здесь известные поэты и прозаики станут вашими наставниками.

Именно здесь наши консультанты поделятся с вами секретами литературного мастерства.

Лучшие произведения будут опубликованы в легендарной «Литературке».

***Наш телефон:* 8 (499) 788 02 05**

Наш электронный адрес:* *mnats@lgz. ru, litgazeta@lgz. ru

***Наш почтовый адрес:* 109028, Москва, Хохловский переулок, д. 10, стр. 6**

Время работы литературной консультации: по средам с 12.00 до 18.00

Пусть сотрудничество будет взаимовыгодным!

***Информация об условиях получения консультаций размещена на интернет-сайте «ЛГ»* www. lgz. ru**

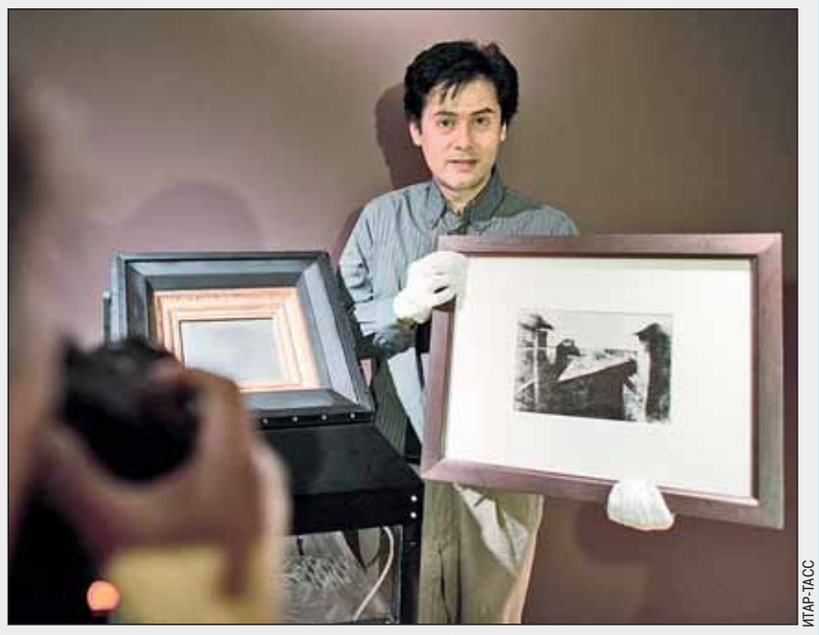
ФОТОГЛАС

Олег КИМ

Дню Крещения Руси был посвящён благотворительный концерт духовной и классической музыки в московском храме Софии премудрости Божией, в котором участвовали народные артисты РФ Владимир Маторин (на снимке) и Юрий Розум, хоровая капелла России имени А.А. Юрлова и оркестр народных инструментов России имени Н.П. Осипова. Празднику предшествовала пресс-конференция в Союзе журналистов Москвы. Её провёл настоятель храма отец Владимир.

РИА «Новости»

Трёхдневный фестиваль ландшафтных объектов «Архстояние–2012. Лето» прошёл в калужской деревне Никола-Ленивец. В седьмой раз в фестивале принимают участие дизайнеры, художники и музыканты из России, Эстонии, Франции. Этот фестиваль считается одним из крупнейших объектов современного искусства, вписанных в окружающую природу. Впервые в этом году «Архстояние» предложило программы для маленьких посетителей фестиваля.



ИТАР-ТАСС

Самая старая фотография в мире «Вид из окна», созданная французским фотографом Жозефом Нисефором Ньепсом в 1826 году, и её репродукция представлены в рамках выставки «Рождение фотографии» в немецком городе Мангейм в музее Peiss Engelhorn. А в августе фотографическая общественность будет отмечать Всемирный день фотографии.

ЗЛОБА ДНЯ

Лицо и лица столицы

Москва – город, где сегодня проживают представители более чем 160 национальностей. О том, как они уживаются в огромном мегаполисе, существуют различные, зачастую противоположные мнения. Однако очевидно, что проблемы есть, проблемы острые, требующие особого подхода. Здесь трудно не согласиться с президентом, который отмечает, что вопросы межнационального развития, межнационального благополучия требуют открытого, широкого, но вместе с тем исключительно деликатного и компетентного подхода.

Порой сетуют, что, мол, в СССР была настоящая дружба народов, а сейчас всё посыпалось, развалилось. Но так ли это? Проблемы были и при советской власти, однако та власть решала их способами, многие из которых сегодня просто не могут быть использованы. К тому же весь мир вступил в эпоху, которую можно без особого преувеличения назвать новым «великим переселением народов». С этим нужно учиться жить.

7 мая 2012 года вышел указ «Об обеспечении межнационального согласия». Месяц спустя – указ о Совете по межнациональным отношениям при президенте РФ. До 1 декабря должна быть разработана и утверждена Стратегия государственной национальной политики.

В Москве давно уже ведётся работа в этом направлении, власти изучают зарубежный опыт. Совсем недавно, 18 июля, прошло расширенное заседание Совета по делам национальностей при правительстве Москвы. Совет собирается осенью представить свои соображения, которые будут учтены при выработке стратегии в национальной политике.

Народы Москвы

Игорь КРУГОВЫХ,
политолог:

– Вскоре после того, как в июне 1990 года я был избран председателем Комиссии Моссовета по национальной политике, задумались: что может быстро и реально сделать Москва в условиях кризиса межнациональных отношений? Решили, что мы в силах развернуть создание национально-культурных организаций и показать: в Москве, где издавна живут представители множества народов, можно сохранять межнациональный мир.

В Моссовете правила «ДемРоссия», я был в числе немногих независимых депутатов. Разрабатывать и вести национальную политику приходилось фактически в одиночку. Стали создавать национально-культурные общества (более 30), объединили их в АМОНК – Ассоциацию московских обществ национальной культуры, приняли решение о выделении для АМОНК отдельного здания, показали по ТВ встречу представителей армянской и азербайджанской общественности Москвы, причём в разгар конфликта в Нагорном Карабахе. Выдвинули лозунг: «Мы – представители многих национальностей, но в Москве все мы – прежде всего москвичи». Прежде запрещалось проведение национального праздника поволжских народов – Сабантуя, милиция просто разгоняла людей. Легализовали праздник, вернули исторические названия ряду московских улиц, например, Большая и Малая Татарские.

Впервые открылись национальные школы или отдельные национальные классы. А вот когда решили открыть первую в Москве русскую школу с углублённым изучением русской истории и культуры, то против её директора возбудили... уголовное дело. Объясняли: «Национальные меньшинства – понятно, они по закону имеют право на государственное национальное образование. Но где документ, на основании которого и русские имеют на него право? Открывайте частные школы!»

Ранее праздник славянской культуры и письменности отмечался на общественных началах. Предложили широко отметить этот день в Москве. Решили установить памятник Кириллу и Мефодию, его создание поручили скульптору Вячеславу Клыкову. Где его ставить? Возникла идея – со стороны Москвы-реки на Старой площади, там есть площадка в начале сквера. Когда Клыков впервые осматривал своё творение и, зачарованный, поставил портфель на землю, то и не заметил, как его унесли вместе с гонораром, свидетельством на авторство и паспортом. Вечером накануне открытия на постаменте памятника зажгли лампаду. Спустя какой-то час из проезжавшей машины её расстреляли из автомата. Пришлось ночью всё восстанавливать, но следы от пуль видны до сих пор. Вот такие были времена.

По-своему к праздникам готовились наши оппоненты. Например, нашли пьяницу-белоруса с русской женой, устроили из бытовой ссоры между ними политический акт – «Русские бьют белорусов в Москве!». Разбирать конфликт пришёл молодой милиционер-татарин. Он в упор не мог понять, что значит «Русские бьют белорусов в Москве». Однако вскоре мне позвонили из Верховного Совета Белоруссии и сказали, что в Минске и других городах раздают листовки о том, как «русские избивают белорусов в Москве», попросили объясниться. Я рассказал всё как есть. Увы, в условиях тотальной либеральной пропаганды ещё одна ложь воспринималась как очередное проявление борьбы с «русским (советским) тоталитаризмом».

Картина межнациональных отношений в столице была сложной, вокруг них появилась масса спекуляций.

Представители соответствующих автономий в столице считали долгом оказывать не только моральное, но и материальное содействие участникам азербайджано-армянского, ингуше-осетинского, приднестровского конфликтов. Путём переговоров удалось добиться от дудаевского режима отказа от газавата в Москве, что действовало до 1995 года.

Прошли годы. Московский опыт создания национально-культурных обществ оценён и признан, был взят за основу при выработке Федерального закона «О национально-культурной автономии». Сегодня таких обществ в России более 10 тысяч.

Место АМОНК занял Совет по делам национальностей при правительстве Москвы. Заявка на помещение для национальных обществ была выполнена, правда, через 10 лет. Московский дом национальностей сейчас расположен в замечательном помещении, обеспечен профессиональными кадрами.

День славянской культуры и письменности стал государственным праздником и отмечается ежегодно. Славянский фольклорный праздник в Манеже вырос до фестиваля «Славянский базар в Витебске», а показ славянских фильмов в кинотеатре «Мир» ныне общепризнанный кинофестиваль «Золотой витязь» во главе с Николаем Бурляевым.

Удалось главное: сохранить уникальный многонациональный генофонд.

И кадриль, и гопак, и лезгинка

Георгий ЦАГОЛОВ,
доктор экономических наук, писатель:

– Мне, осетину, родившемуся и воспитанному в Москве, никогда не доводилось испытывать дискомфорт от принадлежности к представителям малых народов Кавказа. Не особо, думаю, мешала 5-я графа и моему отцу, возглавлявшему почти три десятилетия кафедру политической экономии экономического факультета МГУ. В нашу квартиру на улице Горького на дружеские застолья собирались не только земляки и русские, но и евреи, армяне, грузины. А когда мы выезжали в союзные республики, нас там встречали так же тепло.

В гимне пелось: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Оказалось – не навеки, но слова гимна не были пустыми. Интернациональная политика давала осязаемые результаты.

С распадом СССР межнациональные отношения стали регулироваться преимущественно рынком, экономическими реалиями. Различия в уровне жизни в новых независимых государствах и появившиеся свободы заметно оживили миграционное движение. Многонациональность Москвы усилилась.

Как мотыльки слетаются на огонь, так и сюда тянутся люди из тех мест, где безработица высока, а зарплата низка. Примерно 60 процентов трудоспособного населения Таджикистана мигрировало в Россию, и на столицу приходится немалая их доля – вместе с нелегалами около 400 тысяч. «Таджиками» именуют теперь и приезжих из Киргизии, Узбекистана. Они выполняют такую работу, на которую коренных жителей Белокаменной не заманишь.

Мегаполис испытывает дефицит в трудовых ресурсах. Миграция помогает решать эту проблему. Бизнес использует дешёвую рабочую силу, подчас вынуждая трудиться сверхурочно. Большую часть зарплаты гастарбайтеры отправляют бедствующим родственникам, оставляя себе немного на жильё и еду. Условия их быта незавидны. Антисанитария, болезни, преступность.

События на Манежной площади ярко высветили проблему межнациональной напряжённости. По мировым меркам, 7–10 процентов приезжих от числа коренного населения – это «пороговая норма», за которой начинаются различные трения и конфликты, связанные с религиозными, языковыми или культурными различиями. Москва данный барьер превзошла. Число мигрантов в столичном регионе, включая нелегалов, по некоторым данным, зашкаливает за 3,5 миллиона человек.

Столичные власти стараются не выпускать национальные вопросы из поля зрения. Года два назад представители соответствующего подразделения правительства Москвы обсуждали со столичными автономиями, в том числе осетинской, идею создания для приезжих «Кодекса москвича». В связи с этим возникло немало вопросов. Все знают, что настоящие москвичи всегда отличались гостеприимством, чуткостью и терпимостью. Но можно разделить их возмущение тем, что во дворах забивают баранов, а шашлыки готовят чуть ли не на балконах. В то же время удивляет, почему в праздничные дни в общественных местах нельзя танцевать лезгинку, а кадриль или гопак вроде как можно?

Требуется взаимная толерантность к чужим традициям и культурам. Добиться этого можно лишь на встречных курсах.

Всем нам нужна внятная доктрина по национальной политике. Скажем, в соседнем Казахстане она чётко прописана. У нас после ликвидации Министерства национальностей РФ в 2001 году на государственном уровне нет ведомства, напрямую занимающегося этими вопросами. Созданному Совету при президенте по межнациональным отношениям предстоит разработать новую государственную концепцию в этой сфере. Она послужит ориентиром и для Москвы. Своё видение политики в этой сфере Путин обрисовал в предвыборной статье «Россия: национальный вопрос». Её лейтмотив: межнациональные отношения должны регулироваться не только рынком, но и коренными интересами России, предполагающими включение многочисленных народов страны в органическое единство и содружество, без которого нельзя построить сплочённую нацию. С этим трудно не согласиться. Но надо от слов к делам переходить.

Особенно важно, чтобы об этих проблемах точно и профессионально писали СМИ. Они вместе с кинематографом, театром, Интернетом обязаны формировать мировоззрение, скрепляющее нацию. Молодёжь следует воспитывать в интернациональном духе, знать и уважать выдающихся представителей других народов. Когда-то произведения киргизского писателя Чингиза Айтматова знали в каждом доме, о дагестанском мудреце Расуле Гамзатове слагались легенды, а стихи древних таджикских поэтов школьники и студенты читали наизусть. Надо возрождать такого рода традиции.

ЯЗЫКОМ ЦИФР

Кем прирастаем?

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численное соотношение национальностей в стране сохранилось.

Всего перепись зафиксировала в России 193 этнические общности.

Доминирующее русское население (доля рассчитывается по отношению к численности указавших национальную принадлежность) ныне составляет 80,9%. В России после составляющих большинство русских идут ещё 11 народов численностью от 500 тысяч до 1 миллиона человек. Удельный вес некоторых национальностей вырос, но общей картины это не меняет.

Доминирование русских, численное и удельное, в столице даже возросло. Если в 2002 году русских в Москве было 8,8 миллиона и их доля среди москвичей составляла 88,4%, то в 2010-м их численность увеличилась на 1,1 миллиона человек, а доля среди столичных жителей возросла до 91,7%. Всего в Москве насчитывалось 166 национальностей.

В Москве кроме численно доминирующего русского населения имеются ещё три сравнительно крупные национальности с численностью, превышающей 100 тысяч человек, – татары, украинцы, армяне. В сравнении с 2002 годом уменьшилась численность азербайджанцев (с 95,5 до 57 тысяч человек), евреев (с 79 до 53 тысяч), грузин (с 54 до 39 тысяч), зато выросло число узбеков (с 24 до 35 тысяч), киргизов (с 4 до 18 тысяч).

В целом же по стране произошло сокращение численности русских примерно на 2 миллиона.

В России пятая часть населения состоит из большого количества национальностей. В Москве национальным разнообразием характеризуется около 10% жителей.

В России сохраняется привычная картина национального состава: помимо русских в России ещё шесть национальностей с численным составом более миллиона человек: татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы, армяне. После предыдущей переписи 2002 года список не изменился.

В РФ учтено 239 языков и диалектов, 89 языков изучаются и ведётся обучение им в школах.

Но надо понимать, что все отмеченные процессы находятся в динамике.

Благодарим пресс-службу Московского дома национальностей за помощь в подготовке материалов

Подготовил **Владимир СУХОМЛИНОВ**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция «Литературной газеты»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора
Леонид Колпаков

Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков,
обозреватель
Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор
Марина Кудимова;
Игорь Панин

«Искусство»,
тел. 8-499-788-02-12,
Евгений Маликов,
Анна Кузнецова,
Арина Абросимова

«ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-00-53
ведущий редактор
Александр Кондрашов;
Олег Пухнавцев

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор
Людмила Мазурова;
Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис *(Санкт-Петербург)*,
Алесь Кожедуб, Игорь Гамаюнов

Спецпроекты
Анастасия Ермакова,
Ольга Моторина
Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский;
художественный редактор
Антон Меньшов

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко *(Калуга)*,
Юрий Беликов *(Пермь)*,
Жан Миндубаев
(Ульяновская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Сергей Евстратьев *(Республика Молдова)*,
Всеволод Марьян *(Закавказье)*,
Ирина Тосунян *(США)*,
Алексей Славин *(Германия)*,
Мария Хамахер *(Центральная Европа)*,
Никита Барашев *(Италия)*,
Светлана Селиванова *(Китай)*

Московский тираж – 60 351 экз.
Федеральный тираж – 35 707 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж 138 558 экз.

Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.

Номер подписан к печати
31 июля 2012 г.
Зак. № 12-07-00708

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Подписка и размещение рекламы:
тел. 8-499-788-00-52

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.

Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Автоинформатор и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

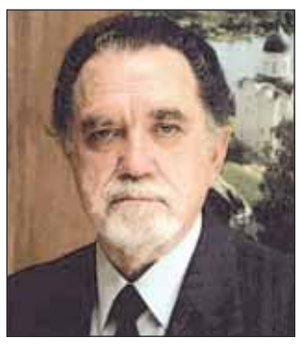
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

ПОЛИТПРОСВЕТ

В шаге от края



За нашу историю сейчас идут ожесточённые идеологические сражения, в ходе которых подвергаются сомнению и «разоблачению» все скрепы, пока удерживающие народ России от полной потери национального самосознания и исчезновения с исторической сцены.

Наш корреспондент встретился с известным санкт-петербургским историком Игорем ФРОЯНОВЫМ.

– На наших глазах развёрнута самая настоящая информационная атака на Русскую православную церковь, патриарха Кирилла в частности. Причём накал её не спадает, изыскиваются всё новые и новые поводы… Что происходит?

– Русская православная церковь в последние годы переживала определённый подъём. Но с другой стороны, достаточно явственно обозначились сложности и трудности, даже угрозы, этому подъёму сопутствующие. В прессе, на телевидении весьма пристрастно обсуждается вопрос об отношении Церкви и государства, Церкви и современного российского общества.

Мне кажется, что здесь мы сталкиваемся с завуалированной – когда по недомыслию и простоте, когда по расчётливому умыслу – подменой понятий. Если внимательно присмотреться, нетрудно заметить, что дело не в отношении Церкви с обществом в целом, а в отношении Церкви с идеологически организованной группой лиц, претендующими на общественную, так сказать, репрезентативность. Под этим углом зрения очевидными предстают направление и цели атаки, которую ведут эти идеологически организованные силы против Русской православной церкви.

Почему начались противоцерковные выступления, нередко наглые и беззастенчивые? Не потому, что Церковь стала приходить в себя после богоборческого большевистского режима, и не потому, что она начала укрепляться посредством расширения своей паствы, строительства новых храмов и умножения приходов. Дело вовсе не в этом.

Вся нынешняя антицерковная кампания представляет собой злобную реакцию на ту историческую роль, которую играла Церковь в старой России и какую она играет в России современной.

После крушения Советского Союза и уничтожения КПСС единственной скрепой, соединяющей наше государство в единое целое, является именно Русская православная церковь. Не стало партии, скреплявшей национальные окраины нашей страны, распалась и наша историческая Россия. Всё просто: есть сила, скрепляющая государство, оно живёт и развивается, нет такой силы – начинается процесс его распада.

Поэтому повторяю ещё раз: Церковь в исторических условиях дня сегодняшнего – последняя скрепа, соединяющая Российское государство. Это и является основной причиной наблюдаемого ныне нами наступления на неё.

И неслучайно ярый русофоб и враг России Бжезинский говорил, что «после крушения коммунизма в СССР врагом нашим № 1 является православие», а значит, и Православная церковь. Почему так? Потому что православная вера и Церковь, её исповедующая, являются последней преградой на пути разрушения пока ещё цельного ядра расчленённой исторической России, именуемого Российской Федерацией.

Именно этим, по моему убеждению, объясняются остервенелость нападок на церковь, глумление и надругательства над православной верой, выражающихся в убийствах священнослужителей, осквернении икон и церковных святынь, «творческие» выходки «гельманоидов», бесовские пляски разнузданных девок в храме и, конечно же, шельмование патриарха Кирилла.

Этот сатанинский наезд объясняется также тем, что в последнее время наметилась тенденция сближения Церкви и государства. Данный процесс медленно, но идёт. И это очень важно, поскольку единение Церкви и государства, являющееся для России традиционным, восходящим к далёким временам нашей отечественной истории, – основа силы, могущества Российской державы, основа её непобедимости.

– А как быть с тем, что нынешняя Россия – государство многоконфессиональное? Я даже предвижу, что ваши слова могут быть при желании истолкованы как попытка разжигания религиозной розни….

– Я думаю, не надо бояться спекулятивных обвинений, ибо подобные осторожность и боязнь, обусловленные сиюминутными соображениями, уводят в сторону от истины и правды. Необходимо вести разговор о существе проблемы, а не о том, кому и что покажется или пригрезится.

Россия – страна, объединяющая многие народы. Среди множества народов, населяющих Россию, есть народ государствообразующий и в количественном отношении решительно преобладающий над остальными (80,90% по последней переписи). Он, этот народ, на протяжении многих веков объединял вокруг себя иные народы, собирал и осваивал земли, составившие великую державу, Российскую империю, впоследствии СССР, а сейчас РФ.

Я говорю о русском народе. И сказанное мной отрицать невозможно. Это нужно признать, причём на официальном уровне. Но не подумайте, что я хочу поставить русских в особое положение, ущемляющее другие национальности. Существует исторически выработанная формула: *первый среди равных*. Эта формула воздаёт должное одной стороне, не умаляя другую. Русский народ, по моему убеждению, и есть *первый среди равных*. Православие является прежде всего религией русского народа, и если мы исходя из существа дела утверждаем, что Русская православная церковь является первенствующей в России, то мы опираемся на исторически неоспоримые факты и основания.

– А наше нынешнее государство разве не является той самой скрепой народа? Или сейчас, когда право любой несогласной с мнением большинства личности возводится в абсолют, государство эту функцию утратило?

– Наше государство сейчас довольно слабое. Оно само нуждается в поддержке. Эту поддержку может оказать Церковь, как то бывало не раз в русской истории. Но вы затронули одну важнейшую проблему, проблему взаимоотношения отдельного индивида и коллектива. Мы сейчас находимся под влиянием, я бы сказал, искажённых представлений о жизни рода человеческого. Мы находимся в плену либеральных ценностей, которые выдвигают личность, отдельную человеческую особь, на первое место. Но если посмотреть шире, в плане развития человечества на протяжении многих и многих столетий, придётся согласиться с тем, что людям изначально присущи два свойства, заложенные в них, можно сказать, самой природой – индивидуальное и коллективное, интересы и начала личные и общественные.

Антон МЕНЬШОВ

При этом надо понимать, что коллектив – тоже живой организм, развивающийся по своим законам. У него есть свои права, более, быть может, важные, нежели права отдельной личности, права, которые требуют законодательного оформления и защиты. И нельзя угнетать это его качество, ставя во главу угла другое. Только гармоническое соединение индивидуальных интересов и коллективных обеспечивает нормальное развитие людской популяции. В противном случае возникает угроза всему роду человеческому.

Вот почему в настоящее время, когда мы наблюдаем приоритет личного над общественным, создаётся опасность распада социума и, следовательно, страны. Но, как мне кажется, этот перекос будет преодолён, но не исключительно по чьему-то велению или хотению, а в значительной мере естественным путём. Хотя и не без драматического сопровождения или принуждения. Так было всегда во все времена.

Конечно, в истории не раз случалось так, что коллективные интересы подавляли интересы личные, как это имело место в недавний период советской истории, что отнюдь не способствовало общественной гармонии. Но сейчас всё-таки пришло время подумать об интересах коллектива. А это означает, что личность должна быть поставлена в рамки, сдерживающие её неумеренные аппетиты.

– Значит, опять насилие государства? Но это у нас уже было. Потому и говорят, что демократия – вот панацея.

– Мы сейчас часто слышим разговоры о том, что западная цивилизация находится в тупике. Верно это или нет? Мне кажется, что верно. И причина именно в разнузданности интересов отдельной личности. Западная либеральная цивилизация устроена таким образом, что она вдохновляет и создаёт самые благоприятные условия для реализации интересов индивидуума, не заботясь должным образом об интересах коллектива, народа.

Но если речь идёт об истории, то надо смотреть на эти вещи в плоскости исторического времени.

Давайте обратимся к временам, казалось бы, очень далёким, опыт которых очень много значит для человечества. Римская цивилизация погибла прежде всего потому, что, по сути, стала цивилизацией одиночек, подорвавших общественную мораль и нравственность. В результате она не устояла перед варварским миром, крепко связанным коллективными узами.

– А Византия?

– И Византия в известном смысле – тоже. Византийское общество к моменту крушения было заметно атомизировано. Кто разработал механику крушения Византии? Я думаю, что это сделал Запад. К тому же Византия была одинаково враждебна и католическому Западу, и мусульманскому Востоку.

– Всё кончилось банальным грабежом поверженной империи, на котором и расцвела западная цивилизация. Что-то до боли знакомое из совсем недавних времён разгрома и разграбления СССР приходит на ум…

– Я бы в данном случае воспользовался иными словами: в сущности, был разгромлен не СССР, а Россия. Россия на протяжении очень длительного времени, исчисляемого веками, стояла преградой на пути устроения нового мирового порядка, о котором мечтали определённые группы людей на Западе.

Задача расчленения колосса (Российской империи) в конце XIX – начале XX века являлась первостепенной задачей для тех, кто шёл путём установления нового мирового порядка. Для расчленения России и, стало быть, её уничтожения, собственно, и затевались как Первая, так и Вторая мировые войны.

Россию всегда хотели уничтожить не только как геополитического соперника и конкурента, но и как страну, чуждую, неприемлемую по духу.

Ненавистникам России в начале XX века казалось, что с ней покончено навсегда. Откройте Версальский мирный договор, в частности, Отдел XIV соглашения, названный с циничной откровенностью, обнажающей замыслы держав-победительниц: «Россия и русские государства». Статья 116, помещённая в данном отделе, гласит: Германия признаёт и обязуется уважать как постоянную и неотчуждаемую (sic!) независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года...»

То есть хозяева западного мира приговорили Россию к расчленению и нисколько не сомневались в своей способности раздробить её на ряд независимых государств. Предполагалось отторгнуть не только Польшу и Финляндию, но и Прибалтику, Белоруссию, Украину, Закавказье, Среднюю Азию... Не напоминает ли это нынешний день?

К счастью, все планы по рассечению России остались тогда в пределах бумажных мечтаний. Запущенный масонским Временным правительством процесс расползания империи был остановлен, территориальное единство страны восстановлено. Более того, осуществив проект модернизации экономики и общественных отношений, Советская Россия вышла в мировые лидеры, став, наряду с США, мощной сверхдержавой. В результате уничтожение исторической России, перевоплотившейся в СССР, отодвинулось почти на целое столетие. Как показали события последних десятилетий, уничтожение это лишь отсрочили, вовсе не исключив его из замыслов установления «нового мирового порядка».

И в конце XX века живыми свидетелями гибели исторической России, произошедшей во многом благодаря предательскому пособничеству верхушки КПСС в лице Горбачёва и перерядившегося под либерал-демократа Ельцина.

Но и это – не конец. За расчленением СССР должно последовать раздробление российского ядра (Российской Федерации) с целью ликвидации российского социума и России в качестве геополитического субъекта мировой политики. Об этом уже открыто говорят не только на Западе, но и у нас в стране. Ведутся разговоры и о так называемом мировом правительстве, откуда исходят соответствующие импульсы построения нового мирового порядка.

– Мировое правительство – это образ или реальность?

– Убеждён, что есть реальный мировой центр силы, который скрыт от посторонних глаз. Самые влиятельные и самые ответственные фигуры этого центра вообще нам не известны. И возник он не в последние десятилетия и даже не в последние столетия, а существует, по моему глубокому убеждению, с очень давних пор, видоизменяясь по ходу времени. А что есть всемирный центр силы или мировое правительство? Это – люди, которые стремятся к достижению мирового господства, которое на наших глазах всё более явно обозначается.

– И чего же им всё-таки от нас надо? Чем им так мешает Россия?

– Им надо, чтобы не было нас – России и русского народа как этнической общности и социума. Им нужны наши необъятные просторы, земля, воды, леса, недра. К тому же Российское государство было и остаётся преградой на пути образования нового мирового порядка, хотя и здесь сейчас не всё однозначно. Ведь государство – своего рода машина. Но машиной управляют те или иные люди. Если взять нынешнее Российское государство, то нетрудно заметить, что им управляют люди, имеющие разные установки.

Одни нацелены на то, чтобы продолжить процесс разрушения исторической России, другие стремятся к тому, чтобы этот процесс остановить и возродить страну. В верхнем эшелоне власти, как мне представляется, единства нет.

– Есть изречение, предписываемое Черчиллю, смысл которого заключается в том, что демократия – ужасна, но никто ничего ещё лучше не придумал. А, может быть, было в истории и что-то получше демократии?

– Относительно демократии... Весь смысл заключается в том, какая это демократия. Она ведь бывает разная. Есть демократия непосредственная, прямая. А есть демократия представительная, опосредованная. Черчилль, конечно, имел в виду представительную, буржуазную демократию. Но власть, соответствующая представительной демократии, самая спекулятивная, самая лживая и самая гнусная. Демократия может быть подлинной только лишь в том случае, если она является демократией непосредственной. И примеры тому были, причём как в мировой, так и отечественной истории – полисная демократия Древней Греции и демократия городов-государств Руси XI–XII веков.

Разумеется, полного совершенства в людском общежитии быть не может, поскольку это будет означать остановку в развитии, конец истории. Мы же можем только приближаться к различным формам совершенства. Что касается власти, то наиболее действенной и в политическом и в моральном отношении является, на мой взгляд, власть, сочетающая личные и коллективные, автократические и демократические начала. Исторической иллюстрацией тут может служить эпоха Ивана Грозного, когда существовала сильная центральная власть, сочетающаяся с эффективным местным самоуправлением и практикой земских соборов.

Вот и нам, думается мне, следует к этому стремиться, сообразуясь, конечно, с иными историческими обстоятельствами и условиями. Почаще надо заглядывать в скрижали истории. Она нам многое подскажет.

– Устойчиво ли наше нынешнее государство?

– Ясной перспективы развития Российского государства сейчас нет. Не проделан серьёзный анализ нашего нынешнего состояния, да и вряд ли кто-нибудь имеет представления об обществе, в котором мы живём. Нам точно неизвестно, в каких координатах истории мы находимся и уж тем более не знаем, куда движемся. Вот почему все разговоры о восходящем развитии – пустая болтовня и не более того.

Вы спрашиваете, устойчиво ли наше нынешнее государство? Скажу так: есть показатель степени устойчивости государства – это характер связи государственной власти с народом. Последние три века наш народ и власть расходились друг с другом. Образовалась широкая полоса взаимного отчуждения и недоверия, резко усугублённых временем постсоветских реформ. Народ живёт сам по себе, а государство само по себе. Вот и сообразите, может ли быть устойчивым такое государство. Конечно, нет. Крушение Советского государства с полной очевидностью это показало – народ проявил полное равнодушие к его судьбе, заняв позицию стороннего наблюдателя. Не думаю, что он поведёт себя иначе, случись какая-либо беда с нынешней государственной властью.

– Но зато бесконечно повторяется утверждение, что власть всегда такая, какую заслуживает данный народ?

– Это неправда. Наш героический и многострадальный народ заслужил лучшей жизни. Он жаждет справедливости и ждёт вождя (такова наша ментальность!), который выведет его на светлую дорогу. В конце концов русский народ как живой организм, почувствовавший крайнюю степень угрозы своему бытию, выйдет из состояния оцепенения и выдвинет на авансцену людей, которые смогут изменить его жизнь к лучшему на иных, нежели сейчас, основаниях.

– Почему так получается, что кроме тех, кто, ухмыляясь, вещает, что у нас не жизнь, а какая-то вечная смена ужасов, а история наша не что иное, как череда бессмысленных кровопролитий и злодейств, никого особенно не слышно?

– Вот когда мы научимся не ходить на поводу у всяких краснобаев и демагогов, когда перестанем отмечаться в псевдолиберальных тусовках, а прислушаемся к дыханию своего народа и своей истории, тогда, быть может, что-нибудь и начнём слышать и понимать.

У нас была самодостаточная страна, у нас было всё для обеспеченной жизни. Мы не оценили это должным образом и позволили прохвостам развалить великую державу. А поскольку ныне перед человечеством замаячила весьма трагическая перспектива «войны всех против всех» за земли, за воды, за ресурсы жизнеобеспечения, то крайне необходимо усиливаться и усиливаться, чтобы было чем ответить на эти грядущие вызовы времени.

Ближайшая политическая задача – всеми силами способствовать воссозданию прежнего единого государства Российского.

Беседу вёл
Владимир ШЕМШУЧЕНКО

КНИЖНЫЙ РЯД

Из-под обломков

Лев Аннинский. **Русские и нерусские**. – М.: Алгоритм, 2012. – 336 с. – (Серия «Национальный бестселлер»). – 3000 экз.

«Тысячелетняя история России – это всё-таки в целом не отрицательный, а положительный опыт сосуществования народов, не исчезнувших под имперским катком, а сохранивших имена и лица. Это не попытка всех сделать русскими, а осознание себя русскими при попытке всех остаться самими собой... Русские же сами появились в ходе того, что здесь смешивалось, они сами продукты смешения славян, финнов, ордынцев... Мы втягивали всех и со всеми смешивались. Вот поэтому на столь долгое время у нас это получилось. Вопрос: получится ли дальше? Надолго ли развалилось? Под каким именем возродится? И возродится ли, или будут кипеть сто племён в междоусобии «горячих точек»?» – таков круг вопросов, над которыми размышляет Лев Аннинский в своей новой книге. Эта тема для него с давних пор была одной из главных – не столько по службе (в журнале «Дружба народов»), сколько по душе.

Душевной болью продиктованы тексты, составившие книгу, в них затронуто множество проблем – одна запутаннее, острее, болезненнее другой. Особенно «теперь в ситуации повального национального опамятования», доходящего до «этнобесия» и «нациобесия». Явление это, впрочем, закономерно: слишком долго болезнь загонялась внутрь и рано или поздно должна была вырваться наружу.

В СССР о национальных проблемах и противоречиях говорить было не принято, а когда мы выбрались «из-под обломков советской империи», то обнаружили, что в глазах некоторых соседей из «освободителей» превратились в «оккупантов». Всплыли и другие старые обиды, обиженные со своими претензиями выстроились в очередь. Есть от чего растеряться. Но автор напоминает: «Не мы первые и не мы последние переживаем такое»: подобное «пережили англичане при конце Британского Содружества, турки при конце Оттоманской Порты, татары при конце Золотой Орды, немцы при конце Священной Империи...»

Но что же делать с обиженными, имя которым легион, – от поляков с прибалтами до грузин с болгарами? Путь один – вступать в диалог, выслушивать их доводы и приводить свои, сохраняя достоинство и уважение к оппоненту.

Что же касается содержания обид и претензий, то здесь неизбежно обращение к прошлому – далёкому и близкому. Далёкое – XIII–XVI века. Взятие Рязани татаро-монголами – взятие Казани русскими. Сложнейший, причудливейший узел геополитических, конфессиональных, межнациональных («те» татары совсем не «эти») составляющих. «Смешивается пролитая кровь встречными потоками. Блуждает боль. Надо брать на себя эту боль, эту кровь, эту непоправимость. Надо поправлять, выправлять, вправлять вывернутые кости». Как? Постсоветский президент Татарстана «принял решение, выверенное с микронной точностью»: построить новую мечеть в память той, что разрушил Иоанн, и восстановить православный собор, им построенный...

А это XX век: «Не может вынести ни поляк, ни прибалтиец мысли о том, что была какая-то справедливость в пакте Молотова–Риббентропа. Справедливости и не было – было сближение двух гигантских многонациональных армий». Но чтобы рассуждать об этом, надо было победить в Большой войне, когда «не было другой логики, кроме безжалостной».

Анализ событий минувшего столетия невозможен без оценки советского периода нашей истории: «Вы считаете, что семьдесят советских лет – тупик и обман, а я считаю, что этап. Страшный этап, кровавый, тюремно-лагерный, военно-казарменный. Независимо от того, какой «ложью» он прикрыт... Знаете другой путь? Рискнули бы повести?»

«Перекрёстки, на которые сейчас выводит нас история, – пишет Л. Аннинский, – не легче тех, через которые она нас проволокла в XX веке». Вот некоторые из грозных вызовов с явным национальным «окрасом», требующие решительного и адекватного ответа: «Юг против Севера», «Международный терроризм», «Глобалисты» и «антиглобалисты». Кстати, в связи с последним – вопрос: «На чью сторону становиться сейчас интеллигенту? На сторону глобалистов, которые сулят светлое будущее цивилизации, искоренение пороков и предубеждений, или же на сторону националистов, которые противодействуют этому сближению всего и вся, этому стиранию всяческих границ?»

Ответ автора: интеллигент «должен чувствовать, когда начинается националистическое безумие, – тогда он должен отваливаться на сторону цивилизации, на сторону глобальных ценностей, на сторону мировых ценностей. Но если начинается безумие всемирных ценностей, которые стирают напрочь всё национальное и культурное, вот тогда интеллигент должен становиться на сторону национального».

В эссе «Собирая силы перед встречей с прошлым» Аннинский формулирует свои принципы отношения к Истории. Не делать «из наследия отцов такого же пугала, какое отцы сделали из наследия дедов. Не отвечать им злом на их зло! Перешагнув набитые трупами рвы революций и войн, красных и белых, русских и инородцев, правых и неправых, угнетателей и угнетённых, победителей и побеждённых, срастить Историю воедино. Она и так кровава, располосована, изолгана. Не надо дальше топтать – надо сращивать, залечивать, соединять... Когда мы спасаем Прошлое из забвения, мы даём ему шанс стать осмысленным. Мы снимаем с вечно проклятого прошлого клеймо проклятия. Из кровавого оно становится кровным. И тогда боль безысхода может смениться болью искупления».

Получится ли? Впрочем, впору задать другой вопрос: возможно ли?

Николай АЛЕКСАНДРОВ

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

Гиперреализм вместо постмодернизма

Дмитрий Данилов не прислушивается к критическим замечаниям и не думает, что человека можно «выучить на писателя»

«ЛГ»-ДОСЬЕ:

Данилов Дмитрий Алексеевич. Родился в 1969 г. в Москве, где и проживает. Автор нескольких книг прозы: «Чёрный и зелёный», «Дом десять», «Горизонтальное положение» и др. Тексты переводились на английский, голландский, итальянский языки, публиковались в США, Нидерландах, Бельгии, Италии. Сборник «Чёрный и зелёный» вошёл в короткий список премии Андрея Белого (2010), роман «Горизонтальное положение» – в короткие списки премий «Большая книга» и НОС (2011). Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Русская жизнь» и других периодических изданиях.

– Вы как-то сказали, что стиль для вас первичен. Но ведь в русской литературе традиционно первично содержание…

– Я не говорю, что содержание неважно. Разумеется, важно, и дело не в том, что это какое-то особое свойство русской литературы. Но если художественный текст не имеет каких-то интересных стилистических особенностей, если он написан «просто языком», лишь бы рассказать некую историю, высказать какие-то «идеи», то очень возможно, что он не будет мне особенно интересен. Хотя бывают и исключения. Например, когда намеренно стёртый, серый язык сам по себе решает какие-то стилистические задачи (как у Романа Сенчина). А вообще работа с языком, выявление его новых выразительных возможностей – едва ли не самое интересное, что может быть в писании художественных текстов.

– То есть вам совершенно всё равно, что о вас подумают?

– Мне, к сожалению, не всё равно, что обо мне подумают, хотя было бы здорово достичь такого состояния. Я бы по-другому сформулировал: я не претендую на то, чтобы сообщить читателю какие-то новые идеи, глубокие мысли или поделиться своим «внутренним миром». Вот этого действительно нет.

– Критики нередко относят вас к постмодернистам, но так ли это? И что в вашем понимании есть постмодернизм?

– Постмодернизм в моём понимании – это художественная стратегия, исходящая из осознания исчерпанности попыток создания чего-то принципиально нового (условно говоря, модернизма), это некая игра смыслами, идеологиями, концепциями, стилями, клише, порождёнными всей предыдущей культурой, имеющая целью их (смыслов, концепций и т.д.) деконструкцию. Сам я от чести величаться постмодернистом, пожалуй, отказался бы – всё-таки пытаюсь что-то новое выстроить, пусть и осознавая практически полную безнадёжность таких попыток. Вот против определения моей манеры как гиперреализма я не возражаю.

– Странно, но авторы вашей литературной ориентации (назовём это так) обычно аполитичны и придерживаются каких-то абстрактно-либеральных взглядов. Вас же принято считать правым, националистом…

– Слова «правый», «националист» и им подобные в политической реальности современной России обросли очень разными, часто взаимоисключающими значениями, поэтому тут нужны уточнения. Да, я неоднократно высказывался против совершенно бездумной и губительной иммиграционной политики руководства РФ, против установившегося у нас этнофаворитизма (бесконечное закачивание денег в «проблемные», не будем показывать пальцем, регионы, фактическая уголовная безнаказанность представителей некоторых национальных диаспор). Да, я за построение русского национального демократического государства европейского типа, которое бы защищало интересы большинства (при полном равноправии всех населяющих Россию народов и защите прав меньшинств). Да, религия и Церковь для меня – одни из главных ценностей. Если всё это подпадает под определение «правый» – о'кей, я правый. При этом я и против «либеральных взглядов» ничего не имею. Свобода и неприкосновенность личности, свобода политической и экономической деятельности, неприкосновенность частной собственности – всё это представляется мне чем-то само собой разумеющимся.

– А насколько политические взгляды мешают продвижению вашего творчества? Были какие-то прецеденты? Вот мигрантов недолюбливаете, а многие рукопожатные литбоссы – совсем наоборот…

– А почему мои взгляды должны мешать продвижению моего творчества? У меня, по-моему, совершенно нормальные, умеренные политические взгляды. Недолюбливаю я не мигрантов как таковых, а российскую иммиграционную политику, вернее, не недолюбливаю, а сильно ею возмущён. Никаких экстремистских высказываний, а тем более действий я отродясь не совершал. В общем, я даже и не очень понимаю, из-за каких именно моих взглядов могут возникнуть проблемы.

– Что в большей степени характеризует современную русскую литературу? Клановость или анархический разброд? И какое место вы в ней отводите себе?

– В любой области человеческой деятельности естественным образом складываются те или иные группы, которые так или иначе друг с другом взаимодействуют, и эту структуру можно, конечно, назвать клановостью. В это слово обычно вкладывается некий негативный смысл – клановость понимается как под- или даже надковёрная борьба неких, условно говоря, мафиозных группировок. Возможно, по наивности, но я не вижу какой-то особенной «мафиозности», то есть клановости в плохом смысле, в сегодняшнем литпроцессе. В литературе крутятся совершенно ничтожные (по сравнению, например, с кино или телевидением) деньги, поэтому какой-то лютой, отчаянной конкуренции между группировками и отдельными авторами я не вижу. Ну да, постоянно идут разговоры о том, что тот-то и тот-то пролоббировали продвижение того-то и того-то в шорт-лист такой-то премии, такой-то критик постоянно хвалит авторов одного журнала и ругает авторов другого, эту премию постоянно получают авторы одного издательского дома, а ту премию – авторы другого паблишинг-монстра. Наверное, это всё имеет место. Но вот почитаешь о нравах, царящих, например, в шоу-бизнесе, и понимаешь, что наши литературные интриги – по сути дела, милые и домашние. И слава Богу. Если же говорить обо мне, то у меня с самого начала моей литературной карьеры установились хорошие человеческие и отчасти деловые (совместные выступления, издания) отношения с авторами, близкими к проектам «Осумбез» и «Вавилон», а в последние годы – с «новыми реалистами», хотя чисто эстетически я себя к ним отнести, конечно, не могу.

– Вот если бы вы были критиком, то к чему бы придрались в своих собственных сочинениях?

– Я как-то чисто физиологически не могу представить себя в роли критика, придирающегося к моим сочинениям. Мне кажется, писателю вообще не полезно это умственное упражнение. Не верю, что автору может быть полезен негативный критический разбор. Писателю нужно показать не то, что в его текстах плохо, а что в них хорошо – потому что он этого часто сам не понимает. Не припомню ни одного случая, когда я извлёк бы хоть что-то полезное из негативной критики моих текстов. Типа вот, надо же, критик подметил моё слабое место, надо поработать над этим, надо писать лучше. Вот буквально ни разу такого не было. И самому в своих текстах не надо выискивать слабые места (я не имею в виду какие-то ошибки, неточности, которые, конечно, надо выискивать и исправлять). Надо своим текстам радоваться, а покритиковать всегда желающие найдутся.

– Вы начали писать после тридцати, причём за спиной у вас не было ни Литинститута, ни Липок… Как вообще это получилось, с чего?

– Трудно сказать определённо – «с чего». Начал я не после тридцати, а в двадцать, это был 1990 год, я тогда открыл для себя Хармса и, как и многие, пытался ему подражать, за несколько лет написал энное количество небольших рассказов, потом надолго это дело забросил. А после тридцати опять начал, все эти годы вспоминал тот юношеский опыт, и постоянно где-то на заднем плане маячила мысль, что зря я это дело тогда забросил. Для Липок я был уже, наверное, староват, пару раз что-то им присылал – реакции не было, а для «Дебюта» я был стар безнадёжно. Тут можно было бы снобистски сказать, что, мол, ничего я от этого не потерял, но, наверное, это не так – мне было бы интересно поучаствовать в работе подобных институций, но – не сложилось. А вот мыслей поступить в Литинститут никогда не было, всегда скептически относился к идее, что человека можно «выучить на писателя».

– В числе своих любимых современных писателей вы называете Дениса Осокина. Это не шутка?

– Какие уж тут шутки. Я считаю Осокина выдающимся писателем с собственным, ни на кого не похожим голосом и со своей уникальной для современной литературы темой, которую я бы назвал «духовным и душевным вживанием в местность». Такие его тексты, как «Овсянки», «Сухая река», «Затон имени Куйбышева», мне представляются без преувеличения гениальными.

– А кто ещё?

– Назову ещё Василия Голованова, Анатолия Гаврилова, Николая Байтова, Сергея Соколовского.

Беседу вёл **Игорь ПАНИН**

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Время прошло, и выяснилось, что то самое время, когда критики говорили об измельчании писателей, это был Серебряный век. Такие вещи всегда видятся на расстоянии. О нынешнем времени можно будет сказать что-то определённое лет через 50. Или, с учётом ускоряющегося времени, – через 20–30 лет. Доживём – увидим.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Мне близка идея композитора Владимира Мартынова о том, что эпоха текстоцентричности, царившей в русской культуре двести лет, подходит к концу. Сейчас человеку, пишущему художественные тексты, трудно быть «властителем дум». Я считаю, что в каком-то смысле это хорошо – писательство становится чисто эстетическим занятием, у писателя всё меньше искушения «пасти народы», «изрекать истины» – можно успокоиться и заняться чистым искусством, что ему, искусству, всегда на пользу. Ситуацию «литература без читателя» не надо как-то особо представлять – мы уже в ней фактически находимся, особенно если сравнить с тем, что было лет тридцать назад. Аудитория серьёзной литературы постоянно сужается, писательство всё в большей степени становится частным делом узкого круга профессионалов и ценителей. И я не вижу причин прекращать писать – не знаю, как остальные, но я пишу вовсе не в расчёте на так называемого широкого читателя, а по причинам, скорее, внутренним.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Я бы хотел ответить на вопрос «ваши творческие планы». Отвечаю: творческих планов сейчас никаких нет, но, надеюсь, вскоре они появятся.

ФОРУМ

Без говорящих ёжиков

Итоги 9-го семинара писателей, пишущих для детей

В селе Константиново Рязанской области Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям провёл 9-й семинар детских писателей. До этого были Спасское-Лутовиново, Тарханы, Мелихово – семинар путешествующий, каждый год он получает прописку в новом «литературном» месте. Это задумка руководителя фонда Сергея Александровича Филатова. Получается, что к мастерам, работающим с молодыми авторами, всегда присоединяется некий литературный дух. В этот раз Валерию Воскобойникову, Марине Бородицкой и Ирине Арзамасцевой помогал Есенин.

Стандартный упрёк Литературному институту: мол, как можно «учить творить». Учить нельзя – можно только воспитывать. Имена выпускников Литинститута говорят сами за себя: Айтматов, Астафьев, Симонов, Трифонов, Розов, Искандер, Рубцов. Работа Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ с молодыми многими тоже поначалу воспринималась как вещь несерьёзная. Собирается толпа молодёжи – и какой в этом прок? Но засверкали на литературном горизонте имена форумчан – Сенчина, Шаргунова, Абузярова, Востокова, многих других – и все сомнения в пользе подобных мероприятий рассеялись.

Конечно, здесь никто никого не учит писать. Семинары и форумы создают творческую среду, столь необходимую любому пишущему человеку. Человек оказывается среди таких же в высоком смысле сумасшедших людей, как и он сам. И если проблемы взрослой литературы близки и понятны многим, то детская литература стоит особняком. О ней ни с кем, кроме мамаш, озабоченных воспитанием отпрысков, вроде и не поговоришь. Вот и выходит, что начинающим детским писателям тем более необходимы такие встречи. Каждому важно понять, что он не один в этом мире взрослых, глубоко убеждённых, что детская литература заканчивается на Маршаке и Чуковском; каждому важно увидеть себе подобных и убедиться, что жизнь только начинается. Ну и, конечно, советы мастеров, поиск нового, выкристаллизовывание собственного стиля. Писателя делает литературная среда. И чем интереснее и требовательнее будут вокруг люди, тем ярче и неожиданнее будет сам писатель. А тут ещё тебя подпитывают такие великаны – Есенин, Тургенев, Лермонтов, Чехов, в чьих имениях и родовых гнёздах проходят семинары.

Несколько лет назад один из таких семинаров детских писателей собрал, наверное, самые яркие звёздочки молодого детписательского небосклона. И сейчас, открывая списки финалистов премий, неизменно встречаешь их имена. В этом году лауреатами премии им. Михалкова стали Ирина Богатырёва и Наталья Волкова; в прошлом премию им. Крапивина взяла Елена Борода. Среди финалистов премии «Книгуру» оказалась Наталья Евдокимова. Несколько лет назад премию «Заветная мечта» получили Алексей Олейников и Станислав Востоков. Получив свои награды, ребята готовы ехать на семинар вновь уже не столько за учёбой, сколько всё за той же самой невероятно наэлектризованной творческой атмосферой, что рождается во время обсуждений и разговоров.

Семинар – девятый по счёту. Как большинство систем, эта развивается по синусоиде. Сейчас она находится не в высшей точке своего развития, но и не на нисходящей. Скорее – на восходящей. Первые несколько семинаров дали внятный результат – появились новые интересные имена, вышли новые интересные книги (и некоторые благодаря фонду и при его поддержке), после чего действительно стало можно говорить о молодой детской литературе как о явлении (как в своё время заговорили о молодой «взрослой» литературе).

Но если взрослая литература так и осталась замкнутой на себе (мы говорим об отдельных авторах, а не о школе или объединении), то молодые детские писатели стали объединяться, стремиться к своему читателю, выступая против расхожего утверждения, что современный ребёнок книгу в глаза не видит. Видит, и очень хорошо. Надо только ему об этой книге рассказать. И как эхо от хорошего грома, отзвуком первых филатовских семинаров стали фестивали и праздники детской литературы, организованные самими же семинаристами. Анна Матасова в далёкой карельской Питкяранте проводит уже третий фестиваль чтения, на который приглашает как молодых (всё тех же семинаристов) – Ирину Мамаеву, Евгению Коробкову и других, – так и «проверенных» – Константина Арбенина из Питера или финскую рок-группу «Рок-грызуны» с переводчицей Анной Сидоровой – из того же «гнезда». Организованное участниками семинара творческое объединение «Остров Ю» с выступлениями в полном составе съездило в Челябинск, в Хельсинки, а сейчас проводит детские дни в рамках литературного симпозиума «Волошинский сентябрь» в Коктебеле. Не за горами праздник детской литературы во Владимирской области, который будет проводиться также силами участников семинаров. Семинаристы взялись выпускать интернет-журнал «Переплёт» о современной детской литературе. И пускай он местами выглядит дилетантски и наивно, но это всё же игра, которая «стоит свеч». Стоит упомянуть, что молодые детские писатели при помощи всё того же фонда Филатова стали завсегдатаями анимационного фестиваля в Суздале, и есть шансы, что в нашей анимации появятся свежие сценарии и красивые экранизации.

Но есть и ещё один фронт, на котором собираются наступать детские писатели, – критика. Нормальной критики современной детской литературы сейчас почти нет. Есть обзоры на ресурсах «БиблиоГид» и «Жёлтая гусеница», на паре других сайтов. Но все они носят, скорее, рекомендательный характер и попахивают вкусовщиной, нежели несут в себе грамотный разбор и адекватную оценку. Именно поэтому на семинаре в Константинове появилась новая секция – «Литературная критика». Вела её известный критик, литературовед, доктор филологических наук, автор многих учебников по детской литературе Ирина Николаевна Арзамасцева. Она – один из первых критиков, если не единственный, кто стал говорить о том, что современной детской литературе нужна не новая форма, а новый герой, что старомодная ритмика, повествовательность не делают произведение новым, а ставят в ряд пусть хорошо написанных, но старомодных. Именно поэтому на последней премии Михалкова победил роман «Кадын» Ирины Богатырёвой, где показана судьба по возрасту ребёнка, но на деле – взрослого человека, принимающего взрослые решения. Концовка романа скорее удивит, чем оставит ощущение «я так и знал». Это новый роман. И дело критика первым увидеть это. Таких критиков надо растить из среды самих детских писателей, хорошо знающих материал, любящих и умеющих читать детские книги.

Пока же молодые семинаристы всё больше «разминают» старый материал – пишут сказки по следам Туве Янсон, препарируют мифы Древней Греции, населяют мир очередными говорящими ёжиками и кошечками, разбивают сердца своих героев о первую любовь, в стихах воспевают море, ветер и деревья. Это и хорошо, и плохо. Любой начинающий всегда кому-то подражает, «прогибается» перед классиками. Это закон роста. Но для многих на семинаре время ученичества прошло. Настала пора вставать на ноги и творить своё. И это своё должно быть дерзкое, смелое, решительное, без благоговейных приседаний и оглядываний на образцы.

Надо сказать, что со «свежей кровью» всё не так плохо. Работы на конкурс прислали из более чем тридцати регионов, причём это не только Россия, но и ближнее зарубежье. В итоге в финальный отбор попали Челябинск, Петербург, Мурманск, Киров, Алма-Ата, Днепропетровск, Новосибирск, Екатеринбург и другие города. Потому что по закону всё той же синусоиды свежие, неординарные идеи скорее придут из замкадья, чем из пределов Бульварного кольца. Недаром самые сильные сегодняшние авторы в детской литературе – Эдуард Веркин из Иванова, Ирина Богатырёва из Ульяновска, Станислав Востоков, живущий в Подмосковье, Евгения Пастернак с Андреем Жвалевским из Минска. Жаль только, что среди региональных, а также «заграничных» авторов на семинаре мало мужчин. Мужская детская проза не пускает в текст ненужного сюсюканья и сентиментальности, даёт строгие, немногословные повести и рассказы. Но и ребята, получившие рекомендации на участие вне конкурса, очень интересные. Это критик Татьяна Фролова (Санкт-Петербург), прозаик Эльвира Фарниева (Северная Осетия) со сказкой «Не так быстро, царевна», поэт Юлия Симбирская (Ярославская область).

Всё ещё будет. А если прислушаться к отзывам мастеров по итогам семинара этого года, можно сказать, что уже многое есть. Есть зарекомендовавшая себя программа, есть множество начинаний, есть книги и сборники. Дальнейшее решит время, а оно пока на стороне семинара.

Елена УСАЧЁВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Переведи меня!

30 сентября стартует 4-й Международный конкурс «Музыка перевода». Цель конкурса – познакомить отечественных читателей с многообразием зарубежной литературы, никогда не издававшейся на русском языке, а также предоставить творческую и информационную платформу лучшим переводческим талантам русскоязычного пространства.

Работы принимаются с 30.09.2012 г. по 10.12.2012 г. Онлайн-голосование завершается 15.12.2012 г.

В конкурсе могут принять участие все желающие без ограничений по возрасту, месту жительства, профессиональной, национальной и т.д. принадлежности.

Для участия в конкурсе необходимо зарегистрироваться на специально отведённой странице (http://konkurs. itrex. ru/2012/registration/). После подтверждения регистрации участник получает доступ к непосредственному участию в конкурсе и может присылать готовые работы.

На конкурс принимаются переводы художественных и публицистических произведений, в том числе стихи, тексты песен, статьи из иноязычных блогов объёмом не более 10 000 печатных знаков каждый, не публиковавшиеся ранее на русском языке. Размещение в онлайн-дневниках и блогах публикацией не считается.

В ходе конкурса будет выбрано несколько призовых работ: по три работы, получившие лучшие оценки жюри, в номинациях «Перевод прозы», «Перевод поэзии» и «Перевод публицистики», и по одной работе из каждого раздела, выбранные публичным онлайн-голосованием. Жюри выбирает призёров из работ, переведённых с английского, французского, немецкого, итальянского, испанского, китайского языков и иврита.

Более подробную информацию об условиях конкурса вы можете узнать на сайте www. konkurs. itrex. ru в разделе «Правила конкурса».

Организатор конкурса – бюро переводов iTrex.

ДИСКУССИЯ: «ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Прометей – Иоанн – Иуда, или Утрата бытия

Литературный процесс есть отображение действительных процессов. По художественному произведению прошлого можно воссоздать некий срединный образ, человеческий тип, вобравший в себя черты эпохи и оплодотворённый духом времени. В творчестве отражаются не только сознание творца, но также вкусы и психологические состояния самых разных слоёв общества. В то же время и произведения искусства отражаются в общественном сознании, порождая убеждения, вкусы и моду. Искусство позволяет взаимодействовать сознательным фантазиям и бессознательным влечениям, становясь психологическим документом эпохи. Как мошки в янтаре, застывают в искусстве фрагменты психики, по которым затем и можно восстановить портрет эпохи.

Любое творчество по природе своей диалогично. Произведением художник начинает беседу, а стало быть, рассчитывает на то, что будет понят или услышан. Изначально действительность врывается в искусство, но затем уже искусство проецирует на действительность усвоенные картины. Так продолжается до тех пор, пока человечество не подвигается на пути своего развития или вырождения. Тогда старая действительность, перестав быть актуальной, сменяется новой, а искусство в муках разрешается соответствующими времени формами и содержанием.

Ещё недавно в западноевропейской литературе отображался тот человеческий тип, что принято называть прометеевским или фаустовским. Прометей, похитивший для людей огонь у богов, овладел высшим, недоступным для смертных секретом, что помогло людям не просто облегчить себе жизнь, но и обрести силу. Мечтая о земном всемогуществе, Фауст, не убоявшись Бога, обратился за помощью к дьяволу. Русская литература отображала иоанновского человека, склонного к различению в каждой песчинке присутствия Божества (т.е. человеку, следующему мессианскому идеалу, данному в Евангелии от Иоанна. Русскому воплощению этого идеала посвящена, в частности, книга В. Шубарта «Европа и душа Востока». – **Ред**.). Это не деятельный, но созерцательный тип, сомневающийся и страдающий от несовершенства мира. Иоанновский человек не одержим жаждой власти, он ищет каких-то абсолютных идеалов, отсутствие которых доводит его до полного безразличия и непотребства.

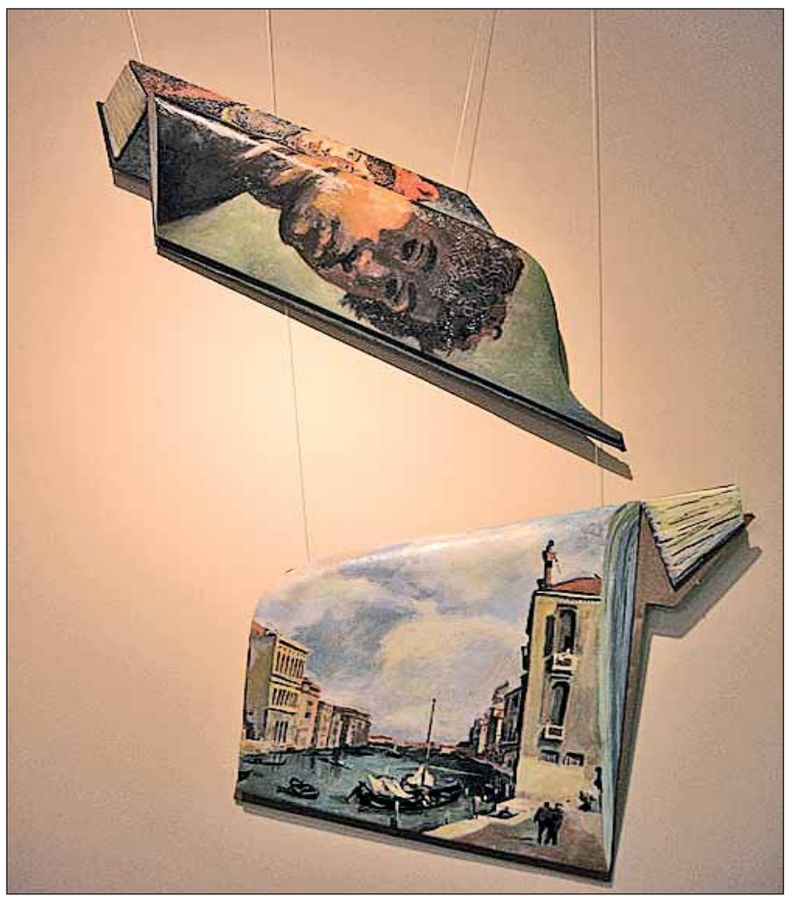
Но всё это было когда-то. Современный человеческий тип, хотя и сохраняющий рудиментарные черты, приобрёл много нового. Прометеевский и иоанновский типы сливаются в нечто единое, и это слияние отражается в литературе.

Так как же со временем назовут наш срединный человеческий тип? Какие черты фиксирует сегодня искусство?

БЕЗ ГЕРОЯ – ИЛИ С АНТИГЕРОЕМ

Прежде всего из литературы исчез героизм. Можно, конечно, рассуждать, что на героизме только и держится Россия, но нельзя утверждать, что героизм этот – явление типическое и узнаваемое. В мире нет сегодня великих идей. Самоотречение как источник любого героизма перестало быть идеалом. Идеалом стал прилавок, новыми лозунгами – «жить по-человечески», «как в цивилизованных странах» и т.п. И сколько бы ни писали благонамеренные писатели-патриоты о том, как бывший десантник поднял колхоз, построил храм и стал батюшкой, не займёт батюшка-десантник место ни Петра Гринёва, ни Андрея Болконского, ни Павки Корчагина.

Даже «маленького человека», то есть человека незаметного в обществе, но влекомого по жизни обычными страстями, подменил филистер, для которого сильные страсти возможны лишь в том случае, когда приходится отстаивать право «жить по-человечески». Помнится, и Акакий Акакиевич радовался новой шинели. Но Гоголь не был бы Гоголем, если бы на этом всё дело и кончилось. И если бы не появился в конце повести грозный призрак, срывающий шинели с проходящих и проезжающих мимо граждан. Эта рука Провидения, расставляющая всё по своим местам, и превращает пусть даже мастерски выписанный анекдот в притчу.



Но, помимо всего прочего, будущие исследователи наверняка подметят одну весьма любопытную деталь. XX, а за ним и XXI век стали временем отчаянных и яростных попыток оправдать Иуду Искариота. Вот лишь несколько наиболее влиятельных литературных примеров. В повести «Иуда Искариот и другие» (1907) Л.Н. Андреев объясняет предательство Иуды особой любовью к Иисусу. Д.С. Мережковский в книге «Иисус Неизвестный» (1934) представляет Иуду защитником ветхозаветного Израиля. Х.Л. Борхес в рассказе «Три версии предательства Иуды» (1944) приходит к выводу, что Бог для Своего воплощения выбрал самую презренную судьбу – судьбу Иуды-предателя. В романе «Последнее искушение Христа» (1955) Н. Казандзакис утверждает, что Иуда как благородный человек предаёт по просьбе Иисуса. В романе братьев Стругацких «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» (1988), содержащем множество аллюзий к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», слабоумный Иуда всего лишь исполняет приказание Учителя, не понимая ни смысла, ни значения того, что сделал. В рассказе Ю.М. Нагибина «Любимый ученик. Ночь на 14 нисана» (1991) предложена трактовка образа Иуды Искариота как человека жертвенного. Роман Д. Брауна «Код да Винчи» (2003) вмещает много разнородных и нелепых сведений по поводу евангельских событий, но предательству Иуды не уделяется в нём никакого внимания: для автора это – ничего не стоящее происшествие.

Когда в разные виды искусства проникает одна и та же идея, можно смело говорить о чём-то значимом и неслучайном для человека. Но оставим в покое кинематограф и тот злополучный памятник в Свияжске, который то ли был, то ли не был поставлен Иуде большевиками. Остановим внимание на литературе, которая и в самом деле изобилует апологиями Иудина греха, что позволило О. Николаевой говорить об иудологии, *«если не иудодицее»*.

«Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32), – вот что было обещано Иуде и от чего он отказался своим предательством. Современного человека, в том числе и художника, характеризует добровольный отказ от свободы, произошедший, кстати, под лозунгами борьбы за неё же. Свобода для писателя означает не возможность писать всё, что забредает ему в голову, но действительное превосходство внутренней самооценки над внешним признанием. Но так велик соблазн скорой славы и прибыли, что и претендующие на серьёзное к себе отношение критики, и те писатели, для которых литература вроде бы призвание, а не ремесло, всерьёз поговаривают, что без высоких тиражей, премий и участия в ТВ-игрищах не может быть настоящего писателя. Современный художник не проявляет требовательности к себе, он стремится нажить curriculum vitae, резюме. Но тем самым он добровольно отказывается от свободы и подчиняет творчество тем, от кого зависит очередная строчка его послужного списка.

РАССЛАБЛЯЙТЕСЬ!

В классическую эпоху под творчеством понимался процесс предельного напряжения воли, наградой за которое бывает открытие недоступных другим смертным тайн. Теоретики постмодернизма учат абстрагироваться от реальности и предаваться играм со знаками. И художник отказался от всяких тайн. Он больше не предлагает читателю откровений, он предлагает изменить восприятие и вместо постижения действительности забавляться нехитрой игрой слов. Можно ли, применительно к русским писателям, говорить здесь о свободе творчества? Никак. Можно ли говорить о предательстве? Вне всяких сомнений.

Речь идёт не столько об измельчании рода человеческого, сколько о повсеместной человеческой тяге к расслабленности. Свободе, всегда требующей усилий и чреватой муками, человек предпочёл чувственное раскрепощение. Постмодернизм, призывающий подменять реальность разного рода имитациями, принёс новое понимание свободы и радости. Человечество не хочет более постижения сущего, с него довольно немудрёных удовольствий. Вот почему творчество, в том числе и литература, обращается не к разуму, а к инстинкту. Преступность, жестокость, сексопатологии, так уютно обосновавшиеся в современной литературе, есть не что иное, как реверанс алчным инстинктам.

Пощекотывание инстинкта дарит несравненно более сильные ощущения, чем те, что способна подарить реальность. Человек не может жить в виртуальном мире и есть виртуальную пищу. Но он вполне может радоваться и даже быть счастливым по совершенно виртуальному поводу. Иллюзорное наступает и вытесняет реальное. Талант и свобода, эмоции и общение, заслуги и профессионализм всё более уверенно перемещаются в область иллюзорного, где человеку проще и легче существовать.

В эпоху постмодернизма в творчестве перестаёт цениться то, что ценилось в классическую эпоху. Сегодня автор – это симулякр, имитация самого себя. Это тиражи, премии и некая роль: вот наш ироник, а вот – простой русский парень, молодые-энергичные, нацменьшинства, бабушки, живущие «по заграницам», а вот – особая категория – православный писатель. Текст утрачивает связь с реальностью и начинает существовать сам по себе. Отсюда словесная неудержимость, потоки сознания, бессмысленные, не ведущие ни к чему описания, отсутствие стиля и лексическая бедность.

Предложенной свободе, связанной с мучительным восхождением в Царство Небесное, Иуда предпочёл привычные и понятные радости. Вместо реальности – человеческого образа – он избрал симулякр – тридцать сребреников. Совершив своё предательство, он как бы сказал решительное «нет» словам «не любите мира и того, что в мире» (1 Ин. 2:15). Иуда стал первым известным нам постмодернистом и олицетворением современного общества потребления. Оправдывая Иуду, то в явном, то в замаскированном виде выглядывающего из современных художественных произведений, человечество оправдывает себя. Мы застали тот исторический миг, когда один человеческий тип сменяется другим. На место прометеевского и иоанновского человека пришёл ***иудин человек***. Но мы помним, что стало с Иудой: «бросив сребреники в храме, он вышел, пошёл и удавился» (Мф. 27:5) Тридцать сребреников – цену раба – Иуда получил за свою свободу, которую он утратил с момента предательства. Иуду купил князь мира сего, разлучив навсегда с бытием. И это страшное предупреждение для современного человека.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ЗОЛОТАЯ СОТНЯ

Алфавитная эпопея

И снова – «Золотая сотня». На сей раз от Демидовой Эмилии. Список заинтересовал нас тем, что составитель оного по профессии библиотекарь. И вот что Демидова сама говорит о проделанной работе: «При составлении сего списка я исходила из таких соображений: страстная увлечённость авторов своим делом, несомненный талант их, умение поставить в своих творениях общественно значимые проблемы, нравственная порядочность, превосходный язык изложения, историческая правда».

Что ж, посмотрим, какие произведения угодили такому принципу.

Кардинальное отличие данной сотни в том, что авторы представлены в алфавитном порядке, причём отечественные и зарубежные классики вперемешку. Благодаря этому появилась системность, и вероятность пропустить то или иное значимое имя заметно уменьшилась.

Однако и в представленной сотне, несмотря на общую сбалансированность, есть свои странности. К примеру, пять пунктов отдано Горькому, а Толстому и Достоевскому – по одному. Не нашлось места для Фета, Тютчева и Мандельштама, однако нашлось для Губермана и Алигер. Один пункт отведён даже Словарю по эстетике, тогда как литература эмиграции не представлена вовсе: нет ни Владислава Ходасевича, ни Георгия Иванова, ни Гайто Газданова, ни Владимира Набокова.

Отрадно, что в сотне Демидовой присутствуют такие авторы, как Иннокентий Анненский, Виктор Астафьев, Аркадий Гайдар, Юрий Герман, Константин Паустовский, Юрий Бондарев, Юрий Трифонов, Юрий Казаков (первый раз в списке!), Михаил Пришвин, Владимир Гиляровский. Однако наличие в списке некоторых книг откровенно удивляет. К примеру, К. Станиславский «Моя жизнь в искусстве». Эту книгу следует изучать, скорее, по курсу «Эстетика», а не на уроках литературы. Ставят в тупик такие книги, как Н. Рубакин «Среди книг», П. Неруда «Признаюсь: я жил», Д. Лихачёв «Заметки и наблюдения», С. Конёнков «Мой век». Всё-таки нельзя не согласиться с тем, что 100 книг – слишком мало для того чтобы включать туда имена мало того что не первого ряда, но и не писателей вовсе, тогда как многие из первоклассных поэтов и прозаиков попросту забыты.

Из современных авторов рекомендована к прочтению Новелла Матвеева. Автор, несомненно, достойный, но тут же возникает вопрос: а почему не Белла Ахмадулина или Евгений Евтушенко? Почему не Николай Рубцов? Во избежание подобных недоумений уместнее будет вообще оставить в покое современную литературу, предоставив право сделать подобный список нашим потомкам, которые два-три поколения спустя уже могут более-менее объективно оценить то, что для нас сейчас лишь текущий литературный процесс.

Если говорить о зарубежных авторах, то здесь картина тоже своеобразная. Прекрасно, что в списке появились Сент-Экзюпери, Сэлинджер, Мопассан, Моэм. И тут же почему-то Р. Джованьоли, Э. Базен, Ф. Саган. То есть, конечно, Франсуаза Саган писательница неплохая, но почему именно она? Почему, скажем, не Артур Хейли?

Отечественных книг в списке больше, чем зарубежных. Возможно, это и правильно. Вот только немало книг, которые хорошо бы прочесть, но, скорее, не по программе, а по внеклассному чтению, если таковое сейчас вообще существует. Спору нет – интересна во всех отношениях книга Монтеня «Искусство жить достойно», но, возможно, с ней будет уместнее познакомиться на уроке философии. К тому же к чтению подобных книг нужна подготовка.

Обобщая, можно сказать, что алфавитный принцип данного списка, с одной стороны, позволяет систематизировать работу по подбору книг, с другой – вовлекает в орбиту «Золотой сотни» всё, что вспомнилось на ту или иную букву, к тому же получился некий перекос в сторону отечественной литературы. Наверное, гармоничнее всё-таки придерживаться правила пятьдесят на пятьдесят, то есть половину пунктов из списка отдавать отечественной классике, а половину – зарубежной. Хотя это тоже не строго обязательно.

Ульяна БОЧАРОВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Замысловатый чудо-ключ

Составитель уточняет: это сборник сочинений русских поэтов, живших когда-то или живущих на территории Республики Мордовия. Здесь также представлены стихи мокшанских, эрзянских и татарских поэтов, пишущих на двух языках, один из которых – русский. Конечно, глаз сразу выделяет широко известные имена – Александра Полежаева и Николая Огарёва из давних лет, Людмилы Татьяничевой – из недавних, ныне здравствующего в Самаре Бориса Сиротина. Но их и кое-кого ещё мы читали и в других изданиях, потому интереснее менее известные поэты.

Русская поэзия Мордовии: Опыт антологии / Редактор-составитель В.А. Федосеев. – Саранск, ИД «Книга», 2012. – 480 с. – 500 экз.

Многие из них пишут на весьма высоком уровне. На разные темы и в разной тональности. Вот трагическое стихотворение безвременно ушедшего из жизни Николая Снегирёва:

У калитки, составив лопаты,
Входят бабы на тихий погост.
Разбредаются…
Сникнув в сторонке,
Повилику задумчиво рвут,
А невидимые жаворонки
Без умолку поют и поют.

Жаль, не читали это стихотворение в Государственной Думе, когда обсуждали статью о клевете...

Конечно, ожидал я, что в антологии будет упомянут знаменитый мордвин – замечательный скульптор Степан Эрьзя (с которым, похвастаюсь, мне довелось лично встречаться и разговаривать). И вот читаю Вадима Мянчинского:

Алатырь, камень бел-горюч,
На острове Буяне.
Замысловатый чудо-ключ
К святой, забытой тайне.
Мне выпал праведный урок –
Искать тот ключ донельзя.
Его найти, наверно, мог
Мой соплеменник Эрьзя.

А Виталий Юшкин посвятил знаменитому скульптору целую поэму – «Тысяча строк об Эрьзе»...

Увы, всех несомненно достойных не перечислить. Но нельзя не сказать, что в целом в антологии представлены поэты, следующие русской реалистической традиции. Как написала Елена Дедина в стихотворении, посвящённом поэтам-современникам «*Как Солнце – Пушкин, Лермонтов – Луна / И между ними наши имена...*».

В предисловии составитель написал, что его труд – это именно «опыт антологии», а не антология, потому что антология должна состоять из трёх томов: русской, мокшанской и эрзянской поэзии. Но перед ней стояла бы совершенно другая задача – показать весь спектр поэзии, цветущей на данной территории. А он ведь собрал только русскую. И в этом плане можно (если у него есть такие планы) создать антологию более краткую, чтобы хорошие стихи не затерялись среди проходных.

Юрий БАРАНОВ

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТСМЕНА

По проекту директора Оренбургского дома литераторов им. С. Аксакова Валентины Ревиной в детском лагере отдыха «Энергетик» действует летняя школа для ребят, увлечённых литературным творчеством. В ней занимаются 20 детей со всей области. С литературной сменой встречались писатели Пётр Краснов и Виталий Молчанов, прозаик и переводчик Вячеслав Моисеев, пародист Сергей Салдаев и другие. Пятый завершающий смену мастер-класс провели Виталий Молчанов, Сергей Хомутов и детский поэт – наставник творческой молодёжи Александр Степанов. Юные сочинители познакомили опытных литераторов со своими произведениями. Некоторые из них в поощрение получили книги с автографами.

ЛИТКОНКУРС

Церемония награждения победителей Всероссийского литературного конкурса среди молодых авторов имени Л.И. Ошанина прошла в Москве. Призёрам презентовали книгу-альбом «Лев Ошанин. Солнечный человек», информационным спонсором которой стала «Литературная газета».

ЛИТПРЕМЬЕРА

В издательстве «БУЛАТ» только что вышла новая книга о Булате Окуджаве «Портрет счастливого человека». Автор – известный критик и литературовед, профессор Геннадий Красухин, знавший поэта ещё со времён совместной работы в «ЛГ».

ЛИТВЫСТАВКА

В «Доме Высоцкого на Таганке» открылась выставка из цикла «Один год жизни поэта» – «1972. Високосное лето Владимира Высоцкого». На выставке представлено более 150 экспонатов, среди которых автографы стихов и песен, написанных в 1972 году, а также материалы из фондов ГКЦМ В.С. Высоцкого, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы, частных коллекций.

ЛИТПРЕМИИ

Ежегодная литературная премия «Новая словесность» («НОС») обновила состав жюри. Его председателем стал критик Константин Мильчин. 31 июля закончился приём заявок на участие в конкурсе нынешнего года. В жюри вошли литературовед Николай Александров, писатель Андрей Аствацатуров, литературный критик Галина Юзефович, лингвист Максим Кронгауз. Они сменили социолога Алексея Левинсона, поэта Елену Фанайлову, филолога Марка Липовецкого, литератора Кирилла Кобрина и журналиста Владимира Толстова. Остаётся ждать, насколько результативной станет работа по выявлению «новой социальности» в литературе.

Издательство «Росмэн» представило шорт-лист III ежегодного конкурса «Новая детская книга». В него вошли 20 произведений в двух номинациях 2012 года: «Весёлые истории» и «Оригинальный сюжет». Началось голосование членов экспертного жюри и открытое читательское голосование на сайте издательства «Росмэн». Голосование продлится до 15 августа.

Премия «Ясная Поляна» объявила длинный список по двум номинациям. Лонг-лист только номинации «XXI век» действительно настолько длинен, что привести его в информационной рубрике нет никакой возможности. Правда, половину списка занимают имена и произведения, бесперебойно кочующие из одного премиального реестра в другой. Это Ю. Буйда, М. Галина, Б. Евсеев, А. Иличевский и др. Вошла в список и книга многолетнего сотрудника «ЛГ» Игоря Гамаюнова «Жасминовый дым».

ЛИТНАГРАДА

Медаль Пушкина вручили одному из самых известных и заслуженных знатоков русской литературы и культуры в Мексике – Хосе Луису Флоресу Лопесу. Церемония награждения состоялась в посольстве РФ в Мехико. Лопес является одним из ведущих в мире специалистов по изучению творчества Достоевского. В мексиканских изданиях опубликован ряд его исследовательских работ о Пушкине, Лермонтове, Толстом, Чехове и других великих русских писателях.

ЛИТНАХОДКА

Заместитель прокурора Пензенской области Сергей Васин в Ставропольском архиве отыскал документы, связанные с гибелью Михаила Лермонтова на дуэли, которые Васин передал музею-заповеднику «Тарханы». В частности, среди находок есть запись городового частной управы: «В городе Пятигорске уволенный от службы из Гребенского казачьего полка майор Мартынов и Чемгинского пехотного полка поручик Лермонтов 15 июля в двух верстах от города, у подножья горы Машук имели дуэль, на которой Мартынов пистолетным выстрелом ранил Лермонтова в бок, отчего тот умер».

ЛИТФЕСТИВАЛЬ

Ключевой темой 11-го Фестиваля поэзии на Байкале стало обсуждение преемственности поколений. Прошёл круглый стол «Учителя и ученики». Привезти в Иркутск известных поэтов организаторам на сей раз не удалось, поэтому в дискуссии приняли участие те, кто сумел добраться до Байкала: М. Галина, А. Штыпель и др.

ЛИТПАМЯТЬ

В Пскове на фасаде областной универсальной научной библиотеки торжественно открыли мраморную доску в память о том, что там работал поэт Александр Гусев.

ЛИТУТРАТЫ

Ушёл из жизни поэт и прозаик Александр Медведев. Выражаем искреннее соболезнование родным и близким.

Не стало костромской поэтессы Натальи Королёвой. Её стихи были светлы, мелодичны, наполнены добром и красотой. Искренне соболезнуем землякам и близким.

В Уфе после тяжёлой болезни скончался Михаил Ерилин – поэт, лауреат литературной премии имени Степана Злобина. Скорбим вместе с читателями Башкортостана и всей России.

С прискорбием сообщаем о кончине Евгения Борисовича Пастернака, старшего сына великого поэта, создателя отцовской биографии и редактора его собрания сочинений.

Издательство «Перо» предлагает:
✓Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
✓Также Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
✓Срочные публикации научных статей
г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27 офис 105
www.pero-print.ru pero-print@yandex.ru
Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36

ПОЭЗИЯ

Семейный альбом

Любовь ТУРБИНА

Окончила физфак Белорусского государственного университета. Работала в Институте генетики АН БССР. Выпускница Литературного института. Работала старшим научным сотрудником Института литературы им. Я. Купалы АН БССР. Кандидат биологических наук. Дебютировала как поэт в 1974 году. Автор пяти стихотворных сборников и многих публикаций. Сейчас живёт в Москве. От души поздравляем Любовь Николаевну с юбилеем и желаем всего, чего полагается желать прекрасной женщине, учёному и поэту!

СНЫ-ГОРОДА

Сны-города… Просыпаясь, остыну от плача…
Всё как тогда, иногда, понемногу – иначе.

Там, за кирпичной стеной, поворот и калитка:
Справа налево завит переулок улиткой,

Диким плющом затянуло балкон наш и хмелем,
В юности, очень давно, наизусть, еле-еле,

Робко по клавишам, пальцы сбивались со счёта,
Каменных лестниц ступени, перила, пролёты,

Двери беззвучны, и зеркало тускло в прихожей…
Сны-города, но всё у́же дорога туда,
и всё реже прохожий.

МАМЕ

Как безропотно листья ложатся на крышу…
Осень позднюю в мамином голосе слышу.
Словно пленная птица, мама смотрит в окно:
Много жести, железа… А дерево только одно.

БРАТУ

Далёкие птицы крестами
Легли на остывший закат.
Вослед улетающей стае
Гнездо покидает мой брат.
Давно ли? Да только что вроде
Как кустик, он тронулся в рост
И взглядом блестящим смородин
Меня провожал до ворот.

И спицы впивается жало.
Когда отворяется шкаф –
Тебе этот свитер вязала,
Не кончила левый рукав…

А сад зарастает крапивой,
А в доме – холодная ночь.
Смотрю, как уходишь, красивый,
Стою и не смею помочь.

Судьбу утюгом не разгладишь –
Дорога пошла на излом…
Последний, единственный, младший,
С одним лебединым крылом.

ПОЕЗДКА В РЯЗАНЬ

Успела! Господи – жива!
Не шутка – девяносто два,
Не оживают в пальцах спицы,
Уже – узнав меня едва –
Она сидит, не суетится,

Как будто слова ждёт: пора…
Почти не кожа, а кора,
Но взгляд особенно прозрачен
И проникает до нутра:
Что за удел мне предназначен?

Ей суть прожитого ясна.
Всё можно упростить до факта:
«А сколько деток? Дочь? Одна?»
И губы в нитку: «Что ж ты так-та?»

И что ответишь на вопрос?
Ей вторит в тесной кухне эхо…
А скул бугры, глаза враскос
У нас от прадеда, Салеха.

Века жужжит веретено.
Река достигла океана,
Всё тоньше нить живая, но
Да будет имя осиянно –
АННА!

СОН В КРЫЖОВКЕ

Не сон, видение, кадр-стоп:
Стоит отец – и землекоп,
Всё как обычно – сад и лето.
Берёза высветлила прядь,
А папа знает, где копать,
Он объясняет – звука нету.

Но землекоп вдруг вперил зрак
В меня – и воцарился мрак,
Всю ночь я помнила то место.
А утром – здравствуй, мотылёк!
Загримирован под цветок
Оранжевый свидетель вести.

Поведать он хотел – о чём?
Но глух валун, поросший мхом…
И не расслышанная вновь,
Как и тогда, при этой жизни,
Психея, бабочка, любовь
Трепещет нервно в укоризне…

***

Мимо пролетают – тени не спугнут –
Бабочки мгновений, ласточки минут.

Пробегают мыши серые ночей:
Стук дождя по крыше, шорох у печей.

Днями электрички стороной гудят,
Липою в июле пахнет тихий сад.

Только с каждым летом выше из травы
Светлый одуванчик детской головы.

Стебель-тонконожка с розовым сачком
Бегает за каждым лёгким мотыльком…

Главное – а дети тут умнее нас –
Происходит в мире именно сейчас!

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Петровский парк – летят по ветру листья,
Но ни один не взмоет ввысь, назад…
Листы по-белорусски – это письма
Потерянные – выбыл адресат.

Я жду давно письма из Беларуси.
Но сомкнут рот покинутой земли.
Летят на луг там песенные гуси,
Хотя какие гуси – журавли!

Но оттуда густо веет смутой
И бедой – друзья разобщены…
Не согреет душу плат лоскутный
Неделимой некогда страны.

Пусть клёны на Антоновской алеют
Сегодня лишь во сне, не наяву…
Петровско-Разумовская аллея
Ведёт туда, где я теперь живу.

БЛАГОДАТЬ

Это не усталость, это зрелость:
Отошли сомненья, зависть, злость…
Прозвучало то, чего хотелось,
Более ли, менее сбылось.

Главное, стал мир почти прозрачен.
И, как ласка, близко благодать.
Лишь того, кто был мне предназначен,
Так и не сумела отгадать.

Грядёт закат

Виктор ГОФМАН

ИЮНЬ

Опять этот пух на асфальте
Пытается взмыть в духоту,
И быстрые скрипки Вивальди
Подхватят меня на лету.

И там, где встречает Тверская
Знакомый бульвар на пути,
В далёкую повесть вникая,
С поднявшимся пухом лети.

Над скверником Герцена ветер
Припомнит студенческий гул
И галочкой лёгкой отметит
В журнале последний прогул.

У сетки спортивной площадки
В бессильной тени тополей
Ищи и стирай отпечатки,
О скрытых уликах жалей.

И, города не узнавая,
Рыдай и плыви всё равно
Над утренним звоном трамвая,
Который не ходит давно.

Плыви и на отзвук начала,
Когда ускользают черты,
На всё, что когда-то звучало
В пустыне твоей глухоты.

Лови обновившимся слухом
Уже на исходе пути
Над летом, над сквером, над пухом,
Над всем, чему слов не найти.

У ЗАЛИВА ЛЕТО

Тропинка пыльная, крутая
Средь мёртвых трав,
У моря дремлет чаек стая,
Кружить устав.

По окоёму взгляд скользящий
Куда ни кинь:
В дали сияющей, слепящей
Искрится синь.

И чувствуешь в лучах усталых –
Грядёт закат;
Лишь солнце скучное на скалах
И треск цикад.

ОСЕНЬ

Ищет сегодня приюта
Над опустевшим селеньем
Ветер осенний.

Трогает голые ветки,
Долго играет у пирса
Старой газетой.

Поздняя, хриплая пена
Плещет, назад уползая;
Гул бесполезный.

Жизнь пролетела, и скрылись
Над беспокойной волною
Белые крылья.

***

Уже не ропщет заключённый
И ничего уже не ждёт:
Засовом лязгнет стражник чёрный,
Похлёбку ржавую плеснёт.

Под африканским грубым солнцем
В полуподвале душный смрад:
Кружат и ноют кровососы,
И крысы по углам шуршат.

В потёмках, смешиваясь с грязью,
Изъел терпенье едкий пот,
И нет конца однообразью,
И только смерть – ему исход.

Когда же ночью на рогоже
Тоску смежаю гнойных век,
Я вижу вновь одно и то же:
Холодный, чистый, белый снег.

Лежит в полях, летит снежками,
Ссыпается с еловых лап,
Растёт тяжёлыми комками
Для крепостей и снежных баб.

И оседает у тропинки
Под серой коркою своей,
Когда оделись иглы в льдинки,
Но хвоей тянет всё сильней.

Или заснеженную дачу
В далёких соснах узнаю,
И падаю в него – и плачу,
И обнимаю, и жую.

ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Спокоен будь среди зенитных вспышек,
Снижайся твёрдо – будешь невредим,
Ведя к земле полдюжины мальчишек
Сквозь чёрный поднимающийся дым.

Как этот бой пригрезился некстати
В его невозвратимой высоте
В больничной переполненной палате
С резиновою трубкой в животе.

Я буду рядом

Лариса ФРАНЦУЗОВА

Родилась и выросла в Коктебеле. Окончила Харьковский государственный институт культуры. Писать стихи она начала в пять лет, её первый поэтический сборник «Колыбель любви – Коктебель» был опубликован в 2006 году. Мать троих детей. Стихи читает дуэтом со своей дочерью Алей.

КОКТЕБЕЛЬ

Столетьями ваяемое чудо
Красуется теперь среди холмов,
Укрытое от ветров отовсюду,
Во власти карадагских древних снов.

Покрытое туманом и мечтами,
Витающими преданно над ним,
Такое чудо есть ещё едва ли –
Рай на земле с заливом голубым.

В смешенье ароматов мха
с полынью,
Чем этот рай до глубины пропах,
Мерещатся видения над синью
В загадочных диковинных цветах.

И грозной устрашающей громадой
Уснувший возвышается вулкан.
И мнится у подножия наяда,
И чудится в глуши его Тарзан.

В непроходимых заповедных дебрях
И образы, и звуки, как во сне:
То топот пробегающего вепря,
То стон какой-то птицы в тишине.

И, словно ниоткуда, на поляне
Источник обнаруживаешь вдруг.
Реальность с невозможностью
на грани;
Повисла тайна некая вокруг.

Хранят её, безмолвные, веками
И мальвы, и боярышник, и хмель,
И старый, на скале замшелый
камень,
Где пращур высек слово
«Коктебель».

***

Да, я грешила и лгала,
Но как хотелось жить!
Любовь – колючая игла,
Страсть – шёлковая нить.
Порой земной казался мне
Безрадостным удел:
За слово вольное – к стене,
Шаг в сторону – расстрел.
Мой каждый пламенный порыв
На волю рвался – прочь,
И я, опасность позабыв,
Не в силах превозмочь
Шальную прыть, что так легко
С пути сбивает нас,
Взлетала в чувствах высоко,
Срываясь всякий раз.
Но поднималась и опять
Латала два крыла,
Чтоб снова к звёздам улетать,
Чтоб снова жить могла.

БЕЗ ТЕБЯ…

В иных просторах и мирах
Я буду рядом:
Протяжным отзвуком в горах,
Цветущим садом,

Я стану чайкою морской
Над гладью зыбкой,
Щемяще-сладкою тоской,
Твоей улыбкой,

Лучом воскресным поутру,
Слезой дождливой
И распростёртой на ветру
Плакучей ивой.

Я возвращусь твоей весной,
Росой апреля,
Волшебной песнею лесной
В рассветных трелях,

В жару – спасительным вином,
Кристаллом – в льдине
И в злую стужу за окном –
Огнём в камине.

Я превращусь в последний стих,
Но самый нежный,
И разольюсь у ног твоих
Волной прибрежной.

Я – алая живая нить
Биеньем – в жилах.
И ты поймёшь: нас разделить
Ничто не в силах!

БАГРЯНЫЙ ЗАКАТ

Излом волны
Сияет аметистом,
Струистыми
Смарагдами огней…
О, эти сны
О небе золотистом!
О, пристани
Крылатых кораблей!..
М. Волошин

Багряный закат,
Зелёный прибой,
Коралловый берег лучистый,
Загадочный взгляд,
Твой взгляд голубой
Очей удивлённых и чистых…
Цитриновый блик,
Лазурный изгиб,
Прозрачность пленительной влаги,
Луна-сердолик,
Агатовый нимб
На синей небесной бумаге.

Оранжевый день
Сиреневый сон
Укрыл под мантильей лиловой.
Парчовая тень –
Воздушный коттон
Июльского дня золотого…

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Тихо вокруг, на душе тишина,
Разум в объятиях сна,
Чувственно в небе вздыхает луна,
Шепчет морская волна.

Птицы – в безмолвии,
дремлют цветы,
Их сновиденья чисты,
Ропот кустарников слышен густых,
Шелест паденья звезды.

Летняя сказка: волшебная ночь,
Тайна – родная ей дочь…
Я убегаю, счастливая, прочь,
Чтобы восторг превозмочь,

В замкнутость комнат
из вольной глуши –
Для упоенья души.
Как же мгновенья тоски хороши,
Как ароматы свежи!

Ярче, насыщенней пахнет трава,
Кругом идёт голова…
Тают, значенье теряя, слова,
Слуха коснувшись едва.

ВПЛЕТАЮ В ВОЛОСЫ…

В шёлковые волосы
Я вплетаю нежность,
Радужные полосы,
Утреннюю свежесть,
Золото лучистое,
Небо голубое,
Нити серебристые
Лунного прибоя,
Сладкого цветения
Колдовское зелье,
Все цветы весенние,
Летнее веселье,

Ветра неуёмного
Ласковые струи,
Мальчика влюблённого
Взгляд и поцелуи.
Я вплетаю бережно,
Сохранив до капли,
Все признанья – веришь ли? –
Все твои объятья,
Слово вдохновенное,
Трель и птичью стаю,
Нежно всю Вселенную
В волосы вплетаю…

Светлана ХРОМОВА

«Когда душа согласна с мастерством»

Александр МИЛЯХ

МОЛДОВА

БОЛЬ-ТРАВА

И послушна, и упряма,
Порождённая судьбой,
Зарастает густо память
Быль-травой и боль-травой.
Быль людскую на поруки
В доброте берёт строка,
Горькой правдой живы муки,
Долго мелется мука.

Издают далёкий скрежет
Лет жестоких жернова,
Боль-трава по сердцу режет –
Непокорная трава.

Заросло широко поле
Под названьем острым –
Русь!
Быль-трава растёт по пояс,
Боль-трава растёт по грудь.
Поднялась трава до сердца,
Заросла травой тропа,
А куда от муки деться?
Через жизнь ведёт
Судьба…

СЛУЖЕНЬЕ ПУШКИНСКОЙ МЕТЕЛИ

В. Рахманову

Дни в пургу вдохновенья летели,
Уходили в метели – года…
Вам небесные ангелы пели
И остались в судьбе навсегда.
Под санями играет дорога,
Бубенцов голос искренний
Прост,
Колокольчик поведает строго
О трагичном бессмертии вёрст.
Не уйти от священной погони
В поединке и вечном бою,
Кони мчат. Знают чуткие кони
Непокорную душу
Мою.
Пусть звенит золотая пороша,
Снежной ноты сверкает
Кристалл
И напомнит, что век мой
Хороший,
Я плохим человеком не стал!
Так играйте, играйте,
Кудесник,
Созидайте во мне чудеса,
Возвращая высокие песни,
Что дарили луга и леса.
Вы влюбить чудо в чудо сумели,
Я услышать сквозь время смогу –
Волшебство музыкальной метели
И стихов колдовскую пургу.
В вашей музыке нет междометий,
Поступь вечности к сердцу легка –
И тревожно приходит столетье,
И достойно уходят… Века.
К Чёрной речке приводит дорога,
И метель затихает уже,
Но я понял присутствие… Бога!
И почувствовал… Бога – в душе.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

А грозной ночью взбунтовались вещи.
Не стены в трещинах –
разрушился покой.
Гончар поранен… Зажигает свечи
Умелою и твёрдою рукой.
Среди потерь, утрат и потрясений,
В нашествии уверенного зла
Он сохранил творить добро уменье,
Художник из молдавского села.
Разбились вазы, бюсты, люстры,
И замер в полутьме просторный дом…
Владеть собой – особое искусство,
Когда душа согласна с мастерством.
Её огонь нерукотворный вечен,
И час урочный всё же – Впереди…
Талант творца те продолжают вещи,
Земной цены которым не найти!

ДОМИК В ПУШКИНСКОЙ ДОЛИНЕ

А на окне –
Седые георгины
Цветут.
Цветут – все времена подряд,
И стены дома смыл
наполовину,
Как водопадом,
Дикий виноград.
Войдёшь?..
Хрустят простые половицы,
А на столе –
Зачинщике пиров –
Грустят страницы,
письма из столицы,
Усталое
Гусиное перо.
Но этот дом!
И этот палисадник…
Сутулые, сухие тополя
Запомнили:
Промчался дерзкий всадник
И пыльным гулом
полнилась
Земля.
В село вплывало солнце.
Спозаранку
В кувшинах стыло
Старое вино,
А в чистом доме
Юной молдаванки
Склонились
Георгины
За окно.

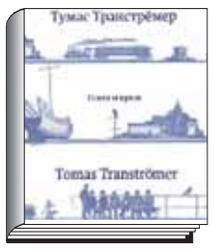
ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Дмитрий Никитин. **Жизнь Иринина.** – М.: Голос-Пресс, 2011. – 189 с. – 500 экз.

Передать жизнь такой, какой видят и воспринимают её люди, – основная задача Дмитрия Никитина. Жизнь не «картонную» и односложную, но подлинную и подчас противоречивую. «Я бы хотел понять, что произошло. Я теряю остатки себя», – говорит один из героев прозы Никитина. В этих словах – не просто поиск внешних ориентиров происходящего, но и желание понять истину, которая всё время незримо присутствует где-то рядом. И Иринин, и Мясничий (персонажи романов «Жизнь Иринина» и «Кукольный театр») живут в своём собственном мире, покидать который им совершенно не хочется – ведь там, «по ту сторону», ждёт соприкосновение с реальной жизнью, которого они могут не вынести... Множество тонких линий, из которых состоит жизнь любого человека, у Дмитрия Никитина обретают форму зримых и существенных, становятся словно действующими лицами. В них нетрудно запутаться, что и происходит с героями, которые, потеряв себя, не могут до конца оторваться от жизни – слишком уж крепко они с ней связаны.

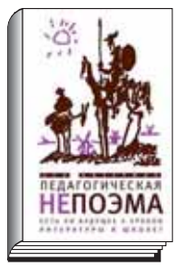
ПОЭЗИЯ



Тумас Транстрёмер. **Стихи и проза.** – М.: ОГИ, 2012. – 328 с. – 1000 экз.

Это самое полное собрание сочинений нобелевского лауреата, шведского поэта Тумаса Транстрёмера. Рекомендовать его читателям, которые не любят верлибр, практически невозможно. Если же ритм и рифма – не то, что читатель непременно ищет в поэзии, то Транстрёмер окунёт его в водоворот образов, который иногда не имеет даже сколько-нибудь внятного смысла, но всегда имеет настроение, всегда ярок и кинематографичен. Поэт черпает образы отовсюду – из новостей, из живой и неживой природы, из мифологии и средневековой истории, из Гоголя, из Гёте, из Гайдна... Кажется, что река впечатлений течёт даже помимо Транстрёмера, но едва вы об этом подумаете, как он сам напишет: *«Замечательно чувствовать, как моё стихотворение растёт, / в то время как я уменьшаюсь. / Оно растёт, занимая моё место. / Вытесняет меня. / Выталкивает из гнезда. / Стихотворение готово»*. Так непроизвольность, возведённая в творческий метод, становится характерной и узнаваемой чертой поэтики.

ПЕДАГОГИКА



Лев Айзерман. **Педагогическая непоэма.** – М.: Время, 2012. – 320 с. –1500 экз.

Лев Айзерман начал преподавать литературу в школе ещё при жизни Сталина, а теперь он, заслуженный учитель, работает с детьми, которые родились уже после развала СССР. Столь продолжительный труд сам по себе вызывает уважение, а читая книгу, испытываешь потрясение от того, что это совершенно не закосневший человек, который по-прежнему искренне живёт русской литературой; проводник тонких духовных материй, пробуждающий добрые чувства, когда казёнщина, захлестнувшая российскую школу, требует переформатировать творение духа в пластмассовый набор знаний. Конечно, мы понимали, что литература в школе переживает кризис. Но мало кто представлял глубину причин и бездну явлений, из которых он складывается. Когда человек, положивший целую большую жизнь на важное большое дело, всерьёз сомневается в том, что у этого дела есть будущее, – не прислушаться к нему было бы кощунством. Мы должны прислушаться: ведь это не только про власть, которая непрофессиональна, не только про нынешних детей, которые «другие», – это и непоэма про нас самих.

БИОГРАФИЯ

В.Г. Смолицкий. **Я жил в те дни...**: Биографические этюды о Борисе Пастернаке. – М.: Звезда и Крест, 2012. – 162 с. – 400 экз.

О Пастернаке написано весьма немало, но о Пастернаке тридцатых-сороковых-пятидесятых годов известно всё же значительно больше, чем о юности поэта, которая пришлась на тяжкое время перемен: волнения 1905 года, Первая мировая война, две революции. Предлагаемые «этюды» дополняют представление о взрослении будущего знаменитого писателя: его школьных годах и учителях, причастности к общественным выступлениям, первом знакомстве с Петербургом и Европой. Особо рассказывается о 1917–1918 гг., – том времени, впечатления которого окажут огромное влияние и на пастернаковскую лирику, и на «Доктора Живаго». В небольшой по объёму книге собраны интересные свидетельства людей, знавших семью Пастернаков; довольно подробно рассказано об их тогдашних занятиях и связях. Книгу можно рекомендовать не только широкой публике, но и, конкретнее, учителям, которые желают познакомить учеников с юношескими годами Бориса Пастернака.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М. Фонотов. **Родная старина. Очерки истории Южного Урала.** – Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2011. – 216 с. – 1000 экз.

История России совершается не только в Москве и Петербурге, и прекрасно, когда находится вдохновенный знаток родного края, умеющий о нём рассказать. Перед нами Южный Урал: недра, изобилующие самородками, многоцветными яшмами, полезными рудами; их освоение, без которого не было бы России как мощного государства. Истории русских устроителей Урала и Оренбуржья, татарских «золотых королей», башкирских воинов и французских офицеров, осевших здесь после Отечественной войны 1812 года. Уникальные ремёсла, прославившие Россию. Наши дети могут ими гордиться, но часто ничего о них не слышали. Книга краеведа и журналиста Михаила Фонотова предназначена для среднего и старшего школьного возраста, но будет интересна и взрослым. Написана она неровно: яркие исторические сюжеты перемежаются непростыми для усвоения географическими подробностями. Великолепные, почти сюрреалистически эффектные фотографии довершают образ края, о котором мы знаем куда меньше, чем он заслуживает.

Книги предоставлены магазинами «Фаланстер» и «Библио-Глобус»

Т. Ш.

ЛЮДИ И КНИГИ

Неожидание благодарности

Бывает так, что важные события происходят случайно. Казалось бы: не случилось – и жил бы, даже не задумываясь о такой возможности; однако случилось – и уже не понимаешь, как бы ты без этого жил. Вот так мне выпало стать причастной к появлению последней книги Леонида Ивановича Бородина, скончавшегося в ноябре прошлого года. А книга вышла в этом году. Он её не увидел. Но был отчего-то уверен, что она последняя. Торопил деликатно. И вот она вышла.

«Леонид Иванович, вы хотите чего-то особенного для этой книги?» – спрашивала я, составитель, отнесясь первоначально к делу прямолинейно. Он знал точно, чего *не* хочет: хронологичности не хочет, чтобы биографические заметки – отдельно, беллетристические сюжеты – отдельно, тем более что многие, даже почти все рассказы перекликаются с реальными событиями, имеют их в основании. Вот рассказ «Вариант»: главный герой, сильный молодой человек, начинает с одержимости идеей, а заканчивает жестокостью и малодушием. Тип страшный и даже не пугающе-красивый, а отталкивающий. Но «это я», – говорил Леонид Иванович задумчиво. «Я когда-то вынашивал намерение убить бывшего кагэбиста и тем способствовать справедливости. Уже знал, кого. У меня и пистолет был. А потом понял, что этого не сделаю. И написал рассказ как гипотезу: что было бы, если бы я это сделал».

...Но я тогда, взявши его рассказы, об этой исповедальности заранее не знала. Я почувствовала её во время чтения, она снегом свалилась с неба – неслыханная честность мысли, невиданная глубина и сдержанность переживания. Каждый рассказ нёс сильное чувство (пишу это и понимаю, что, говоря о Бородине, хочется употреблять меньше иностранных слов, и, к примеру, «эмоции» не подходят, одномерны). Каждый неожидан, своеобразен – чтение было полётом на качелях, попаданием с корабля на бал: переход от горечи утраты к юношеской радости обретения, от чистой христианской восторженности к разумной, приземлённой основательности. От удивления к нежности, от отчаяния к состраданию. И однако все написаны, несомненно, одним человеком, словно сквозь толщу прозрачной воды смотрящим в глубь – то ли памяти, то ли опыта.

Я так и составила их: по правилу качелей, подхватов, странных сближений мысли, которые виделись в рассказах, внешне очень разных. Ведь если виделись – значит, были?

Я позволила себе рассудить так и в конце получила неожиданный результат: вкрапления биографических очерков, которые расставляла по тексту, без осознанного намерения выстроились ретроспективно: от «Рыбалки в Южной Англии» к «Братскому дневнику» и к «Горе Казбек».

Это была случайность – но и знак, в духе мудрой фантастики Бородина: чудеса в его рассказах никогда не выглядят таковыми, они *просто происходят*, как явление природы – внезапное расширение возможностей или усложнение времени. Они не объясняются, потому что, за редкими исключениями, не самоценны. Бородин не любуется собственной выдумкой, не ищет броской новизны сюжетных ходов. Он открывает новый ракурс, чтобы взглянуть сквозь невероятное на то, что составляет реальный мир, данный нам в ощущениях.

Таков рассказ «Встреча» – о чуде, которое явилось неверующему и не было распознано. Рассказ «Этого не было» – попадание в самое стыдное детское воспоминание, прежде надёжно заваленное и забытое. Или «Флюктуация» – прекрасный сюжет для психологического фильма в духе «Планеты Ка-Пэкс»: чудо то ли было, то ли не было, но след его остался. Рассказ «Реку перейти» – неожиданная вариация на тему «И грянул гром» Брэдбери, но вместо отчаяния здесь – надежда на будущее, и не абстрактная, а вполне определённая: надежда на русскую молодёжь, которая повзрослеет и осознает свою историческую принадлежность. Этим многозначительным рассказом мне и думалось завершить сборник, план был согласован, но какие-то колёсики в издательской машине дали сбой, и в конце неожиданно оказалась повесть «Последний шанс» – хорошая, но, как объяснял Леонид Иванович, единственная, что была написана специально для заработка. Детектив.

Был план – да не совсем удался. Обидно. Обидно ли?

Возможно, главная черта прозы Бородина – нулевое число обид и малое количество отрицаний. Он приемлет и юмор, и пафос, и самокопание, и прямолинейные душевные устремления; он с теплотой пишет о христианстве, но нигде не порицает неверующих. Он не благостен, даже строг, но это строгость человека, который более всего требователен к самому себе. «Стыдное», «восторженный бред», «запредельная глупость» – это ещё не самые резкие эпитеты, которыми он себя награждает. Часто ли вы слышали такое от состоявшегося человека, известного писателя? Бородин потрясающе, беспримерно беспристрастен. Советская власть за отвагу думать и искать русский путь наказала его двумя арестами, двенадцатью годами заключения – издательство политических беженцев «Посев» сделало его востребованным писателем, опубликовало его книги на Западе, фактически помогло воплотить мечту писателя-диссидента.

Но это не была мечта Леонида Бородина. За два месяца до смерти он говорил, задумчиво вглядываясь в себя: «Я был диссидентом... а потом это стало модно. В какой-то момент я понял, что для того, чтобы тобой интересовались здесь и на Западе, надо клеймить и обличать. Я не хотел этим заниматься, и я отошёл от этого». Он отошёл от западного «Посева» и не пришёл к коммунистам, в чьи объятия, как он с иронией замечал, упала лучшая, патриотическая часть интеллигенции. Сам пострадав за политическую откровенность, он писал, что понимает тех, кто не высовывается, боясь возмездия. Он остался на позициях человека, приемлющего всё, кроме фальши и жестокости. И сумел сохранить какую-то нежную, негромкую веру в лучшее. Часто взгляд его при этом обращается не на интеллигенцию – к ней Бородин строже, чем ко всем прочим, и опять же потому, что сам к ней принадлежит. Сложная рефлексия, которой он, писатель, владеет в совершенстве, не кажется Бородину существенной ценностью. А вот простые, не задрапированные в густой самоанализ добрые порывы греют душу.

Леонид Бородин. **Киднепинг по-советски.** – М.: Журнал «Москва», 2012. – 560 с. – 1500 экз.

Таков рассказ «Киднепинг по-советски», история о том, как диссидентствующий интеллигент-славянофил спасает неудавшегося студента, опустившегося бродяжку из рабочей, насквозь советской семьи. Этот рассказ, написанный о семидесятых, поражает своей современностью и своевременностью. В самом деле: что такое для огромной массы аполитичного российского общества славянофилы? И тем паче западники? Славянофилы удивляют спасённого сложностью своих построений, западники – своей злостью. Игорь не осилит Ключевского, не пойдёт в церковь и даже не заглянет ни в один номер народнического журнальчика, который пытается издавать его спаситель. Но одно чувство ему присуще в высшей степени: благодарность за добро. Даже тогда, когда её вовсе от него не ждут. Энергия благодарности и в самом безвыходном положении заставляет его верить: «И всё-таки жить можно! Что-нибудь придумаем!»

Потрясающий рассказ «Выйти в небо». Ветеран войны, бывший лётчик, приезжает на военный аэродром и предлагает молодым лётчикам большую сумму денег за то, чтобы ещё раз подняться в небо. Ребята сажают его в самолёт, не зная, что старик задумал осуществить свою давнюю мечту: попробовать шагнуть из самолёта прямо в небо. Всё равно скоро смерть – так пусть такая. А вдруг *там* – не смерть, а возможность свободного полёта?! Они поднимаются в воздух, и старик не знает, что лётчики после мучительного искушения приняли даже немножко стыдное для себя обязательство: денег с него не брать. А ребята не знают, что старик после ещё более тяжкого искушения отказался от последней в своей жизни мечты – и в воздух не шагнул. Не захотел подставить молодых парней. Самое важное здесь, думается, то, что молодость и старость, жертвуя своими мечтами ради благородного и мудрого решения, делают это не ради ответного жеста. Это неожидание ответного жеста – один из ключиков к тому, что писал и чем жил Леонид Бородин.

Незадолго до смерти он говорил: «Я не могу читать почти ничего из того, что сейчас пишут. Я не понимаю, зачем это нужно». Именно так: он хотел, чтобы писание было нужным; ответственность писателя, нынче почти эфемерная, была для него неотъемлемой принадлежностью дарования. На этом трудном пути он не ждал благодарности, будучи человеком мудрым и во многом самодостаточным, но ему случалось получать и с глубоким волнением читать письма людей, которые признавались, что его книги изменили их жизнь. Разве может быть бóльшая благодарность для писателя?

Татьяна ШАБАЕВА

Вперёд в Шахматово – к Александру Блоку

В течение многих десятилетий на земле Подмосковья ценители русской поэзии и поклонники Александра Блока собираются в блоковском имении «Шахматово» почтить память великого поэта. Блоковский праздник поэзии давно стал живым праздником российской словесности. В этом году Шахматово ждёт гостей в воскресенье 5 августа. Встречу проводит основатель Блоковского музея-заповедника, бессменный председатель блоковских праздников известный литературовед Станислав Лесневский. Начало в 12 часов дня.

ИТАР-ТАСС

Праздник поэзии в Шахматове.

ЛИТПРОЗЕКТОР

Чисто дамский взгляд

В качестве затравки – анекдот.

Маленьких мальчиков привлекают машинки, маленьких девочек – куколки. Когда мальчики и девочки подрастают – всё меняется.

Меняется, да не всё. Что касается машинок, то к ним неравнодушны и девочки, и мальчики. Но одни и те же машинки они любят по-разному. Мы, грубые прямолинейные мужланы, оцениваем мир – и автомобили как его составную часть – по совокупности тактико-технических характеристик. Напротив, прекрасный пол тяготеет к духовному, эстетическому мировосприятию.

Книгу Александра Кабакова «Проехали» написал мужчина, но порой закрадывается мысль, что автор комментариев к красивым фотопортретам автомобилей – дама, взявшая мужской псевдоним. Это тем более странно, поскольку Александр Кабаков вроде как технарь по образованию. И всё же... На что обращает внимание большинство автолюбителей мужского рода? Лошадки под капотом, крутящий момент и обороты, клиренс и гидроусилок руля, надёжность и проходимость – словом, всё то, что и делает автомобиль автомобилем, «самоходом» в дословном переводе. Экстерьер – вопрос второстепенный: «У этой тачки дизайн, конечно, колхозный, даром что бошевская, зато по нашему бездорожью – само то, а вот у этой красавицы подвеска слабовата, паркетник – он и есть паркетник!» Однако Кабаков такую скукотищу игнорирует, технические подробности мелькают в альбоме раза три или четыре. Автор посвящает «прелестным машинкам» выспренные декадентские пассажи: «Импалы» гордо и кокетливо оттопыривали хвосты, «тандерберды» пялились хрусталём фар, подмигивал зайчиками хром «олдсмобиля», отливали радугой стёкла «континенталя», и, главный из всех, красный «корвет»-кабриолет, медленно кружился на стенде, демонстрируя нежные шагреневые внутренности молочного цвета»; «...невозможно постичь, что весь этот хром и эмаль, и ковровая обивка сидений, и приёмник со средними волнами, и обширный руль цвета слоновой кости, и белые ободья колёс, и шёлковые занавесочки-раздергушечки на окнах – суть абсолютно личная собственность отдельного человека».

Вот эти «занавесочки-раздергушечки» повергли рецензента, привычного к разным словесным вывертам, в состояние полуминутной каталепсии. Нет, какой-нибудь Дарье Донцовой прилично использовать подобные средства выразительности. Но когда такие милые глупости позволяет себе немолодой уже джентльмен – а Кабаков, вне всякого сомнения, считает себя джентльменом, пусть и тутошней, «савецкой» выделки, – это выглядит дико.

В целом же издание альбома (именно альбома – потому что процентов шестьдесят составляют фотопортреты автомобилей) стало поводом очередной раз пафосно пострадать о годах, проведённых в советском аду, где был безвинно заточён такой тонкий ценитель изящного, каким является автор: «Древнесоветские люди вели поразительную, ни на что не похожую жизнь в неосознаваемой нищете и убожестве, в интеллектуальном и духовном карцере».

Впрочем, эти древнесоветские, «сбежавшие из колхозов робкие мужики» и нежизнеспособные, как горбатый «запорожец», советские интеллигенты ничего другого, наверное, и не заслуживают. «Красивые машинки» вроде Skoda Felicia – для «полных потенции молодых латинян и их экспансивных подруг». Слегка поношенный «бентли» подобает «офицеру и джентльмену – наряду с неизменным чёрным шерстяным галстуком, брюками из кавалерийской диагонали, сигаретами, набиваемыми в табачной лавке по особому заказу». А совдеповским пентюхам полагается облизываться на это великолепие о четырёх колёсах. Кесарю – кесарево, слесарю – слесарево, помните?

Мазохизм вообще чрезвычайно распространён среди постсоветских. Как же они любят чувствовать себя смешными и жалкими, забитыми и ущербными! Правда, в 2012 году это разнузданное садо-мазо воспринимается не столь остро, как в 1992-м. Новая эпоха принесла новые проблемы. Но пациенты, крепко ушибленные совком, по-прежнему в восторге от старомодного BDSM-шоу – с газетой «Правда» вместо хлыста и журналом «Коммунист» (редактор – тов. Гайдар Е.Т.)

Особенно это касается закалённых бойцов идеологического фронта, которые годами славили родную советскую власть, но вовремя осознали, что коммунизм прогнил, да что там – изначально был мёртворождённой ересью. К числу этих мудрых людей относится и уважаемый автор.

Несколько раз Кабаков пускается в исторические рассуждения (с предсказуемым результатом – ну всё в этой стране не как у людей!). Тут даже неудобно указывать на очевидные ошибки. Всё-таки «заслуженный деятель культуры», как говорили в милые его сердцу советские времена. Нравится г-ну Кабакову верить, будто после Северной войны Швеция раз и навсегда оставила глупые имперские амбиции, стала мирным, сытым и скучным раем – ну пусть верит на здоровье! (Для справки: после Северной войны Россия и Швеция сходились ещё три раза, и шведы показали себя сильными противниками, хотя удача была не на их стороне.) Нравится звонкая фраза: «...где сохранилась корона, там не прижились ни свастика, ни серп с молотом» – вежливо покиваем и не станем противоречить, следуя мудрому завету булгаковского Берлиоза. Ведь, кроме шуток, в Итальянском королевстве свастика действительно «не прижилась» – там была фашина с ликторской секирой. А в Дании и Норвегии, радостно сдавшихся вермахту, наверное, была советская власть.

Вот только один околоисторический пассаж у меня вызывает сомнения. Там, где г-н Кабаков предлагает переименовать Porshe – чтобы стереть из памяти фамилию гитлеровского слуги Порше: «Забвение – отличная расплата для тех, кто продавал свои способности и мастерство выродкам». Автор, а когда Вы шли на идеологический фронт штатным бойцом, – вы, значит, «выродкам» не служили? И Вас не надо покарать забвением?.. Понимаю, что вопрос дурацкий, но я же с самого начала предупреждал, что мужланы – тупые и прямолинейные. Нам женскую логику подчас нелегко постигнуть, а уж проникнуть в извивы души либерального литератора...

А вообще в альбоме есть на что посмотреть. Мастерские фотопортреты машин заставят заболеть автомобильной лихорадкой даже бородача из секты амишей, которые, как известно, брезгуют этими богомерзкими таратайками. Но к иллюстративной части г-н Кабаков имеет весьма опосредованное отношение. И это уже не моя епархия.

Владимир ТИТОВ

Александр Кабаков. **Проехали. Машины прошлого века в воспоминаниях и картинках.** – М.: АСТ, 2012. – 156 с. – 5000 экз.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 1–7 августа 2012 г. № 31 (6379)

ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ!

Кабаре-балет в русской транскрипции

Танец лёгкого штиля в Театре Станиславского и Немировича-Данченко

Немногие из тех, кто ходит в балет, знакомятся с литературными первоисточниками спектаклей. Да и зачем? Танец сам по себе, беллетристика сама по себе. Однако совсем невеждой балетную публику не назовёшь. Как и хореографа, предлагающего «живые картинки» на тему романа, рассказа, поэмы или повести.

Произведение, предлагающее, вероятно, самые странные отношения между литературной основой и сценической версией, называется «Коппелия». В основе – рассказ Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек». Рассказ, как мы помним, страшный, повествующий о безумии. Из него композитор Делиб и хореограф Сен-Леон сделали забавную комедию, анекдот. Зачем? В качестве ответа на страх немецкого романтика от механизации мира? У нас ответа нет. Но, как бы то ни было, Сен-Леон гуманизировал Гофмана. Следующие балетмейстеры – постановщики собственных версий – в целом не могли преодолеть традицию, жёстко закреплённую музыкой Лео Делиба. Так и стала жить «Коппелия» полностью оторванной от своей первоосновы. По существу, мы на сцене имеем самостоятельное произведение, и в нём «чернокнижник» и «маг» Коппелиус не столько ужасен, сколько смешон.

Всё это предлагается вспомнить тебе, читатель, когда ты в будущем сезоне соберёшься посмотреть в Театре Станиславского и Немировича-Данченко балет Ролана Пети «Коппелия». Ибо, хотя смех Сен-Леона доведён почти до апогея, спрятанная в балете трагедия дегуманизации мира проговаривается Роланом Пети, хореографом XX века, внятно.

Спектакль начинается унылым и назойливым кваканьем шарманки, звучащей слишком долго для того, чтобы вызвать отвращение к механическим звукам. На пределе досады открывается занавес, и мы оказываемся в условном австро-венгерском городке, решённом в стиле *Moulin Rouge*. Начинается просто праздник вульгарности, про который, впрочем, никак нельзя сказать как о празднике пошлости. Да, мы имеем низкий жанр кабаре, но решённый с известной изысканностью и изрядным вкусом.

Кристина Шапран (Сванильда) и Луиджи Бонино (Коппелиус)

МАМТ им. Станиславского и Немировича-Данченко

Немудрено: Ролан Пети – француз, для него «Красная Мельница» – часть национальной культуры. Не только, кстати, плебейской: тут нужно вспомнить о том, что Анри де Тулуз-Лотрек, навсегда связавший своё имя с этим сомнительным заведением, был аристократом. Интересно было, как это сможем исполнить мы.

Из трёх составов «Коппелии», показанной нам театром, я остановлюсь на полутора, поскольку именно они дают представление о том, как нашими артистами была «огласована» партитура Ролана Пети.

Новелла «Песочный человек» держится на симметричной коллизии. Сначала её герой Натаниэль принимает куклу Олимпию за человека, затем свою невесту Клару за куклу. То и другое – всерьёз. Ни Сванильды, ни куклы Коппелии в рассказе нет, как нет персонажей Гофмана в балете. Кроме Коппелиуса и, если можно так выразиться, атмосферы механического сумасшествия, которое в рассказе преодолевается смертью (самоубийством Натаниэля) и любовью (счастливым браком Клары), а в балете – смехом.

Нотка безумия когда-нибудь была обязана проникнуть в балет. Прививку сделал Ролан Пети. Вслед за музыкальной машиной шарманки перед нами появляются танцевальные «машины желания» кабаре *Moulin Rouge*.

Офицеры, горожанки. Главный герой. Затем героиня и её подруги. Все суть куклы в сложных часах Вселенной. И тут уж все стараются соответствовать замыслу. Кто в силу навыков, кто в силу естества.

Лучшей здесь я должен назвать Кристину Шапран – Сванильду первого состава. Её чересчур яркий грим, её ужимки на грани фола давали понять, почему, собственно, Франц засматривается на куклу: разницы никакой! В общем и целом Кристина с блеском справилась с ролью. И это не всё – её откровенное существование вне «психологического театра Сами-Знаете-Кого» указывает нашему балету единственную перспективу возвращения в область *danse nobile*: порвать со всяким артистизмом. Кристине естественно удалось то, чему нужно долго учиться нашим балеринам и тренировать себя ежедневно: не создавать «правдивый образ» в самом условном из искусств. Кристина – лучшее приобретение театра последних лет (включая лиц, эпизодически состоявших в труппе), она мила, непосредственна. Она молода, и – да! – её исполнение Сванильды не было свободно от ошибок, но. На неё хотелось смотреть с самого первого появления на сцене до конца.

Её партнёр Сергей Полунин выше критики. Он добился «эффекта Шапран» другим: школой английского актёрского мастерства, полученной в Ковент-Гарден, премьером которого он ещё недавно был. Танцовщика такого уровня и такой культуры Москва, по всеобщему зрительскому признанию, не видела давно. Если вообще когда-то видела. Самое распространённое мнение: «Молодой Барышников, только ещё лучше». Лирика, конечно, но отражает отношение зала. Мне Сергей понравился, не скрою, но и комплименты излишние расточать не стану. Он точен, что свидетельствует о классе: заменив в третьем составе травмированного исполнителя, Полунин с Марией Семеняченко показал тот уровень мастерства, который не зависит от внешних условий.

К Маше я отношусь трепетно. Поэтому смотрел на её Сванильду с интересом. Видел, что ей «не по размеру» простушка первого акта: Мария – прирождённая Одиллия с Одеттой, ей – красивой и высокой девушке – нелегко изобразить глупую Сванильду. У Семеняченко слишком умное тело, поэтому раскрылась она лишь в тот момент, когда стала играть в девушку, играющую в куклу. Тут уж дух захватило и стало ясно, почему Франц влюбился в обеих. Чувственный ураган, сметающий всё!

И последнее. Что осталось бы без «второго плана» от Ролана Пети? Ничего.

Поэтому два слова. Подружки, а в трёх составах было семь исполнительниц, овладели «французским акцентом» кабаре блестяще, и это говорит о том, что солистки театра имеют приличный профессиональный уровень. В кордебалете я никого критиковать не стану, скажу лишь, что танцовщиц, способных справиться с легкомысленностью «Мулен Руж», в театре хватает. Но и здесь выделяются такие «ладные универсалки», как Юлия Невдошенко и Карина Салимова, к артистизму, в общем-то, тоже не склонные.

Итог. Танец адекватно переводится в танец, когда понят изнутри. Нет разницы – премьер ты или рядовой боец кордебалета. Когда набирается «критическая масса» мастерства, говорят:

– Это успех!

Евгений МАЛИКОВ

СОБЫТИЕ

Параллельный мир

В залах Галереи искусств Зураба Церетели Академии художеств на Пречистенке развёрнута уникальная выставка «Народная икона», на которой представлены экспонаты из музейных и частных собраний.

В музейном пространстве народная икона показывается впервые в России. А потому трудно переоценить общественную и научную значимость этого смелого проекта. Его куратором стала Ирина Бусева-Давыдова, доктор искусствоведения, известный исследователь иконописи, собравшая в экспозицию около 400 предметов из более чем 30 коллекций. География проекта, в котором приняли участие Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Церковно-археологический музей Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущие собиратели искусства и знатоки иконописи, простирается от Сибири до Эстонии. Временной диапазон также впечатляет – XV–XX века. В экспозиции нашли место не только традиционные для икон произведения живописи на доске, но и работы на холсте, искусство финифти, меднолитая пластика, вотивные подвески, предметы народного и религиозного быта. Выставка устроена без государственной и церковной поддержки, но с характерным – по инерции – народным энтузиазмом.

Примечательно, что до сих пор в среде специалистов нет единого понимания, что же это за явление – народная икона? Даже такого профессионального термина нет, поскольку ни точными данными о времени возникновения этого культурного феномена, ни чёткими представлениями о социальной принадлежности и творческом методе мастеров сообщество искусствоведов не обладает. Однако споры по этому поводу всё же имеют место, затрагивая в том числе и определение понятия такого рода искусства: «народное», «самодеятельное», «ремесленное», «профессиональное», «наивное», «примитив»... Всего 15–20 лет назад это явление обратило на себя внимание, но всё равно не изучалось. В «деревенских» иконах специалисты обычно видят лишь упрощённый вариант высокого иконописания, не несущий в себе художественную ценность. Народное искусство и культура создавались и жили в параллельном измерении, не соприкасающемся с культурой и искусством высшего общества. И вопрос не о фольклоре как таковом, а о соотношении внешнего и внутреннего мира в жизни народа. По большому счёту в этих иконах материально отражена духовная жизнь страны, простирающейся за пределами двух столиц и дворянских усадебных домов, которые, собственно, только одни и были приобщены к высокому искусству. Даже представленная на выставке икона эпохи барокко, во многом основанная на классической технике школы Оружейной палаты, лишь на первый взгляд содержит в себе мало «народного». Эти иконы, исполненные в городах, предназначались для бедных слоёв населения, что выявило такое неофициальное направление, как «низовое барокко», тесно соотносящееся с крестьянской иконой.

В церковь люди ходили по большим православным праздникам, а молились по нескольку раз в день, и домашний алтарь в красном углу был самым необходимым местом. Эти иконы имели самое что ни на есть прикладное назначение. Русский крестьянин – человек практичный: он молился «нужным» святым – о здоровье, об урожае, о потомстве, о защите от разного рода опасностей (пожар, потоп, засуха, воровство, нападение врагов). Поэтому «набор» образов каждый подбирал себе по надобности. В то же время именно здесь, в этой сокровенной части быта, выражалось представление русского человека о святом и прекрасном.

Средневековыми чертами отличались иконы Палеха и Мстеры, соседний Холуй оказался в XVIII веке под влиянием барокко, Русский Север предпочитал столичную традицию, в Сибири академизм отражался в примитиве, активный колорит и флористические детали характеризуют южные регионы. Сюжеты, безусловно, везде повторяются – несколько типов богородичных икон, Господь Вседержитель, Николай Чудотворец, 12 праздников и святые помощники: архангел Михаил, Георгий, Флор и Лавр, Илья Пророк, Параскева Пятница, Власий... Особое значение имело иконописание в деревнях староверов. Строгие приверженцы традиции, они всё-таки самобытно исполняли святые образа, давая им трактовку, допуская новое художественное решение. Вариативность и у них присутствует – в разнообразии техник, цветов, композиций, стилей. Отнюдь не своенравием была вызвана такая вольность, а необходимостью. По сравнению с византийской иконой русская всегда более жёстко написана и ограничена по количеству композиционных схем. Здесь нет пышности, излишеств, обилия золота, как водилось в Византии, напротив, сосредоточенность на деталях, их тщательная избирательность, архаическая симметрия давали глазу конкретную информацию. Мысль верующего направлялась мастером в ключевой, приоритетной концепции.

Св. Екатерина. XIX в., Южная Россия

Архангел Михаил – грозный воевода. XVIII в., Сибирь

Следуя по двум залам выставки от иконы к иконе, можно наблюдать постепенный переход в историческом времени от жанровой сценки до символизма. И при всей кажущейся привлекательности такого эстетического развития, в этом «прогрессе» формы происходит утрата главного – содержания. Мы наглядно видим, как образ становится символом, а символ становится знаком. Вот чему сопротивлялись старообрядцы и «богомазы» из низов.

Народная икона как предмет истинного глубинного религиозного культа стала в своё время реальной альтернативой иконе ортодоксальной, академической. Уже в XVII веке канонические иконы стали настолько привычны глазу, что потребовалась несколько иная подача, позволяющая по-новому воспринимать и острее переживать знакомые библейские сюжеты. Встряхнув иконографическими переменами внимание верующего, мастер добивался того, что перед иконой человек яснее осознавал суть изображения. И проникался чувством. Это как раз и было принципиальным качеством, первейшей этической «нагрузкой» народной иконы – наполнение верующего чувством. На одной из представленных икон мы видим Христа в терновом венце и в окружении многочисленных орудий пыток, которыми Его истязали, – клещи, молоток с гвоздями, копья, плети, камни, крест... Сострадание мученикам, святым, Христу предохраняло душу человека от ожесточения, низменности, греха. Иными словами, молясь, человек проходил через катарсис. Возможно, кто-то возразит: а разве есть что-то общее между религиозным обрядом и древнегреческой трагедией? Да – разговор с Богом...

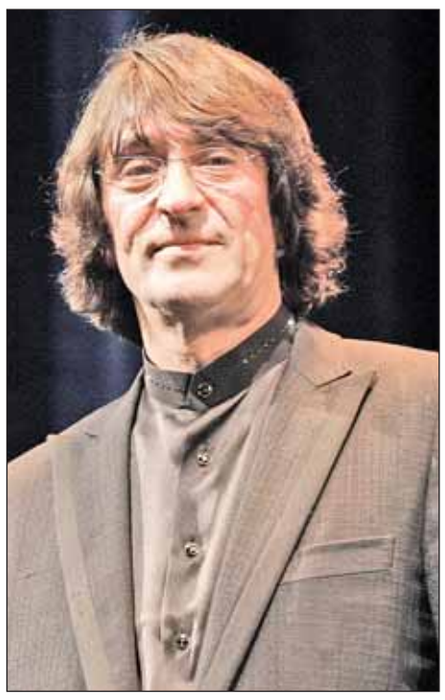
У потенциального посетителя этой выставки есть все основания (продиктованные многолетней привычкой глаза) принять официальную точку зрения, отвергающую народную икону. Но можно просто посмотреть, приобщиться – но не к спорам о правомочности признания работ «богомазов», а к трепетному живому искусству России.

Арина АБРОСИМОВА

Выставка открыта до 16 сентября.

ФЕСТИВАЛЬ

«В Вербье – всегда редко исполняемая музыка»



Маленькая, но необычайно красивая высокогорная деревушка Вербье (Швейцария) с населением всего две тысячи человек раскинулась на высоте 1500–3300 метров. Эта высота стала и символом высокой планки проведения одного из самых элитных музыкальных фестивалей Европы. Два внушительных концертных зала, масса гостеприимных отелей каждый год встречают любителей Мельпомены со всей Европы.

Завсегдатаем фестиваля является маэстро Юрий Башмет. Который раз, возвращаясь в Вербье, он находит в этом удивительном месте для себя опять что-то новое. О своих открытиях он там и рассказал корреспонденту «ЛГ».

– Что вас больше всего притягивает в этом замечательном фестивале? Ведь вы сами являетесь руководителем нескольких мероприятий подобного рода...

– У меня – тринадцать фестивалей. Хабаровск, Минск, Сочи, Москва, Эльба, Ярославль... Вот мой друг Мацуев всё время хвастается, что у него пять, а мне всё время стыдно поправлять, что я руковожу тринадцатью, а точнее, даже четырнадцатью фестивалями (четырнадцатый – Сейшельские острова – только ещё будет).

Я не был только на первом фестивале в Вербье, но руководителя фестиваля Мартина Энгстрома, этого фанатичного человека, я знаю очень давно. На моих глазах здесь очень многое произошло. Самое главное, что этот фестиваль звёздный.

– Таких фестивалей немного?

– Любой фестиваль хорош и выживает, когда у него есть собственное лицо. Иногда это само складывается, но здесь, в Вербье (и это невероятно!), много лет встречаются и играют вместе музыканты такого калибра... Если я сейчас, к примеру, позвоню Венгерову и скажу: «Максик, дорогой, давай сыграем вместе». А он: «Ну я сейчас занят...» А в Вербье он будет независимо от меня, и я буду независимо от него. Вот в этом весь фокус!

Ценность фестиваля в том, что он аккумулирует такие творческие силы в одном месте, в одно время. Благодаря этому фестивалю образуются новые ансамбли, новые контакты.

– Но ведь нужно, наверное, ещё желание и самих знаменитостей...

– Да. Должны быть и финансовые возможности, чтобы делать такую «продукцию». Вот, например, мы впервые на этом фестивале сыграли (а потом записали) фортепианный квартет Брамса в составе: Марта Аргерих, Гидон Кремер, Миша Майский и я. Все очень разные, все дико заняты, но все пожертвовали чем-то.

– Как выстраивается программа фестиваля?

– Здесь очень разнообразные программы. Я, например, никогда не слышал квинтет Танеева, благодаря этому фестивалю вчера сыграл его. Очень трудное произведение.

– Самый успешный, самый запоминающийся концерт фестиваля...

– Трудно выделить... Я здесь открыл для себя много талантливых музыкантов. Вчера был поразительный концерт – выступал Максим Венгеров. Изумительный концерт, Макс просто герой! С одной стороны – прекрасный скрипач, но мыслит уже по-дирижёрски, серьёзное изучение партитур, другое мышление. Это не просто высказывание сольного инструмента. Очень мне понравилось!

– На фестивале звучит много русской музыки. Публика на концерты съезжается со всей Европы. Что её, на ваш взгляд, больше привлекает: классика или современность? Чайковский или Щедрин?

– В Вербье всегда звучит редко исполняемая музыка... И Щедрин, конечно же! Концертные постановки опер. Да. Здесь колоссальная русская диаспора. Но фестиваль не ограничивается только концертами. Проводятся мастер-классы.

Ребята из ЦМШ, Санкт-Петербурга, им всего по 16–17 лет! Представляете, когда совсем детвора (такая хорошая, может, Ростроповичем в дальнейшем будет) сидит в оркестре, а рядом Гергиев, Левайн... У них сейчас феноменальная возможность. У нас тоже она была, когда тот же Ростропович (я вспоминаю наш консерваторский студенческий оркестр) репетировал с нами Шестую Чайковского. Это вообще потрясающее везение.

– У вас, наверное, такой случай не единственный?

– Меня случайно судьба столкнула с Рихтером. Это был 76-й год. Умер один известный настройщик. Никого не было. Позвонили Рихтеру... И мне позвонили: «Вы могли бы что-нибудь грустное сыграть? Сегодня панихида». Я сыграл, вдруг Рихтер выходит... Играет сонату Шуберта, потом подходит ко мне, говорит какие-то замечательные слова. Я просто остолбенел. А потом в конце: «Вы позвоните Нине Львовне (Дорлиак. – **Ред.**) сегодня вечером». Я позвонил, а она: «Юрочка, берите клавир Шостаковича и приезжайте к нам. Славочка очень хочет с вами сыграть». Это всё везение!.. Мне так повезло!

– Из всех ваших фестивалей, что называется, «на слуху» Сочинский. Каким вы его видите?

– У фестиваля в Сочи уже есть своё лицо. Мы сделали его фестивалем искусств. Разные потрясающие гости приезжают к нам, например Эмир Кустурица. В этом году мы пригласили участников шикарного проекта «Большая опера», организованного телеканалом «Культура». Я знаю, что сейчас «Культура» делает новый проект «Большой балет» с участием молодых и талантливых артистов. Возможно, и они станут участниками фестиваля Сочи-2013...

Беседовала
Татьяна ЭСАУЛОВА

Надо уважать выбор предков

Юрий Поляков мастерски и весьма убедительно доказал очевидное – отсутствие здравого смысла и исторической справедливости в подходах к названиям московских улиц, площадей и переулков. К водопаду ярких примеров могу присовокупить и свой: живу рядом с Ермолаевским переулком, который до недавнего времени именовался улицей Жолтовского. Чем известный архитектор, академик и педагог хуже неведомого мне Ермолая, а также, почему переулок переназван не Коровьим или Панкратьевским, каким он именовался в старину, мне не совсем ясно.

Да ладно, не в этом суть. Главное – учесть печальный опыт и не наделать новых ошибок, за которые будут краснеть наши дети и внуки. Здесь я согласен с автором статьи: хватит всё переименовывать, достаточно наломали дров. При этом хочется защитить и те названия, которые Юрий Михайлович «приговорил» к исчезновению: Трикотажные, Электрические, Элеваторные, Слесарные... Ведь с этими названиями тоже связана история становления и развития нашего города. Можете смеяться, но умственным взором вижу далёких потомков, с теплотой и уважением произносящих дурацкое Газгольдерная улица, так, как это делаем мы сейчас, когда говорим: Колымажная, Каретный Ряд, Калитники, Кадаши, Хамовники, Таганка. Это всё имена одной смысловой линии.

Уважение и понимание, на мой взгляд, должны присутствовать в любом деле, даже в таком крепко завязанном на политику, как топонимика. Возьмём к примеру, время от времени повторяющийся в СМИ призыв переименовать наконец станцию метро «Войковская», носящую имя цареубийцы, Петра Войкова. Ну если быть последовательным, то такая же участь должна постигнуть и Александровский сад, поскольку, как мы с вами знаем, «великий монарх» Александр Первый был весьма причастен к убийству отца своего – императора Павла, и злые языки называют его не только царе-, но и отцеубийцей. Видимо, так же следует поступить и с названием Екатерининский сад, а вместе с тем и с именем города Екатеринбург, названных так в честь царицы, сыгравшей значительную роль в гибели помазанника божьего Петра Третьего. Но дело даже не в этом. Мне кажется, что наше отношение к этой деликатной, на мой взгляд, проблеме должно строиться из уважения к ушедшим поколениям, из простого понимания, что это были другие люди, с иными представлениями и идеалами. Я не знаю, были ли среди тех, кто назвал станцию «Войковской», потомки жертв Ходынки, Ленского расстрела или событий на Дворцовой площади января 1905 года. Может быть, бездушный чиновник просто выполнял идеологическую установку, спущенную сверху (топонимика – средство агитации и пропаганды), но мой резон состоит в том: не мы давали это название, не нам его менять. А давали его наши отцы и деды. Именно они построили эту станцию, провели современную канализацию и водопровод в многочисленные Войковские проезды, а заодно защитили страну и сделали немало для её становления и развития. В их представлениях Пётр Войков был жертвой белогвардейского террора. Они так считали, а мы должны уважать их выбор. Да, сейчас иные пристрастия и авторитеты, и если построят новый мост или проспект и назовут его хоть именем Ельцина, а то и Егора Гайдара, я поморщусь, но приму. Только постройте сначала. А для того чтобы переименовывать, особого ума не надо.

К этому добавлю, что трудно понять ожесточение, с которым постоянно схлёстываются в нашей жизни «красные» и «белые». Немцы пришли и разрушили полстраны, погубили десятки миллионов соотечественников, и ничего – поддерживаем с ними отношения взаимопонимания и сотрудничества. А события Гражданской войны, хотя и отстоят по времени дальше и участников их практически не осталось, а всё вызывают у некоторых зубовный скрежет. Конечно, власти от собственного бессилия сделать хоть что-нибудь полезное и проигрывая в сравнении с прошлым подстёгивают этот процесс, но мы-то чего ведёмся на это?

М. РОМАНОВ

«ЛГ», № 27

Не пройдём по Абрикосовой

АМ

Острую и злободневную тему поднял в своей блистательно написанной (писатель!!!) статье Юрий Поляков. И если после ТАКОГО выступления известного человека дело с кошмаром в названиях столичных улиц с места не сдвинется – просто тогда КАРАУЛ! Ведь с Москвы берут пример и другие города, почти копируя спектр названий. И если в Москве изменится – по-другому будет во всей стране.

Анна Петровна

Только сегодня приехала с дачи, обалдевшая от печальных новостей из Краснодарского края – жалко как людей! Потом открыла любимую газету, а в ней – любимый писатель Юрий Поляков. Да с какой глубокой статьёй! Слава богу, живу на улице Озёрной, которую никакой мэр не переименует. Но сколько глупостей и откровенного издевательства над коренными москвичами! Сколько достойных людей забыто, нет ни улиц, ни досок. Особенно обидно за Брежнева. Он столько сделал для страны! В принципе мы и жили при коммунизме, только этого не заметили. Очень хочется, чтобы благое начинание писателя и газеты не пропало в суете, возьмите это под свой особый редакторский контроль и донесите проблему, которая касается миллионов москвичей, до столичной власти.

С поклоном ко всей редакции,
Наталья Ивановна

«Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» Если бы! Я и не предполагал, что в названиях московских улиц столько бреда и ахинеи! Действительно, что-то надо непременно сделать – пусть мэр вынесет этот вопрос на городской референдум, к примеру. Или назовёт одну из 16 Парковых именами хороших писателей, артистов, композиторов. Нет же улицы Яна Френкеля или Аркадия Островского, переулков Андрея Миронова и Анатолия Папанова, поэтов Рождественского и Вознесенского. Да и имя легендарного главного редактора «Вечёрки» (эта газета напечатала краткий вариант статьи «ЛГ». – **Ред.**) Семёна Индурского можно и нужно увековечить! Статью Полякова буду перечитывать и перечитывать. Очень своевременная и умная статья!

Вячеслав

Раньше это называлось, по-моему, «Писатель в газете». Здорово, что кому-то пришла в голову мысль напечатать статью Юрия Полякова и в «Вечёрке», и в «Литературке». Актуальна, оказывается, топонимика и сегодня. Какой ужас с названиями!!! Хочу добавить, что и улицы Тургенева в столице нет. В общем, надо мэру на это самое пристальное внимание обратить. И навести порядок.

Ираклий

Названия могли быть другими

Прочитал статью «Где проспект Ивана Калиты», решил поделиться с вами своими воспоминаниями.

Дело в том, что я был вхож в дом одного из крупных деятелей партии и правительства: моя жена и жена его младшего сына троюродные сёстры.

Вот уже во взрослом состоянии я увидел у него в доме две книги: «Проект реконструкции Москвы» начала 30-х годов с пометками, как выяснилось, самого Сталина и «Высотное строительство и продолжение реконструкции Москвы» от 46-го года тоже с пометками Сталина. До сих пор жалею, что не выпросил эти книги. Тираж этих книг был несколько экземпляров.

Первое, что меня поразило, это заметка на проекте Дворца Советов, о котором говорят, что это детище Сталина, «не слишком ли крупная стройка в центре города, не затмит ли она собой памятники истории? Посоветоваться с Барановским!» Из первой книги я узнал, что у Казанского собора на Красной площади сгнил в то время фундамент, и на градостроительном совете было решено разобрать здание, предварительно сняв все украшения и размеры. После замены и укрепления фундамента в 41-м году начать восстановление храма. Что поразило и что запомнилось – это история с Иверской часовней и Иверскими воротами: их не сносили вообще, а должны были перенести после окончания строительства метро в переулок. Видимо, в Богоявленский, к стоящему там и действующему храму. Перенос памятника Пушкина был сделан для того, чтобы он стоял лицом к Тверскому бульвару, на котором предполагалось установление скульптуры русских писателей. Не помню сейчас точно – шесть или семь. На Суворовском бульваре у Никитских Ворот должны были стоять два памятника: на самом бульваре – памятник Герцену с Огарёвым, а у Мерзляковского переулка, где старинная церквушка, памятник Суворову. Ведь по московской легенде, Суворов был то ли прихожанином этого храма, то ли воздвиг его на свои деньги. На Арбатской площади кроме памятника Гоголю должны были стоять памятники Тургеневу (ближе к суворовскому) и Белинскому в центре площади, где сейчас часовня.

Но вот то, что перекликается со статьёй, это название улиц в центре Москвы между Китай-городом и Бульварным, а потом и Садовым кольцами. По радиусам в основном улицы должны были носить имена писателей. Например, Мясницкая должна была называться в проекте улицей Салтыкова-Щедрина, а набережная от Бульварного кольца до Садового кольца от храма Христа Спасителя должна была быть набережной Тургенева. Улица Петровка должна была стать улицей Островского.

Садовое кольцо должно было стать Композиторским, а переулки и маленькие улицы в центре должны были носить имена поэтов и артистов. Так, например, Чистый переулок должен был носить имя Дениса Давыдова.

Во второй книге ставился вопрос об увековечивании на карте Москвы имён москвичей – героев Великой Отечественной войны и деятелей культуры, погибших во время войны.

В новых районах Москвы за Садовым кольцом улицы должны были носить имена учёных, изобретателей и конструкторов. Конечно, не были забыты и имена революционеров и бунтарей и древних полководцев. Так, в Москве должны были быть улица Евпатия Коловрата, Александра Невского, Дмитрия Донского, Боброка-Волынского, Ермака, Степана Разина, декабристов, Кропоткина, Дзержинского, но должна была быть и улица Костюшко и Домбровского.

В Замоскворечье, видимо, из-за Третьяковской галереи, улицы и переулки должны были носить имена художников и скульпторов. Например, Полянку по плану должны были переименовать в улицу Верещагина. Сейчас уже не помню: то ли Якиманку, то ли Ордынку хотели назвать улицей Репина.

Дмитрий ХАНДАМИРОВ

Именам улиц – Красную книгу

Давно ждут возвращения собственного имени Сибирский тракт, по которому передвигались в ссылку многие правдоискатели (ныне – ул. Куйбышева, не путать с новым губернатором Свердловской области Куйвашевым), Покровский проспект (ныне – Малышева), Крестовоздвиженская (ныне Карла Маркса), Монастырская Роща (ныне Зелёная Роща), где происходили захоронения многих почётных граждан города, но в 50-е годы памятники были порушены, а могилы раскапывались с целью обнаружения драгоценностей...

Так что предстоит немалая и, наверное, трудная работа по восстановлению исторической справедливости. И тогда уступят незаконно занявшие места Соня Кривая (в Челябинске), Серафима Дерябина (в Екатеринбурге), Шейнкман и Хохряков, Вайнер и безвестный солдатик Большаков, чуждые нашей истории Либкнехт и Готвальд. Удалось ведь нашему земляку, а ныне москвичу, поэту Владимиру Дагурову совместно с единомышленниками добиться, чтобы убрали название Вальтера Ульбрихта и вернули московской улочке своё, исконное Ново-Песчаная.

Исчез из московской топонимики Свердлов, пишет Ю. Поляков. Исчез и памятник человека с портфелем на площади его имени. У нас не то! У нас выходишь из вокзала (только недавно нашими стараниями и указанием В.И. Якунина удалось вернуть станции законное название, а то ведь пассажир ехал в Екатеринбург, а билет ему выдавали до... Свердловска), перед взором – гостиница «Свердловск», повернули направо – огромная стелла с барельефом Якова Михайловича, далее – широкая улица в честь уникальной персоналии и наконец уже на проспекте Ленина – чугунный памятик Свердлову (надо признать, весьма художественно выразительный). Но и это не всё: кроме упомянутой парадной (лицо города!) есть ещё две улицы Свердлова и на довесок – переулок из пяти домов.

Так и живём. А вы, Юрий Михайлович, говорите, что нет внятной государственной идеологии. Её и вправду нет, но существуют компактные идеологийки и – некое подобие идеологии для столицы и совсем иное – для провинции. Пошумели уральские казаки непомерным прославлением душителя своих соплеменников, да и те поутихли. Лишь ежемесячно, а то и чаще замазывают садовники чёрной краской ало-кровавые пятна на памятнике товарищу Андрею (кличка Свердлова).

Необходимо проявить особое внимание и историческую деликатность. Согласитесь, было бы неправильным, если современной улице, носящей имя уральского сказителя П.П. Бажова, вернуть название Обсерваторская, а улицу Мамина-Сибиряка по-старорежимному называть Водочной (кто-то знал, видимо, о пристрастиях автора «Приваловских миллионов»).

С площади, где стоит величественный монумент Воину-Уралу – Победителю, уходили в 41-м поротно солдаты на вокзал, отправляясь на фронт, в бой. И, конечно, площадь Обороны не должна замениться прежним – Ночлежная площадь.

А что делать с улицей Чапаева, народного героя? Возвращать ей название Архиерейская или вперекрестие прокладывать Каппелевскую? Эх!..

По всей стране главные улицы названы именем Ленина. Не будем ничего о вожде мирового пролетариата. Но тут явный перебор! Немногие устояли перед натиском государственной идеологии: Одесса гуляет по Дерибасовской, Питер – по Невскому, Тюмень – по проспекту Республики. А ведь были попытки и в тех городах... В Челябинске долго держалась улица Спартака, но и она пала под «Лениным».

В нашем городе вполне уместно вернуть прежнее – Главный проспект или назвать именем основателя города – Василия Никитича Татищева. Тем более что имеются в южном подрайоне ещё две улицы Ленина, улица Ульяновская, улица Крупской, а величественные монументы высятся и на главной площади, и на Главпочтамте.

Таким образом, реабилитированные улицы и те, за коими закрепляются исторически выверенные названия советского времени, присоединятся к 1-му разряду и войдут в Красную книгу наиболее охраняемых топонимов.

НЕСУРАЗНЫЕ. Сюда относятся те улицы, которые ждут нового имени в силу неловкости, невыразительности, неэстетичности существующего: Смазчиков, Торфорезов, Рислянда (не путать с «Рислингом»), Спичечников, Специалистов (?), Расточная, Электростилочная, Забойщиков (надо понимать, забойщиков скота: улица расположена в районе бойни и мясокомбината). Вам хотелось бы жить на улице Забойщиков скота?

Все эти «неудобы» составят резерв для переименования и обретения достойного названия.

НОВОРОЖДЁННЫЕ ОБЪЕКТЫ: поселения, площади, улицы, проезды, переулки, остановки общественного транспорта. Благо город бурно развивается, в одном только новом Академическом городке расселятся 300 тысяч жителей! Ждут своего имени и улицы дачно-коттеджного строительства.

Хочу лишь заострить внимание «умников и умниц» из топонимической комиссии (она в городе наконец начала регулярно собираться) и самих горожан на трёх обстоятельствах.

Не увлекаться и не торопиться присваивать городам, посёлкам, улицам имена персоналий. В этом отношении предки дают нам хороший урок. В основном улицы отражали географически-ландшафтные особенности: Болотная, Луговая, Утусская, Широкая Речка, Студёная, Загородная, Ключевская, Береговая... Были и такие, которые указывали на расположение учреждений: Солдатская, Офицерская, Госпитальная, Почтовая, Гимназическая набережная... Для многих людей ориентиром были собор, церковь. Отсюда – улицы Спасская (ныне Стеньки Разина), Богоявленский переулок (ныне – Володарского, не одной Москве достался!), Вознесенский проспект... Были именные, однако они означали лишь местопроживание персоналии, заметный особняк, архитектурно-запоминаемый объект: Симановская, Турчаниновская, Усольцевская, Тимофеевская...

Не стоит верить разного рода чиновникам и обывателям, что переименование улицы, возвращение законного имени или присвоение нового требуют якобы баснословных расходов. Чушь! Как говаривал мой друг, вы меня неправильно дезинформируете!

Писатели Екатеринбурга обратились к городским властям – присвоить имя Николая Никонова одной из центральных (!) улиц, где прошли детские и юношеские годы замечательного прозаика («ЛГ» в своё время писала об этом хорошем деле). Власти, спасибо, пошли навстречу. Одновременно было принято постановление, по которому ряд домов по ул. Физкультурников, пер. Красный и других вошли во вновь образуемую улицу; однако жителям не требовалось менять прописку: на определённый срок действителен и старый, и новый адрес. То же касается и учреждений: бланки, печати, вывески разрешено менять по мере старения. Ну а таблички с названием улицы, как положено, установить на угловых домах, тем более прежние пришли в ветхость. Только и всего! Пять страниц текста, разосланного по домоуправлениям, отделениям полиции, паспортным столам. Велики расходы!

И не стоит увлекаться референдумами. Надо доверять компетентной топонимической комиссии, решению городской думы и главы города, для этого они избраны, чтобы представлять интересы граждан.

Задумала молодёжь МЖК жить-проживать на улице имени своего кумира Владимира Высоцкого. Однако улица, на которой вырос жилой комплекс, названа именем Риммы Юровской, дочери расстрельщика царской семьи. Никакие доводы властей предержащих не убеждали. Пришлось проводить референдум.

Предвижу скорые споры-бои. При кажущемся отсутствии единой политики и подхода к отечественной истории схлестнутся в неуёмном споре красные и белые патриоты, националисты, либералы, монархисты, представители олигархата... Нужно опасаться и напора влиятельных родственников на увековечение имени покойного персонажа. Наблюдая, какие скульптурные композиции сооружаются на кладбищах сильным мира сего, стоит опасаться, как бы коррупция не проникла и в область топонимики. Не дай бог!

«Столица формирует мировоззренческие парадигмы и административный канон, – пишет Юрий Поляков, – по которому живёт вся страна... Едва появятся логика и осознанность в столичной топонимике» *(продолжу)*, провинция тут же последует примеру, и появится разумный, исторически приемлемый порядок в названии улиц, на которых мы живём, дышим, мечтаем, вспоминаем, воспитываем детей.

Разберёмся с улицами, возьмёмся и за названия городов. И засеребрится инеем Симбирск, и откликнется на особицу Вятка, и Свердловская область обретёт наконец своё исконное имя – Екатеринбургская. Ждём-с.

Владимир БЛИНОВ,
ЕКАТЕРИНБУРГ

Девочка пригласила на день рождения юношу, указав некоторые ориентиры до дома (трамвайная остановка – мимо девятиэтажки – трансформаторная будка, далее – по диагонали и...). Мальчик поплутал-поплутал, не нашёл дома, завял букет хризантем... Мобильников, увы, ещё не было. Их дружба распалась. В чём дело, кто виноват? Оказалось, девочка постеснялась назвать другу точный адрес, из-за которого за ней приклеилась в классе неприятная кличка. Девочкин дом расположен на улице... Сакко и Ванцетти.

Бедные Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти, казнённые в США в 1927 году! Какая судьба занесла их имена на заснеженный таёжный Урал?

О, сколько нелепостей, случайностей, безвкусия, беспамятства накопилось в XX веке в топонимике не только Москвы! Думаю, что «недоумённо-топонимические заметки» главного редактора Юрия Полякова «Где проспект Ивана Калиты?» («ЛГ», № 27) вызовут бурный поток писем из провинции: затронута проблема не только столицы, но других городов и весей, и в целом – культуры современной России.

Многолетне интересуясь этой проблемой, позволю себе на примере Екатеринбурга показать, что можно сделать, чтобы навести в городах историко-топонимический порядок. Хотя бы относительный.

Рассматривая систему городских названий, целесообразно все наименования разделить на четыре группы.

ЗАПОВЕДНАЯ ГРУППА включает первоначальные, традиционные, сохранившиеся до наших дней названия. Мало осталось старозаветных имён, страшно мало! Тем более необходимо сохранить в Екатеринбурге когда-то граничные Московскую и Восточную, с гранитными пирамидками, увенчанными державным орлом. Слава богу, уцелела Пушкинская, получившая имя решением городской думы в юбилейном 1899 году. Сюда же относятся улицы Благодатская, Кузнечная, районы Горнозаводский и Елизаветинский, Царский мост, сооружённый к приезду Александра I Благословенного...

Не буду утомлять читателя местническими интересами. Наверное, в каждом городе и селе, хотя бы немного, уцелело названий царских времён. Подчеркну лишь, в Красную книгу войдут и достославные старые названия, и новые имена, прочно вошедшие в наше сознание и отражающие «шаги истории самой» (выражение Ярослава Смелякова). Для столицы Урала это площадь Уральских коммунаров, проспект Космонавтов, объекты, связанные со строительством «завода заводов» Уралмаша – шоссе Энтузиастов, площадь Субботников, площадь Первой пятилетки, улица имени первого директора УЗТМ Банникова. К этому же разряду относится улица Маршала Жукова, успешно руководившего Уральским военным округом после сталинской опалы...

ВОССТАНАВЛИВАЕМЫЕ ИМЕНА. Здесь – огромное поле для деятельности научного сообщества, которое войдёт в комиссию по топонимике города, работающую при главном архитекторе, в структуре мэрии (странно, что в её составе на сегодня нет ни одного писателя).

Не ошибусь, если скажу, что в областных центрах России есть улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Почти во всех! Вслед за Юрием Поляковым воскликнем: «Чудеса!.. С чего бы это?.. Правда, странно?» Но попробуйте вернуть прежние имена (у нас это были соответственно Вознесенский проспект и улица Златоустовская)! Чиновники и некоторые общественники-политиканы зубами вцепились за навязанные когда-то сверху большевистские директивы.

Когда в Москве стали убирать эмалевые таблички с именем Жданова, группа писателей Екатеринбурга предложила вернуть старинной улице своё законное название. Не тут-то было! Другая группа задумала дать ей имя Марии Авейде, большевички с Поволжья, недели две ведшей пропаганду на Урале. Всё же разум возобладал, и теперь улица рабочей слободы снова называется Мельковской, где когда-то протекала чистая говорливая речка, ныне упрятанная в трубу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 1–7 августа 2012 г. № 31 (6379)

ТЕЛЕПРЕМЬЕРА

Подлинная бутафория

Владимир Набоков и Светлана Курицына оказались жертвами. Первый – свободного обращения с авторским текстом, вторая – ничем не ограниченного вторжения в личную жизнь. События как будто несопоставимые, разнесённые во времени и пространстве, но сколько в них сходства…

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО ВАКУУМА

В «Закрытом показе» обсуждали фильм Андрея Эшпая «Событие» (по одноимённой пьесе Набокова).

Наверное, лучшим критиком картины стал бы Владимир Владимирович. Он бы, скорее всего, обошёлся острой, убийственной метафорой. Но может, и пожалел тратить иголку на слишком распространённый вид режиссёрского самолюбования – *оригинальную* интерпретацию чужого текста.

Однако есть в показанном кино определённая ценность – хочется ознакомиться с первоисточником. Невольно задумаешься, наблюдая за нелепыми клоунскими выходками сумасшедшего, каким он был, пока не свихнулся.

Желанию прочитать пьесу не помешал даже сложившийся за последние двадцать лет культ Набокова. Манерные придыхания образованцев со стажем, восторги юных дебютанток литературоведческого промысла, идиотские анкеты футболистов с «Мастером и Маргаритой» и «Лолитой» в графе любимых книг – всё это кому угодно отобьёт охоту...

Но любопытство возобладало. Набоков оказался не настолько плохим драматургом, чтобы считать несущественным издевательство над его пьесой.

Чего только не придумал Андрей Эшпай, чтобы скрыть психологические мотивировки набоковских персонажей! Какие надуманные фильдеперсы с плюмажами, умышленные начёсы с буклями, какие искусственные скороговорки и недосказанности, выморочные ракурсы и склейки!

Понятное дело – проект создан при поддержке Минкульта. Странно другое: почему режиссёру разрешили экспериментировать на материале культового интеллигентского писателя? Эшпаевские сериалы «Иван Грозный» и «Дети Арбата» вполне вписываются в государственную стратегию исторических мистификаций, но в случае с Набоковым можно было ожидать степенной экранизации. Почему не взвалили на Андрея Андреевича святую миссию популяризировать одного из самых талантливых антисоветчиков планеты? Почему не воспользовались неповторимым высокомерным набоковским обаянием, чтобы распропагандировать совков – утвердить формулу вычеркнутых из истории семидесяти лет?

В своей пьесе он проводит холодный эксперимент по реконструкции русского мира в обстоятельствах исторического вакуума, автор и персонажи «События» как бы находятся в заговоре: знают, что их заграничная жизнь и не жизнь вовсе, но делают вид, как будто так всегда и было.

Этот выверт является определяющим в рассказанной истории, эмоциональным фоном действия.

В рамках эксперимента Набоков с изящной подлостью подшучивает над традиционными схемами русского театра, держит в голове и эксплуатирует стереотипы зрительского восприятия – заводит моду будущего. На дворе 38-й год, зло покуда не названо – бренд постмодернизма ещё эмбрион, а Набоков уже вполне по его правилам пытается игнорировать чужое горе. Однако в полной мере сделать ему этого не удаётся. Подлинность переживаний то и дело просвечивается. Дело тут, видимо, в инерции. Только что закончен «Дар», один из немногих романов Набокова, в котором наличествует душа.

В XXI веке режиссёр Эшпай легко дистанцируется от боли, трагедии действующих лиц. С высокомерным эгоизмом он не растрачивает себя на сочувствие. Главное в фильме – предметный мир, декор, дизайн. Всё сделано по законам новых времён. Форма окончательно победила содержание, требуется лишь умение громоздить визуальные эффекты, а за кадром поддерживать беседу о концепции проекта – навык, необходимый исключительно для программы «Закрытый показ», не в Министерстве же культуры признаваться, что фильм об эгоистах и эгоизме. Это как в «Мышиной охоте»: чтобы поймать мышь, нужно понять, чего хочет мышь, думать как мышь, стать мышью...

Если бы мы не видели блестящих импортных экранизаций, не было бы так обидно. Почему у них получаются культурные вещи, а у нас претенциозная бутафория?

Если бы мы не видели советского кино, опыты с пьесой «Событие» не задели бы так... Ладно, уровень Козинцева из разряда чего-то заоблачного, но ведь живы-здоровы Кончаловский, Соловьёв, почему Минкульт, телеканалы не дают им денег, чтобы те регулярно ставили классику – вдумчиво, добротно, со вкусом. Почему финансирование получают другие, кто искусством экранизации не владеет?..

Уже в финале «Закрытого показа», около трёх ночи, Андрей Эшпай сообщил, что набрал режиссёрский курс во ВГИКе, что претендентов было около четырёхсот, и все они, о радость, мечтают снимать как Тарковский и Параджанов.

Как уснуть после такого? Лежишь, ворочаешься. На внутренних сторонах век своё кино – темень и хаотические вспышки никому не нужных орнаментов, символика печальных перспектив русского кинематографа.

ВЗГЛЯД ИЗ ГЛУБИН ТЕЛЕВИЗОРА

Обсуждение персонального дела Светланы Курицыной – прекрасный повод рассмотреть собравшихся. Белоленточники, системные либералы, фашисты, коммунисты – у каждого своя претензия. Много их, претензий, а Света, как говорится, одна.

Поставлены на вид: «более лучше», политическая близорукость, биологическая несостоятельность, глупость. Выскажемся по каждому пункту, но прежде отметим общий настрой. Все – ненавидящие, презирающие, жалеющие – крайне высокомерны по отношению к Свете.

Когда обыкновенный человек путает дверь и случайно попадает в приёмную начальства, на бандитскую пьянку или семинар «Сочетание квазирациональной афористичности с ассоциативностью метафорической и метонимической природы в поэзии Бродского», его обязательно измерят этим особенным взглядом полного превосходства.

Итак, Света куда-то не туда заглянула. Там, куда она заглянула, свои правила, там привыкли доминировать, там на каждого обыкновенного наденут хомут, а к хвосту прицепят связку консервных банок.

Куда же ты попала, мадемуазель Курицына?

Света смотрит из глубин телевизора, оттуда всё кажется каким-то странным, с червоточинкой. Люди, машины, надписи. Крестятся в другую сторону, едут по-английски, пишут тарабарщину... Хотя кое-что всё-таки удаётся прочесть – «НАША». Это её приветствуют или обозначают Родину?.. Нет, она здесь чужая и Родина какая-то не её. Не сразу, но доходит: «ашан».

И, что самое удивительное, окружающие делают вид, как будто так всегда и было, как будто такая жизнь – норма. Они ничего не собираются предпринимать.

Именно этот выверт является определяющим для всего происходящего вокруг, эмоциональным фоном бездействия...

Претензия № 1 («более лучше»).

Ответ по существу потребует длинной, но поучительной цитаты. Слово предоставляется членкору РАН, доктору филологических наук, зампреду жюри Бунинской премии Юрию Воротникову. Из статьи двухтысячного года:

Неправильное употребление аналитических форм сравнительной степени достаточно широко распространено, и, что любопытно отметить, выражения типа «более лучше» не так уж редко приходилось автору слышать даже в стенах академического Института русского языка из уст весьма и весьма почтенных языковедов-русистов. Но в этом случае речь идёт не о неграмотности или об ошибках, а о своего рода игре с языком. Перед нами – типичный пример лингвистического эксперимента, ставшего в последние годы одним из важнейших инструментов науки о языке. Н.Д. Арутюнова по этому поводу пишет: «Экспериментами над языком занимаются все: поэты, прозаики, остряки и лингвисты».

И от себя добавим – Светлана Курицына. А ещё заметим, что грамотность проверяют не по параграфу «сравнительная степень прилагательного», а по разделу о числительных – самый верный способ. Евгения Альбац, которой по статусу положено засыпать с томиком Розенталя, в этом вопросе плавает, а как-то вообще использовала конструкцию «в двухтысячно пятом году». Почему её не сделали посмешищем?

Претензия № 2 (политическая близорукость).

Окажись Светлана в отряде барабанщиц Навального, согласись она присесть в протестной позе какающего дога на Каменном мосту – быть ей симпатичной девчонкой из Иванова, лихой гражданской активисткой. Глядишь, и со временем получила бы звание «известный блогер».

Почему же Светлана заняла консервативную позицию, не захотела участвовать в очередной буржуазной революции? Ну, во-первых, классовую ненависть ещё никто не отменял, а во-вторых, есть такое исчерпывающее политологическое понятие – чуйка. Обыкновенного человека она подводит редко, разве что с Ельциным осечка вышла...

Претензия № 3 (сомнительные биологические признаки).

Пусть и кажется нам чудовищной сама постановка вопроса, но всё-таки. Светланину биологическую состоятельность нужно оценивать не на основании отвлечённых представлений о гармоничных пропорциях. Биологию следует рассматривать применительно к такому важному аспекту, как способность терпеть тяготы и лишения, а значит – выигрывать войны. Этот дар можно проиллюстрировать фотографиями конкретной войны против фашистов. Если в жизнерадостной регулировщице, стоящей на перекрёстке с указателем «На Берлин», вы не узнаете стать Светланы Курицыной, вам не поможет и хвалёная немецкая офтальмология.

Претензия № 4 (глупость).

Почему-то юмором у нас считается всё, сказанное в манере Урганта, когда комический эффект создаётся не содержательной составляющей, а формой – придурковатым интонационным нажимом. Шутящий по-ургантовски может говорить абсолютные банальности, хуже того – быть этаким Петросяном, но интонации «как бы юмора» достаточно, чтобы прослыть умницей и остряком.

Света – другая. Она не указывает публике дополнительным интонационным маркером, что уже начала шутить. Да у неё и цели такой нет – юморить непрерывно, назойливо тарахтеть с редкими перерывами на отдых, как старый холодильник в жару. Вот встретила в коридоре Останкино Иосифа Пригожина, тот рассказал, что возвращается со съёмок в программе Малышевой. «У вас что-то болит?» – спрашивает Света. Или смотрит с высоты телебашни на крышу телецентра: «Ни фига себе, какой он у вас заплесневелый – мхом покрыт...»

НТВ сделало всё, чтобы Света выглядела вульгарной синтетической дурой, но вопреки ухищрениям энтэвэшников сквозь буйно цветущую плесень «праймового вещания» всё-таки просвечивается Светина подлинность.

А ведь представляли программу как ответ белоленточникам на обструкцию, как способ реабилитировать Свету из Иванова. Однако НТВ выступило на стороне высокомерного болотного сообщества, намеренно показало Свету хуже, чем она есть на самом деле.

Света – не дура. Найдите в Интернете программу «Минаев LIVE», длинное интервью, из которого ясно: это непосредственная, симпатичная, остроумная, запущенная девушка. Она вполне могла бы стать звездой ТВ, но при одном условии: ей нужна программа, которая ставит цель приносить людям пользу, имеет позитивный социальный смысл. А НТВ отрядило Свету в гнойную среду масскульта, не научив давать в пах Алибасову, когда тот начнёт говорить свои дежурные сальности...

Однако хватит о мерзостях НТВ, чтобы не получилось по старой схеме: метили в Кулистикова, а попали в Светлану.

Олег ПУХНАВЦЕВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Смена вех?

Заключительный монолог последнего выпуска «Комеди Клаба» на канале ТНТ один из его ведущих резидентов Павел Воля посвятил... русскому языку. В цитадели обсценной лексики и хамского суржика он страстно выступил в защиту «великого и могучего» родного языка, в настоящее время «униженного и оскорблённого», цитировал не только Тургенева, но и Набокова, зрители в зале на мгновение застыли в недоумении, а Воля жёг, закончив лозунгом: «Берегите русский язык!» Что это?

Он сжигал мосты перед вступлением 1 сентября в силу закона о защите детей от вредного влияния СМИ?

Или он вспомнил родной пензенский пединститут, который с отличием окончил по специальности «учитель русского языка и литературы»?

А.К.

Забугор ТВ

Экспорт пыток

Сегодня «Дом-2» на скандал уже никак не тянет, смотришь на жирных, сонных парней, вяло заигрывающих с глупыми, размалёванными девицами, и на юнцов-недомерков с выкрашенными волосами, бестолково мельтешащих на экране, и недоумеваешь: чем же это реалити-шоу так могло прельстить американскую телекомпанию Sony Pictures, что она выложила за лицензию кругленькую сумму? И вот уже поток клонов хлынул в страны Латинской Америки, Англию и даже Австралию. И хотя условия сделок не разглашаются, совершенно ясно, что идея используется одна и та же: наблюдение за интимной жизнью юных бездельников в некоем абстрактном доме в режиме online, но цинизм, с которым это делается, поразил на сей раз уже весь мир.

Так, в США в связи с показом на кабельном телевидении Lifetime реалити-шоу Russian Dolls («Русские матрёшки») поднялась буря протеста. В этом сериале во всех подробностях смаковались пьянство, поноровщина, грязный секс, которым якобы занимаются представители русской диаспоры. Возмущению зрителей не было предела. Представители русскоязычного сообщества отправили телеканалу открытое письмо, где выразили свой протест против показа шоу, и, что удивительно, к этому подключились даже влиятельные американские издания. Главный телекритик газеты The New York Times Алессандра Стэнли сказала: «Если бы советские власти вознамерились подвергнуть Александра Солженицына самой нестерпимой пытке, они заставили бы его смотреть «Матрёшек».

То есть всё начинается, как у нас. Отметим только, что за удовольствие просмотра «Матрёшек» в США надо платить, у нас «Дом-2» много лет в открытом доступе.

Ирина САДОВСКАЯ

ТЕЛЕСЕРИАЛ

До свидания, наш ласковый Хаус!

Самый популярный телесериал мира закончился почти незаметно. Семь с половиной лет, восемь сезонов, 177 серий. Шестьдесят шесть стран и более восьмидесяти миллионов зрителей. Два десятка престижных кинематографических наград. И вот он закончился, но мало кто сказал вслед «Доктору Хаусу» прочувственное слово.

Думается, причина на поверхности. На протяжении как минимум двух последних сезонов сериал сползал к вырождению, пестрел повторами и штампами, а последние серии стали апофеозом сценарного бессилия и банальной продюсерской дурновкусицы. Результат: аудитория завершающих сезонов намного меньше, чем даже у первого. Вот что бывает, когда превращаешь искусство в дойную корову. Кроме того, сценаристы стали заложниками собственной большой удачи: они создали громаду, но в конце концов её надо было куда-то девать. Взорвать – самое простое решение.

Однако самый популярный сериал первого десятилетия нового века теперь уже навсегда останется значимым фактом культуры. Фактом, по которому можно судить о нас и нашем времени. Так что это было и почему мы полюбили «Доктора Хауса»?

Конечно, без Хью Лори ничего бы не получилось. Это феноменальный случай, когда актёр попадает в сердцевину десятки: без этого стопроцентного воплощения сериал, скорее всего, уже на первом сезоне стал бы пошлым или вульгарным, или циничным, или бессмысленным, или унылым. У истории про то, как злобный врач-наркоман, играя на грани фола, в последний момент спасает пациента от смерти, были все шансы получить не премии «Золотой глобус» и «Эмми», а «Золотую малину» за самый идиотический сценарий.

Всё дело в том, что он не идиотический. Он, напротив, очень умный.

...Лет десять назад, выступая в «Школе злословия», известный журналист Александр Привалов, отвечая на вопрос: почему он любит родное Отечество, сказал, среди прочего, что любит сложность: сложный склад языка, склад мышления, при котором русский человек существует одновременно в нескольких проблемных планах. Грубо говоря, обсуждая дела с начальником, может одновременно вспоминать беседу с женой и сочинять эпиграмму на друга.

«Доктор Хаус» – сериал американский, и сюжет его прост, как две копейки. Но в отличие от огромного количества подобной голливудской продукции диалоги в нём многоплановы. Вот команда Хауса обсуждает дифференциальный диагноз – эпизод, который непременно бывает в каждой серии. Непосредственно перед этим пациент, как правило, корчился в судорогах, захлёбывался собственной рвотой и готовился потерять жизненно важные органы. Теперь он в отключке, и у команды Хауса есть от двух часов до двух суток, чтобы попытаться его спасти. Врачи наперебой перечисляют самые невероятные диагнозы, счастливые зрители про такие и не слышали. Хаус молчит и крутит трость или лежит на полу, уставившись в потолок. А потом говорит что-нибудь вроде: «А что, пациент в детстве падал с качелей? Где он нам соврал?» Или даже так: «Кэмерон, а почему ты сегодня надела туфли на высоком каблуке? Вы что, спите с Чейзом?»

Может показаться, что Хаус издевается. И он действительно издевается. Но одновременно он ещё и думает. И будьте уверены: он придумает. Просто он существует сразу в нескольких проблемных планах, и если в одном из них ему пока нечего сказать, он выскажется в другом. Главное для Хауса – это чтобы его мозг был занят, чтобы ему не было скучно. И он не просто сам по себе такой: он меняет людей. Пройдёт немного времени,

и команда Хауса уже не будет прежней. Молодые врачи утратят легковерие, станут подозрительными и несколько циничными, но взамен приобретут способность мыслить многопланово, к ним будут приходить озарения, и они уже никогда не будут бояться высказывать собственное мнение. Замечу: мнение, которое они могут обосновать (иначе Хаус в особо обидной форме скажет им, что они – идиоты). Что может быть лучше для диагноза?

Как всё же получилось так, что в насквозь политкорректной Америке на массовый экран вышел фильм о враче-мизантропе, который то и дело отпускает сексистские шуточки, а под настроение издевается над неграми, евреями, верующими, полицейскими и детьми, больными раком? Как получилось, что зрителям понравился врач, который презирает почти всех пациентов и открыто старается их уязвить? Какой врач вам понравится больше: тот, что будет участливо держать вас за руку и развлекать разговорами, пока вы не умрёте, или тот, что, исходя ядом сарказма, будет до последнего биться за вашу жизнь, пока останется хоть самый ничтожный шанс на спасение – даже если все остальные сочтут этот шанс несуществующим?

Потому что Хаусу плевать на слова. Способность лгать, по его утверждению, отличает человека от животного – и он лжёт: легко, непринуждённо и, можно сказать, высокохудожественно. «Только поступки всё меняют», – говорит он и регулярно спасает людей (уверяя, что это побочный продукт от его любимого занятия – разгадывания загадок). Вы готовы позволить топтать любимые мозоли человеку, который вас спасает?

Однако причина не только в этом. Гениальный врач-мизантроп – это занятно, но сколько же можно мизантропствовать? Постоянное пренебрежение к человекам, даже облачённое в остроумную форму, неизбежно утомляет. Штука в том, что Хаус внутри не совсем такой, как Хаус для повседневного употребления. Нет, душа его вовсе не белая и пушистая, но она, несомненно, есть. Постоянный лжец, он всегда безукоризненно честен, когда правда действительно важна. Он допытывается о последних причинах не для того, чтобы над ними посмеяться, а потому, что только они имеют значение. Он не верит в Бога, в рай, в любую форму жизни после смерти, и именно поэтому поставит на кон всё, чтобы спасти эту – единственную – жизнь. И если абсолютно все усилия окажутся напрасны, перед таинством смерти он, язвительный болтун, не верящий в таинства, остановится в молчаливом уважении. Эгоист и циник, он предъявляет своей совести самые высокие требования. «Извинения – это мощная штука. Вели кому-нибудь спрыгнуть с крыши, потом скажи ему «прости» и живи себе дальше», – едко замечает Хаус о психотерапии, которая учит преодолевать чувство вины. Хаус редко испытывает вину, но в тех случаях, когда испытывает, ему не поможет никакая терапия. Его совести, которая прячется так глубоко, зубы не заговоришь.

«Я не сильный, я уязвимый», – говорит он. И ещё: «Я не грустный, я сложный. Девчонкам это нравится». На самом деле он и сильный, и сложный, и грустный, и уязвимый. За это его и прощают зрители. И нравится он далеко не одним девчонкам.

Мы вряд ли могли бы любить человека, который насмехается над нами и при этом всегда оказывается прав. Только в одном случае: если бы мы, не такие остроумные, как Хаус, и совсем не такие гениальные, в чём-то чувствовали своё над ним превосходство. Это не так трудно: Хаус несчастлив. Он калека, постоянно испытывающий боль. Он наркоман, разрушающий почти все человеческие отношения. Он помешан на своей индивидуальности и своём даре, потому что только дар врача, только умение разгадывать загадки оправдывает довольно жалкое существование доктора Хауса в глазах самого доктора Хауса.

Думается, это стало и причиной, почему фильм выпустили на экран, и он стремительно сделался популярен. Антисоциальные выступления, до крайности неполиткорректные заявления доктора Хауса, с одной стороны, помогают людям, объевшимся законопослушности и политкорректности, выпустить пар. И если Хаус говорит своему коллеге, негру: «Когда вы уже перестанете ждать, что придёт белый человек и всё сделает за вас?» – это ведь забавно, правда? С другой стороны, приглядевшись, легко заметить, что вехи политкорректности расставлены в фильме очень грамотно: подчинённый Хауса, который станет его начальником, – негр; как и психотерапевт, к которому Хаус вынужден обратиться за помощью. А ещё, при всей уместной доле самоиронии, в фильме ну очень много положительных евреев... Да, Хаус без должного почтения разговаривает со священниками и детьми, больными раком. Да, когда интересы Хауса противоречат закону, он приложит все усилия, чтобы закон обойти, и это очень понравится зрителю. Но это же Хаус – гений, калека, наркоман. Ему немножко можно то, что другим нельзя. Тем более что в конце концов он всё равно слетит с катушек и загремит в клинику, а потом и в тюрьму. Политкорректность превыше всего.

Интересно, что последние, наименее популярные, сезоны пестрят вкраплениями прямой политической пропаганды. Это и воззвания к патриотизму бизнесмена, который хочет в разгар кризиса вывести производство в Китай, оставив без работы несчастных американцев. И похвала прежде построенным зарубежным американским заводам, которые обеспечивают работой и спасают от голода бедных филиппинцев. И осуждение стукача-пацифиста, который сорвал американскую боевую операцию в Ираке. Многое хотели привить создатели фильма на такое успешное, стремительно разросшееся дерево «Доктора Хауса». Но оно уже разбило стеклянную крышу оранжереи и вышло из-под контроля.

Последние серии, если вдуматься, довольно страшны (когда бы не были так заштампованы и жалки). Единственный друг Хауса заболевает неизлечимым раком. Жить ему осталось пять месяцев. Хаус, спасаясь от очередного полицейского преследования, инсценирует жуткое самоубийство со взрывами, каким-то невероятно чудесным образом всех обманывает, и они с другом уезжают на мотоциклах в сияющую даль под звуки песенки Enjoy yourself! («Наслаждайся!»). Несмотря на неумеренно размазанную по экрану патоку, возникает вопрос: что останется от этого «наслаждайся!» через пять месяцев, когда Хаус, оборвавший все связи и формально уже покойный, потеряет единственного человека, который для него важен?

Перед нами классический пример того, как создатели не знают, что делать с переросшим их созданием. Однако Хаус уже стал героем нашего времени: беспощадный спаситель жизней, прагматичный романтик, совестливый циник, инфантильный гений, лжец без страха и упрёка. Мы хотим пророка, который вступит в схватку со смертью, поразит нас отточенной логикой и всегда окажется прав, но на всякий случай заранее объявляем его сумасшедшим.

Татьяна ШАБАЕВА

Детствосбережение

Людмила ШВЕЦОВА,
заместитель председателя Государственной Думы

Окончание. Начало на стр. 1

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ

В менталитете нашего народа на разных этапах его исторического развития детство в целом и каждый ребёнок в отдельности рассматривались, как правило, на перспективу, на будущее: «Вот вырастут – и тогда»...

Нынешняя философия (в документе предлагается именно новая философия по отношению к детству) настраивает нас всех на принципиально новую точку зрения: дети самоценны именно сейчас. Вне зависимости от возраста каждый из них – уже Жизнь со всеми физическими и, более того, душевными проявлениями. И по мере взросления эта жизнь будет или обогащаться в позитивном ракурсе и тем самым становиться опорой и гарантом нашего поступательного движения в цивилизованный мир, или будет набираться того негатива, который несёт в себе разрушительное начало. То есть любой малыш, школьник, подросток – это или наша надежда и опора, или скрытая «бомба», несущая в себе агрессию. И уже сегодня по состоянию детства смело можно судить о физическом и нравственном здоровье общества в целом и будущем нашего государства. В этом смысле наше общество тяжело больно.

Неуклонно сокращается численность детей в нашей стране. Растёт заболеваемость. При очередном наборе в армию 30% призывников признаются негодными к воинской службе. Число беспризорников (700 тысяч) превышает показатель трудных послевоенных лет. Мы постыдно лидируем среди большинства стран мира по показателям детского пьянства, наркомании, преступности, самоубийств. Прогрессирует насилие в отношении к детям: в семье, школе, в силовых структурах – насилие психологическое, физическое, сексуальное. Как ни горько в этом признаваться, но, по существу, названные показатели несут в себе угрозу национальной безопасности страны. В отличие от прошлых времён эти показатели не замалчиваются. Недавно о них говорила председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко на парламентских слушаниях, в центре внимания которых было обсуждение концепции национального плана (стратегии) действий в интересах детей.

Но сегодня с такой же беспристрастностью, честностью и болью следует посмотреть правде в глаза представителям власти всех уровней – от правительства до муниципалитета. Чтобы лечить болезнь, надо как минимум знать её конкретное проявление, название (диагноз), а далее уже искоренять причины или осуществлять профилактику. То есть хорошо бы, чтобы мы, все вместе вникнув в стратегию, почувствовали себя в роли врачей, исцеляющих современное российское детство. Задача под силу только тем, кто способен по-настоящему любить и бескорыстно действовать в интересах ребёнка здесь и сейчас.

Мы все – это законодатели и судьи, институты гражданского общества и наука, творческие союзы и бизнес-структуры, средства массовой информации и армия. А ещё и сами дети.

Диагностика явлений подобного рода требует определённой взвешенности, осторожности, продуманности. Здесь не может быть одинаковых подходов и одинаковых показателей. В одном регионе застарелые и долгие болезни и негативные процессы, для которых уже выработаны и найдены свои «лекарства». В другом – вспышки только начинаются. И, возможно, царит растерянность или, что ещё хуже, замалчивание правды. В третьих обстановка спокойная, и достаточно только профилактики.

Было бы несправедливо оценивать нынешнюю ситуацию как запущенную. Государство сделало немало, чтобы по максимуму оздоровить и выровнять положение на самых разных участках этого огромного мира, который зовётся детством.

Напомним: принятие законодательных актов, национальных проектов, содействие укреплению семьи, создание специальных программ. Россия одной из первых ратифицировала Конвенцию о правах ребёнка и тем самым заявила о своём намерении соответствовать международным требованиям и стандартам, нести ответственность за их осуществление.

Таким образом, завершилась целая фаза отдельных преобразований в сфере проблем детства и наступил этап перехода к долговременному осуществлению целостного комплекса целей, задач, мер государственного масштаба.

Национальная стратегия действий в интересах детей – это государственная политика, пронизывающая все сферы их жизнеобеспечения. Семью как первую ячейку детствосбережения. Институт общедоступного качественного обучения и воспитания, культуру и безопасные СМИ. Здравоохранение, дружественное к детям, и здоровый образ жизни. Обеспечение равных возможностей для детей, нуждающихся в особой заботе государства. Систему защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребёнку правосудия. И, наконец, деятельность самих детей в реализации Национальной стратегии.

Национальная стратегия действий в интересах детей – это отечественный концепт детства в новой России, инновационный взгляд на ребёнка, знаменующий принятие его статуса как равноправного члена гражданского общества в условиях нового мира и нового тысячелетия. Это своего рода социальное открытие для нашей страны.

ОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ – РИСКИ

Стартовая дата осуществления стратегии – 2012 год. То есть сегодня. Будем реалистами. Современное общество в своём большинстве не только не готово принять, осмыслить и как-то соотнести свои действия в любой сфере с новой стратегией, но, скорее, готово отложить всё на будущее или вообще отвергнуть как нечто фантастическое, идеалистическое, преждевременное. И не потому, что наши люди плохо относятся к детям. И не потому, что возможностей нет для этого осуществления. А прежде всего потому, что у нашего народа нет подобного опыта. Ребёнок всегда признавался как объект воспитательного воздействия. И не важно, где он при этом находился: в семье или школе, поликлинике или больнице, на спортивной площадке или в детском хоре, в юнкеровском объединении, на судебном заседании или в колонии для несовершеннолетних. И не важно, кто из взрослых это воздействие осуществлял: родители или врач, учитель или тренер, милиционер или судья.

Хотя мы погрешим против правды, если забудем о тех прекрасных примерах диалога с детьми, которые известны и в пионерском движении, и в рамках педагогических поисков, и в произведениях литературы: А.С. Макаренко и его коммуна имени М. Горького, И.П. Иванов и знаменитая фрунзенская коммуна, А.П. Гайдар и его встречи с тимуровцами в годы войны в Киеве, писатель Владислав Крапивин и его юнкоровский отряд «Каравелла». Этот ряд можно продолжить. Но отдельные, пусть яркие примеры не спасают положения. Общественное сознание и до сих пор не желает признать в ребёнке партнёра. Чтобы одолеть этот психологический риск, потребуются годы и десятилетия. Новая литература, фильмы, спектакли, диалог с детьми в формате радио, телевидения, печати.

Не только в опыте дело. А в том, что «распалась связь времён». Появилась пропасть между детьми богатых и бедных родителей. Детьми сильными, здоровыми и слабыми, больными, калеками. Между «своими» и «чужими» (местным населением и мигрантами). Между приверженцами разных конфессий. И даже между старшими и младшими подростками. И пропасть эта, к сожалению, ширится. В самом детском сообществе нарастает агрессия, переселяется в семью и затрудняет без того тяжёлый диалог взрослого сообщества с детским. Современные подростки, как показывают исследования, предпочитают диалог внутри своего поколения. Взрослые, увы, доверием не пользуются. Как одолеть риск дискриминации? Пути и средства надо искать. Но ближайшая тенденция уже обозначилась. Это организация детских сообществ на отдыхе с участием всех категорий современного пёстрого детского сообщества.

Дело ещё и в устоявшемся в последние годы диктаторском стиле общения взрослых с детьми и отсутствии так называемых переговорных площадок. Затруднён, а чаще невозможен доступ детей к представителям органов власти разных уровней (нет паспорта? – не войдёшь). Что же касается школы, поликлиники, больницы, общественных организаций, там просто элементарная этика нарушена. Учитель, врач часто даже не пытаются вовлечь ребёнка в беседу, помочь ему поделиться своими проблемами (учебными, нравственными, физическими) и, соответственно, разобраться в них. Куда проще по старой традиции вызвать родителей, попечителей, опекунов. Поэтому будь то дверь в учительскую или в управу, приёмную главы администрации, губернатора, для детей и подростков – это «парадный подъезд», куда «посторонним вход воспрещён».

Какой выход? Попробовать ввести в практику общественные приёмные, найти в школе место и время для неформального общения.

Разумеется, это не все риски. Серьёзной помехой могут стать и современные средства массовой информации, где тиражируется сплошной негатив об отношениях взрослых и детей, а публикации о преступности цинично используются СМИ для сенсаций и повышения рейтингов. Устойчивый риск представляет недоверие детей взрослым, и очень малочисленная прослойка взрослых, являющих собой пример искреннего уважения к ребёнку и готовности ему помочь.

НОВЫЙ ФОРМАТ

Традиционно ответственность за обеспечение всех проблем детства возлагается на государственные министерства и ведомства: образования, здравоохранения, культуры и др. В стратегии предусмотрены основные меры, реализация которых позволит превратить высокие идеи и замыслы в практические ежедневные последовательные действия. Основные из них изложены в документе.

Так, например, в семейной политике вектор направлен на сокращение бедности, создание безопасного и комфортного окружения для детей. С помощью профилактической работы психологов, социальных педагогов можно сделать многое, чтобы не допустить изъятия ребёнка из семьи, социального сиротства. Разработка стандартов экономической устойчивости семьи может стать платформой для формирования позиции государства. Мы должны здраво оценивать бедность населения, реальное состояние жизни семьи, выбирать, кому дать «вёсла в руки», а кому всё-таки – «спасательный круг».

В образовательной сфере – это вектор на обеспечение доступности и качества образования. Поиск и поддержка талантливых детей и молодёжи, развитие воспитания и социализация детей, дополнительного образования. Особо выделено обеспечение информационной безопасности детства.

Совершенно по-новому звучит комплекс мер, связанных со здоровьем ребёнка. Здесь предусматривается создание дружественного к ребёнку здравоохранения, которое включает здоровый образ жизни, современные модели организации отдыха и оздоровления, культуру здорового питания.

В особую группу выделены меры по защите прав и интересов детей с трудными судьбами: сирот, оставшихся без попечения родителей, инвалидов или с ограниченными возможностями здоровья.

В стратегии нет первоочередных и проходных мер. Здесь всё равнозначимо. Одно дополняет другое. Но в который раз перечитывая документ, не могу не остановиться на страницах, обращённых к судьбе детей и подростков, преступивших закон. Представленные здесь меры можно назвать одним словом – «милосердие». Сюда входит создание дружественного к ребёнку правосудия, улучшение положения детей, находящихся в специальных учреждениях для правонарушителей, предотвращение насилия в отношении несовершеннолетних и реабилитацию детей – жертв насилия.

А что касается последнего раздела стратегии, то здесь мне хотелось бы тоже заменить перечень многих мер на одно слово – «доверие». Я имею в виду глубокое, безоговорочное доверие детям, не только как к своему продолжению, а как к нынешнему другу, партнёру, союзнику. Разумеется, ни в каком законодательном акте невозможно предусмотреть внутреннюю, психологическую перестройку каждого взрослого на новую волну признания в ребёнке его богатейшего нравственного потенциала, творческого ресурса. Эта идея требует широкой долговременной неустанной пропаганды во всех государственных СМИ и отказа манипулировать детскими судьбами, их несчастьями ради дешёвых сенсаций.

Предлагая те или иные меры, стратегия не учитывает (и не должна учитывать) особенности или специфику республик, краёв и областей нашей страны. Вместе с тем стратегия предлагает основополагающие базовые положения, без учёта которых все остальные замыслы неосуществимы. Ведущими в ряду этих базовых положений выступают правовые.

Среди них федеральный закон, определяющий основы государственной семейной политики. Формирование законодательной базы для реформирования организации работы органов опеки и попечительства. Защита образовательных прав детей, принадлежащих к национальным и этническим группам, проживающим в экстремальных условиях районов Крайнего Севера. Совершенствование законодательства Российской Федерации, касающегося развития форм жизнеустройства детей, от которых отказались при рождении.

Обращено внимание на правовую защиту имущественных и неимущественных (личных) прав детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, на своевременное их обеспечение благоустроенными жилыми помещениями. Приведение законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями «Конвенции о правах инвалидов» и иными международными правовыми актами.

На мой взгляд, пока совсем отсутствует законодательная база, которая бы обеспечивала новую область жизни наших детей – участие в решении вопросов, затрагивающих их жизненные интересы. Где и какие интересы? Международные рекомендации чётко обозначают: в семье, школе, обществе и государстве. Интерес – понятие широкое. Можно сказать, бесконечное. Они меняются год от года. Ещё несколько лет назад нельзя было даже и подумать, что одним из ведущих интересов станет Интернет. Новые виды спорта. Новые электронные книги. Новые танцы. Меняется их объём: от самых скромных запросов до роскоши. Но думаю, путём доверительного диалога можно определить какие-то границы. Выяснение детских интересов возможно лишь при проведении исследований и мониторинга, причём систематического.

В каком случае, на каких началах, куда и каким образом они могут обратиться с просьбами (а возможно, и требованиями), чтобы удовлетворить интересы? Как могут выразить протест, если не согласны с планами взрослых (снести спортплощадку, залить асфальтом сквер) или с их поведением? Что предписывает закон взрослым в отношении к инициативам детей? Вправе ли они отмахнуться, не заметить, поступить так или иначе, игнорируя пожелания детей?

Пока ответов на правовом уровне нет. Нужны определённые коррективы и дополнения к уточнению права детей на создание ассоциаций и проведение мирных собраний. Сейчас, когда приняты законы, касающиеся взрослых, мы не можем не думать о детях. Для детей пока нет регламента. А ведь они очень импульсивны.

Даже простое и далеко неполное перечисление правовых актов, необходимых сегодня для осуществления стратегии, показывает, что работа законодателям на годы обеспечена.

Государственная Дума уже имеет более 30 законопроектов, которые будут рассматриваться в ближайшее время. Но исходя из стратегии план законотворческой работы будет существенно пересмотрен, дополнен, и мы станем действовать в рамках наших общих принятых решений.

НОВОЕ И ВЕЧНОЕ

«В интересах детей» – формула, в прочтении подростков весьма неоднозначная. Да и нам, взрослым, есть о чём задуматься, знакомясь со стратегией.

Если говорить об отношениях в семье, о здоровье, образовании, правовом аспекте, т.е. «первоочередных задачах», то они как хлеб насущный. Здесь стратегия следует реальным жизненным интересам детей и их родителей. Но не хлебом единым жив ребёнок. Есть другая сфера, где интересы детей зачастую расходятся с интересами и представлениями взрослых. Это сфера детской субкультуры, которая, как известно, складывается из культурных ценностей, создаваемых взрослыми профессионалами для детей и усилиями самих детей. Два источника одной огромной культуры детства. Источник профессиональный тем ближе и востребованнее детьми, чем точнее, глубже, ярче отражает детские интересы. Но вот вопрос: следовать за детьми или вести их за собой, формировать интересы?

Вернёмся к стратегии. Государство намерено строить новые библиотеки и разрабатывать национальные программы детского чтения. А дети не хотят читать. Государство держит курс на целевую деятельность музеев. А дети посещают музеи в основном лишь при настоянии взрослых (родителей, учителей). Государство намерено блокировать информационный беспредел в СМИ. А дети отлавливают программы на ТВ и сайты в Интернете, откровенно опасные для их нравственного и физического здоровья, гармонического развития.

Как быть? Как сочетать доктрину об интересах и политику жизнесбережения и защиты детей?

Установка «в интересах детей» ориентирует на позитивные интересы, естественные для ребёнка и для любой нравственно здоровой семьи. На протяжении многих десятилетий и ещё совсем недавно приоритетным интересом детства была книга. Вспомним: «Книга – лучший подарок» или своеобразный пароль в среде подростков и молодёжи: «Что читаешь?» Генетически в русской культуре с книги начиналось обретение ребёнком высшей радости, отчеканенной на века в библейской истине: «В начале было Слово...» Слово как высшая ценность: «Честное слово», «Слово чести», «Доброе слово лечит». Но как быть, если сегодня русская словесность и любовь к ней намеренно отодвигаются подростками куда-то на дальний план в ряду приоритетов?

Исследователи утешают нас: дескать, идёт закономерный процесс смены поколений, зависимых от информации: поколение книги, далее – телевидения, сегодня – Интернета.

Но ведь при самых сверхпередовых, сверхнанотехнологиях слово никто не отменял. И если уж культивировать понятия «век информации», «дети в информационном поле», то ничем не заменяемой единицей информации пока остаётся слово. Мы не имеем морального права допустить, чтобы наши дети утратили одну из самых знаковых национальных традиций – интерес к чтению, любовь к слову. Культ слова лелеяли на Руси издревле (вспомним «Слово о полку Игореве»), иначе не родилась бы великая русская классика, а в ней, в её контексте, такое явление субкультуры, как детская литература и детская журналистика. Мы редко задумываемся о таком феномене, как служение детской литературе величайших романистов, поэтов, драматургов.

И, к сожалению, не успеваем (или не умеем) донести детям и подросткам всеохватность, всепонимание, всепроникновение русской классики в душу ребёнка, юноши, седовласого мудреца.

Как это (!) одни и те же авторы создавали «Бориса Годунова» и «Сказку о рыбаке и рыбке»; «Войну и мир» и «Филиппка»; «Вишнёвый сад» и «Ваньку Жукова»; «Отцы и дети» и «Муму»; «Кому на Руси жить хорошо» и «Деда Мазая» с его зайчишками; «Преступление и наказание» и «Рождественского мальчика»; «Мёртвые души» и «Ночь перед Рождеством». Эпические творения на все времена и сказки, рассказы, поэмы, стихи для детей, непревзойдённые до сих пор по созвучности детской психологии и совершенству формы.

Дети, пережившие первые духовные открытия от раннего чтения, вырастали, взрослели вместе с героями полюбившихся авторов, поднимались по невидимым ступеням от «золотой рыбки» к «медному всаднику», набирали нравственную высоту и художественный вкус, эмоциональную остроту восприятия и речевое богатство, становясь матерями, отцами, передавали сыновьям и дочерям свою любовь к чтению, к книгам и героям собственного детства. Культурная традиция не прерывалась даже в годы революции, Гражданской войны, разрухи. Правда, не обошлось без перегибов, без крайних лозунгов вроде «Сбросить Пушкина с корабля современности». Но времена камни разбрасывать и камни собирать шли своим чередом. Русская классика выстояла. Будем честны – не безболезненно, не без потерь. А с ней – неотделимая её часть – детская литература. На её мощном плодородном пласте поднялся новый посев – XX век привёл в детскую литературу целое созвездие мастеров слова, избравших для себя юную читательскую аудиторию как основную.

Тому было множество разных причин, у каждого – свои, но главное – не прервалась традиция. Они умели слышать Детство, его вечные и новые струны, они владели языковой стихией, родной детям, и становились признанными кумирами юных читателей советской России, а потом и Советского Союза: К. Чуковский, С. Маршак, А. Барто, В. Катаев, Л. Кассиль, Л. Пантелеев, С. Михалков, В. Каверин, Б. Житков, А. Гайдар, В. Бианки, А. Бруштейн, Е. Елагина, В. Осеева, Ю. Коваль, В. Коржиков... И ещё имена, имена... Достояние республики. Среди них и те, кому посчастливилось, как и классикам XIX века, оставить свой след в сердце детей и взрослых: М. Горький, В. Маяковский, А. Толстой, К. Паустовский, А. Рыбаков...

ТРАДИЦИЯМ ЖИТЬ!

Развитие детской литературы, детского чтения последовательно поддерживалось государственной политикой и, что, на мой взгляд, весьма существенно, благодаря энтузиазму самых ярких писателей. Они проповедывали (иначе не скажешь) Книгу и Слово вдохновенно, горячо и убедительно с трибун писательских съездов, по радио, на встречах с детьми. Им нельзя было не верить, потому что они являли собой пример служения детям. Когда огромная читательская аудитория страны прочитала на страницах «Пионерской правды» письмо-обращение М. Горького, где он обещал ребятам, что у них будет своё издательство детской литературы и он просит у них совета, о чём писать, каких книг они ждут, то поток писем с адресом «Москва, Горькому» не замедлил себя ждать. Такое издательство в Москве и Ленинграде выпускало книги миллионными тиражами по очень скромной цене. В конце каждого издания издательство обращалось к читателю с просьбой поделиться впечатлениями. И снова потоки писем.

Издательства уже не успевали прочитывать, анализировать, сообщать писателям, то есть работать в формате обратной связи.

В 1949 году в Москве на улице Горького (ныне Тверская) открывается Дом детской книги, куда сходилась богатейшая информация и где дети встречались с писателями, становились первыми слушателями и критиками новых книг. Здесь проходили выставки, говоря сегодняшним языком, презентации, чествования писателей, художников – иллюстраторов книги.

А в Колонном зале – лучшем концертном зале страны – ежегодно в дни весенних каникул праздновалась Неделя детской книги: встречи читателей с живыми авторами любимых произведений и заветный подарок на память – книга с писательским автографом. С годами Книжкина неделя стала путешествовать по всей стране. Помимо Детгиза собирателями детской литературы были журналы «Пионер», «Костёр», «Мурзилка», газета «Пионерская правда» и аналогичные им издания на национальных языках в союзных республиках и республиканских издательствах.

Это всё – отнюдь не дань ностальгии. Нет. Это к слову об интересах. Интерес к книге и чтению пронизывал всю атмосферу детства. Книга была объектом общения. При огромных тиражах и более чем доступной цене книг всё равно не хватало. В библиотеках становились «на очередь», кто за кем читает. Известны факты, когда в годы Великой Отечественной войны бойцы берегли любимые книги детства в своих фронтовых рюкзаках. Поэтому правомерно и оправдано, что в современной стратегии так много внимания уделено книге и детской субкультуре в целом.

Вчитаемся и порадуемся вместе с писателями, теле- и радиожурналистами, сценаристами, редакторами детских СМИ, издателями. Познакомимся с планами, которые государство намерено предпринять в два этапа – 2012 и 2014–2017 годы. Деловые строки документа, а за ними новые книги, радиопрограммы и телефильмы, библиотеки, музеи, театры, культурные центры.

В новом большом походе за возрождение субкультуры детства нам есть на что опираться. И не только на классическое наследие, не только на опыт не такого уж далёкого прошлого до перестройки, но и на современный поиск в этой области, рождающийся в новых очагах детской субкультуры на пространстве гражданского общества. В сфере детских СМИ – это агентство «Юнпресс», Лига юных журналистов, традиционный фестиваль начинающих самодеятельных кино- и телестудий «Бумеранг» во Всероссийском детском центре «Орлёнок».

В сфере литературных исканий – многочисленные фонды и конкурсы. Коротко остановимся на двух.

Международный конкурс имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков. Проводится при поддержке Правительства РФ, Российского авторского сообщества. Организаторы: Российский фонд культуры, Совет по детской книге России. Конкурс – дань памяти одному из великих энтузиастов, организаторов и создателей детской литературы С.В. Михалкову и связан напрямую с Советом по детской книге России (RBBY), возглавляемым в течение 40 лет С.В. Михалковым.

История конкурса уходит в трудные 90-е. Детская литература и её верные служители – писатели, художники, библиотекари – переживали вместе со всей страной стресс перестройки. Тогда великий оптимист в 1995 году (в год своего 95-летия) стал почётным председателем жюри конкурса, поддержанного начинающими молодыми московскими меценатами. Теперь, когда Сергея Владимировича нет с нами, дело его продолжается, а конкурс назван его именем. На новом витке он стал международным и уже в новом статусе. Итоги его подведены в третий раз. Одна из прекрасных примет конкурса – наряду с высокопрофессиональным жюри в оценке рукописей принимает участие детское жюри, куда входят подростки от 12 до 16 лет из литературной секции при газете «Пионерская правда». На мой взгляд, это и есть реальное участие детей в решении вопросов, касающихся их интересов. Куда уж более естественный интерес, чем детская литература. Не могу не сказать буквально несколько слов о произведении одного из лауреатов конкурса Эдуарда Веркина – повести «Друг апрель» (2010 г). Мнения детского жюри и взрослого абсолютно совпали. Ребята голосовали «за правду, печальную, но правду», сочувствовали героям – своим ровесникам из трудной, обездоленной, разрушенной семьи. Такие «дети подземелья XXI века». Те самые, на защиту которых стратегия поднимает всё наше общество, все институты и ведомства.

Как тут не порадоваться, что и в литературе, и в тех, кому она адресована, жива традиция сострадания и поддержки, присущая русской классике от Достоевского до Чехова и Короленко («Слепой музыкант», «Дети подземелья»).

И ещё – о другом Международном конкурсе детской и юношеской художественной литературы имени А.Н. Толстого. Его организаторы – Союз писателей России, Товарищество детских и юношеских писателей России, а с 2000 года (что тоже знамение времени) соучредителем стала молодёжная общественная палата. Это пока единственный в стране конкурс, на который могут быть представлены произведения для всех возрастных категорий – от дошкольников 4–5 лет, младших школьников, подростков, старшеклассников и молодёжи в различных жанрах.

В 2008 году конкурс имени А.Н. Толстого был поддержан Рождественскими образовательными чтениями, на которых особенно отмечалась тема целомудрия и нравственности. Если же говорить о непрерывности традиции (как в михалковском конкурсе), то здесь она ярче всего проявилась в творчестве писателя-натуралиста Олега Трушина и Владимира Каменева – автора повестей и рассказов о животном мире России – прямых наследников творчества Виталия Бианки.

Конкурс служит как бы центром притяжения и объединения региональной литературы в единую всероссийскую, где есть место всем позитивным идеям и направлениям, включая новую для детской литературы номинацию «Православная проза и поэзия».

Всего два конкурса. Но они ещё одно подтверждение жизнестойкости детской отечественной литературы и, несмотря на общую сегодняшнюю оценку нечитающего поколения, вселяют веру, что у стратегии и в сфере культуры есть большое будущее.

УПРАВЛЕНИЕ

Предвижу вопрос будущих читателей и оппонентов. «Идеи прекрасны. Кто будет их осуществлять?»

Вопрос разумный и справедливый. И над ним я и мои коллеги сейчас много думаем. Обсуждаются разные модели. Над этим размышляем не только мы. На парламентских слушаниях глава офиса ЮНИСЕФ в Российской Федерации Бертран Бейнвель предложил создать специальное министерство, которое бы занималось исключительно делами детей и координировало процесс реализации стратегии, своевременно информируя об этом правительство.

В самом документе предложен другой вариант. Это координационный совет. Думается, в нём могло бы быть две палаты. Первая – представителей власти, вторая – представителей общественности. Возможно подумать и об аналогичных советах по вертикали, в федеральных округах и далее в регионах. Тогда у первых лиц была бы возможность всё время держать руку на пульсе. Располагать своевременной и достоверной информацией. Вовремя реагировать на неё.

А может быть, нужны центры или штабы по основным направлениям стратегии. В этом случае реальнее было бы обеспечить бóльшую компетентность, профессиональный подход к разрешению проблем.

Но поскольку стратегия – это в первую очередь искусство руководить процессом, то любая избранная модель управления должна обеспечивать быстрое реагирование, точность и объективность информации, независимую экспертизу и правильный выбор очередных действий.

Сегодня у нас есть политическое решение нашего президента В.В. Путина, его указ от 1 июня 2012 года. Есть утверждённая стратегия. На очереди программа законотворческой работы, программы регионов, программы средств массовой информации (без них нам не обойтись), и нам нужен серьёзный общественный контроль за тем, что мы будем делать.

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что стратегия будет ещё обсуждаться и обсуждаться. Учёными, практиками, публицистами, политическими и общественными деятелями, юристами, врачами, представителями общественных структур, бизнесменами. В этой статье затронута лишь часть ключевых позиций. Значение этого документа будет осознаваться по мере того, как будут продвигаться в жизнь его идеи.

Отнюдь не потому, что до этого новое государство не предпринимало никаких мер во благо своих главных наследников и продолжателей. Принимало, и очень серьёзные. Вспомним национальные проекты. Материнский капитал, здравоохранение. Законы о семье, поддержке молодёжных и детских общественных объединений. Серьёзный поворот к строительству детских садов. Но, во-первых, всё это было направлено на улучшение отдельных (пусть очень значительных) проблем, а во-вторых, подход к их решению в основном строился на традиционных представлениях о детях и детстве как на объектах государственной заботы, без должной коррективы на то, что мир современного детства кардинальным образом изменился и готов сам отстаивать свои интересы; что родители – тоже новые люди, обретающие своё место в гражданском обществе, но пока лишь за редким исключением признающие права детей.

Программный документ – Национальная стратегия действий в интересах детей – называется так, а не иначе, потому что исходит именно из интересов и потребностей не детей вообще, а нынешних, сегодняшних, двадцать первого века, с особенностями и рисками для здоровья, нравственности, интеллекта; с гражданским достоинством и правовыми нормами международного уровня, обязывающими общество взрослых соответствовать им.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Россия в святых местах

В этом году Императорскому православному палестинскому обществу исполняется 130 лет. Недавно этому важному событию была посвящена представительная конференция, а также большая выставка в московском Манеже.

Судьба у этого общества сложилась очень непросто. Императорским оно считалось до революции семнадцатого года (считается, впрочем, и ныне, с 1992 года), потому что общество взял под своё крыло самодержец российский Александр Третий, первым председателем ИППО был 25-летний брат царя, впоследствии московский генерал-губернатор Сергей Александрович Романов (на фото).

Жизнь великого князя Сергея Александровича оборвалась трагически – в феврале 1905 года в его сани экипаж эсер Иван Каляев бросил бомбу. Бомба попала точно в генерал-губернатора, ударила его в грудь... Раздался взрыв.

Организовавший это покушение Борис Савинков наблюдал за происходящим вместе со своей спутницей Дорой Прекрасной. Увидев, что всё кончено и итог таков, какого он желал, Савинков подозвал к себе извозчика, уселся в сани вместе с Дорой и укатил.

В тот же день он покинул Москву. А общество, которое очень успешно начало свою работу, стало приобретать участки земли в библейской Палестине, на земле Иисуса Христа, и строить подворья, чтобы там могли останавливаться паломники из России, оказалось без предводителя.

Но, слава богу, ненадолго – место убитого великого князя заняла его супруга – Елизавета Фёдоровна, закончившая строительство Елизаветинского и Сергиевского подворий в Иерусалиме, купила участок земли в итальянском городе Бари, где была заложена, а потом и возведена церковь Святого Николы Чудотворца, одного из самых почитаемых русских святых. В Москве учредила и построила на свои деньги Марфо-Мариинскую обитель и стала её настоятельницей. Своим сёстрам по обители она заявила следующее:

– Я оставляю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе с вами я вхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих.

Когда свершилась революция и началась гражданская междоусобица, не переросшая пока ещё в войну, она написала своей подруге Александре Олсуфьевой: «Я испытываю такую глубокую жалость к России и к её детям, в настоящее время не ведают, что творят. Разве это не больной ребёнок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел, здоров. Святая Россия не может погибнуть. Но великой России, увы, больше нет». Слова «Святая Россия не может погибнуть» Елизавета Фёдоровна специально подчеркнула пером.

Через несколько месяцев она была арестована и вместе с келейной сестрой Варварой и четырьмя членами царской фамилии доставлена в уральский город Алапаевск.

Семнадцатого июля 1918 года всех шестерых усадили на подводы и повезли в сторону деревни Синячихи, где располагался старый, уже прекративший свою работу рудник. Задержанных сбросили вниз, в глубокую рудную шахту. Разбившиеся, с переломанными костями, узники, однако, были живы, они подползли друг к другу и начали читать молитвы.

В ответ на голоса, доносившиеся из глубины рудника, истязатели бросили несколько гранат. Голоса смолкли.

Бет-Джала (южный пригород Вифлеема). Здание женской школы Императорского православного палестинского общества в 1884 году

В этот же день в Екатеринбурге, в доме инженера Ипатьева, была расстреляна семья последнего российского императора Николая Второго.

Через два месяца Алапаевск заняли колчаковцы. Тела великой княгини Елизаветы, причисленной ныне к лику святых, и её спутников были подняты со дна рудника, уложены в гробы и отправлены на Дальний Восток, вначале в Читу, потом в Китай, в Пекин, оттуда – в Египет, в Порт-Саид, затем останки Елизаветы и монахини Варвары перевезли в Иерусалим, на Елеонскую гору, где поставили в склеп, расположенный под храмом Святой Марии Магдалины, в 1982 году мощи были перенесены в верхнюю церковь.

Во время церемонии церковная лестница была украшена флагом Императорского православного палестинского общества.

К этой поре в сознании верующих людей, и прежде всего христиан, уже чётко сформировалось понятие «Русская Палестина», для которой так много было сделано и великим князем Сергеем Александровичем, и княгиней Елизаветой. Это – подворья и соборы, больницы и школы, духовная миссия и монастыри, часовни и сельскохозяйственные угодья – в общем, владения были очень приличные. И всё это принадлежало ИППО. Только одних школ общество возвело на территории Святой земли более ста – для детей из православных и мусульманских семей.

Когда строили Александровское подворье, то в ходе раскопок был открыт порог Судных врат, через которые Иисус Христос шёл к месту своей казни... Это была великая находка.

После 1917 года мощное общество превратилось в один из малозначительных придатков Академии наук, утеряло своё название и только в 1992 году благодаря патриарху Алексию Второму и тогдашнему председателю общества Чрезвычайному и Полномочному послу СССР и России профессору Олегу Пересыпкину вернуло себе историческое имя.

А огрехов и дыр к этой поре образовалось уже полно. Многоуважаемый Никита Сергеевич Хрущёв, например, разменивал подворья на пароходы с апельсинами – и это не первоапрельская шутка... Так было.

Всё утерянное надо возвращать, это же было приобретено на деньги российских граждан и принадлежало России.

...Ныне обществом руководит Сергей Степашин. Недавно он сказал следующее:

– Наше общество, созданное для укрепления связей России и Святой земли, объединяет людей по всему миру. Это союз единомышленников – дипломатов, учёных, чиновников, бизнесменов, учителей... Нас сотни, и каждый вносит лепту в общее дело. Мы бережно храним память о той Палестине, которой уже нет на карте, но в русском языке и в памяти народов Арабского Востока она до сих пор живёт в понятиях «Русская Палестина» и «Московия» как память о людях из Москвы и России.

Часть имущества, утраченного столь неосмотрительно и неразумно, уже возвращена – при С. Степашине восстановлены права России на Сергиевское подворье в Иерусалиме, проведена консервация его восточного блока, в результате чего удалось сохранить уникальнейший архив ИППО с документами XIX – начала XX века, юридически закреплены за Россией три участка в библейском Иерихоне, а Палестинской национальной администрацией передан в собственность участок земли в Вифлееме, том самом Вифлееме, где родился Иисус Христос. На этом участке Дмитрий Медведев и Махмуд Аббас в торжественной обстановке открыли музейно-парковый комплекс. В парке, кстати, растёт древняя смоковница, почитаемая христианами всего мира как место встречи Христа и мытаря Закхея. На территории комплекса впервые за сто с лишним лет археологами России и Палестины были проведены совместные исследования, принёсшие немало находок, а захворавшее дерево, которому две с лишним тысячи лет от роду, было успешно вылечено нашими специалистами.

Уже практически решён вопрос о строительстве школы в Вифлееме – земля под неё также выделена президентом Палестины Махмудом Аббасом. В школе смогут обучаться 400 детишек по двенадцатилетней системе.

Кстати, о школах. В Манеже, в рамках проведения выставки, состоялись круглые столы, посвящённые странам, входящим в ареал Святой земли.

Мне довелось принять участие в круглом столе, посвящённом Ливану. Школ ИППО, работавших в Ливане, по одним данным, было 32, по другим – более 40. Даже здание российского посольства расположено ныне в бывшей школе ИППО. Целых 25 лет здесь трудилась на должности инспектора Мария Александровна Черкасова.

Ученики очень любили её и звали Мамой – вот так, с большой буквы. Она и умерла здесь, в Бейруте, и похоронена здесь.

После её смерти одна из улиц ливанской столицы была названа улицей Мамы – в честь Черкасовой.

«Русские школы», как называли здесь школы ИППО, дали миру немало выдающихся деятелей, и то, что ныне возобновляется их работа, очень благое предзнаменование. И вообще это – хороший задел на будущее.

Кстати, «русские школы» были официально признаны властями Оттоманской империи, – как известно, относящейся не очень дружественно к России, – ещё в 1908 году (Святая земля входила тогда в состав этой империи), и русский язык считался там вторым иностранным языком после турецкого. Школьники изучали его очень охотно...

В общем, Императорское православное палестинское общество ныне успешно развивается, живёт полнокровной жизнью, работает на благо России и, абсолютно в этом уверен, сделает ещё немало доброго. Открыто отделение общества в Иерусалиме, мощное отделение создано в Москве, это настоящий мозговой штаб, который возглавляет Сергей Байдаков, успешно – и уже давно – работает отделение в Питере, им руководит директор Эрмитажа Михаил Пиотровский. Само ИППО отмечено благодарностью президента России.

В планах – работа, работа, работа... И выставки ещё будут, и книги новые, и научные открытия, и археологические находки – всё это впереди. К слову, недавно вышла новая книга об ИППО, называется она «Русская Палестина», принадлежит перу Олега Пересыпкина. Очень неплохая книга, замечу, – советую прочитать.

И ещё. В Москве уже два года выпускается арабский журнал «Аль-Мутавассет», которым руководят два родных брата – Хасан и Хуссейн Наср-Алла (Хасан недавно вступил в ИППО). Журнал не стоит в стороне от жизни общества, считает его проблемы своими, а это очень важно и для наведения мирных мостов на Ближнем Востоке, превратившемся ныне в горячую точку, и для дальнейшей жизни общества. Обложка последнего номера украшена ярким заголовком на русском языке «Россия на Святой земле» и портретом нынешнего председателя ИППО, а внутри помещена большая статья об обществе.

Публикация эта мне кажется очень знаменательной.

Валерий ПОВОЛЯЕВ,
член ИППО с 1966 года, заслуженный деятель искусств России

КОНКУРС

«Патриот России»

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) объявляет о проведении в 2012 году XI Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение в средствах массовой информации темы патриотического воспитания.

Конкурс «Патриот России» проводится в соответствии с государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы».

Конкурс призван стимулировать СМИ к яркому и всестороннему освещению патриотической тематики, связанной с традициями и современными задачами патриотического воспитания.

Проведение конкурса обеспечивает Роспечать во взаимодействии с Минобороны России, Росвоенцентром, органами исполнительной власти субъектов РФ и при поддержке Союза журналистов России.

Исполнителем контракта на выполнение работ по проведению Всероссийского конкурса «Патриот России» по результатам открытого аукциона в электронной форме является Международный пресс-клуб (МПК).

К участию в конкурсе приглашаются зарегистрированные электронные и печатные СМИ, а также авторы (авторские коллективы), чьи материалы патриотической направленности были размещены в данных СМИ в период проведения конкурса – с сентября 2011-го по август 2012 года.

СМИ регионального статуса направляют работы в региональные дирекции конкурса, расположенные в федеральных округах; СМИ федерального статуса – напрямую в федеральную дирекцию.

Работы, прошедшие отбор на региональном этапе, вместе с сопроводительными материалами направляются до 15 августа 2012 года по адресу: 119019, Москва, Никитский бульвар, дом 8/3, стр. 2, 4-й этаж. Международный пресс-клуб. В федеральную дирекцию конкурса «Патриот России».

Торжественную церемонию награждения победителей конкурса предполагается провести в конце октября 2012 года в Воронеже.

Победителям конкурса вручаются денежные премии, призы и дипломы.

Положение о конкурсе и координаты региональных дирекций размещены на сайте МПК www. pr-club. com и официальном сайте Роспечати: www. fapmc. ru

Контактные телефоны федеральной дирекции конкурса: +7 (495) 695-34-22, +7 (495) 695-34-23, +7 (495) 691-64-81. Координатор конкурса – Тамиров Александр Суренович (tamirov@pr-club. com), менеджер конкурса – Крапивина Виктория (krapivina@pr-club. com).

ВОЙНА

Сирийский котёл

За полтора года, прошедшие с момента возжигания конфликта в Сирии, конечно же, общество кое-что узнало об этом государстве. Так, нам теперь известно, что за войной – противостояние алавитского меньшинства и суннитского большинства. И с определёнными допусками можно – с поправкой на арабскую этноспецифику – называть алавитское меньшинство просвещённым, а поддерживающее «оппозиционеров» суннитство более тёмным и бедным, хотя бы оно и опекаемо «прогрессивным Западом».

Попытка более детально разобраться в религиозном и этнокультурном спектре Сирии весьма затруднительна. Легко растеряться перед обилием здешних культов, сект и подконфессий. Плюс ко всему в Сирии сохраняется сильное племенное деление. Арабский мир – как верблюжья колючка, весь в шипах. А вот для крупных внешних игроков в геополитику эта концентрация разделённостей и противоречий представляется этаким увлекательным «преферансом».

Вся новейшая история Сирии – сплошная череда переворотов, одним из главных фигурантов которых был отец нынешнего Асада – Хафез. Сейчас Асадам припомнили и трагедию 1982-го, когда, подавляя исламистов, армия штурмовала город Хаму. Считается, впрочем, что это было неизбежной ценой политической стабилизации, которая была бы невозможной, приди к власти «Братья-мусульмане».

Исламский фундаментализм, основанный на фанатичной вере, весьма опасен – даже если уступать ему, пытаться его умиротворять, – он ни перед чем не остановится в реализации своих амбиций. Особенно теперь – когда уже столько пролито крови. Нынешнее руководство Сирии, думается, прекрасно понимает: уступи – и начнётся необратимое. Слишком велик потенциал мести. Вооружённая оппозиция уже продемонстрировала свою неготовность к компромиссам. Конфликт в Сирии уже принял формы гражданской войны.

Сирийский конфликт многомерен, и задач в его раздувании у антиправительственных сил несколько. Первая – ликвидация в подбрюшье Турции, восточного форпоста НАТО, арабского государства, устроенного на определённых социальных принципах.

Даже специфический сирийский социализм – это бельмо в глазу не только у Турции, но прежде всего у разбогатевших на нефти саудитов, Кувейта, Катара, Бахрейна... Для них это идейный противник и опасность снизу. В своей ненависти к социализму Асадов они едины с Америкой и Европой.

За «повстанцами» стоят фундаменталисты – в том числе и «Аль-Каида» в её новом американопослушном виде. Они мстят Асадам за революции 60-х и поражения начала 80-х годов прошлого века

Пройдёт время, и этот подростковый, вскормленный извне и обманутый национализм будет осуждён народным мнением – но дело уже будет сделано.

Наёмники из других арабских стран, которых Запад и лидеры Лиги арабских государств снаряжают и забрасывают в зону гражданской войны, в своей массе полны идеями джихада. Многое объясняется дикостью нравов, выдаваемой за пассионарность. Революция – это всегда справедливый гнев с абсолютной убеждённостью в правоте своего дела и тотальной порочности твоего противника. Но гнев можно канализировать в нужную сторону. Особенно когда рядом искушённые в постановках «цветных революций» наставники.

Зададимся вопросом: что побуждает Запад инспирировать страсти, свергать вполне прогрессивные, по меркам Востока, режимы и делать ставку на фундаментализм в арабском регионе? Думается, вашингтонские аналитики уверены, что мусульманский фундаментализм неизбежно сопровождается изоляционизмом. И приводит к структурным сдвигам, которые арабский мир выводят даже за пределы современных технологий. А если ещё удастся слепить политический конгломерат с вкраплениями либерализма, как оно случилось в Ливии, то ещё лучше. Это будет вялотекущая стагнация, легко управляемая извне. Здесь Америку ведут не столько трезвый расчёт, сколько интуиция искушённого в сложной игре картёжника, который всегда переиграет неопытного противника.

А по внешнему периметру этой «новой арабской ортодоксии» можно выстроить надёжный кордон. Общаться же с этим их миром можно будет через аравийских шейхов, заправляющих в арабской лиге.

Европе же радикализация и маргинализация отношений с Арабским Востоком может представляться возможностью в чём-то оградиться от страшных демографических вызовов новой эры, от пресловутого мультикультурализма, от деструктивного проникновения в «дикарского мусульманства».

Недавний визит г-жи Клинтон в Египет, где в президенты недавно избрали активиста фундаменталистской идеи, показывает, что «внешняя власть» ничуть не сомневается: этим «изолированным миром» можно благополучно управлять, играя на внутренних его противоречиях и выступая в роли модератора.

У Америки – своя правда. На англоязычных форумах они все пишут: «*Мне не нравится, что делает Обама, но это президент моей страны... И я умру за него – если какой-то чужак-иностранец начнёт меня учить – как мне жить в Америке*». Другим же в праве жить своим умом изначально отказано.

Как и «Братья-мусульмане» в своём формате мстителей, Америка пойдёт до конца в своей роли «мирового копа». Будет воздействовать на события если не мытьём, так катаньем. Придёт вместо корректного Обамы мормон Митт Ромни – и Америка реставрирует «бушизм» во всей его первозданности. Для их Капитолийского холма всё так же важно держать мир в узде, поглаживая по головке лояльных и жестоко наказывая непослушных. И системно, с применением компьютерного моделирования, решать частные задачи на Ближнем Востоке, «приручая упрямых дикарей» и хорошенько давая коленом под зад всяким там «социализмам» – и тем решая попутно в свою пользу ситуацию и в других регионах. Такова их политика, таковы их моральные убеждения.

А нам-то что делать? Закрыть глаза на всё это? Мы должны понимать, что происходит.

Сирия – это земля древних культур, финикийских городов и прародины христианства (известно, что Христос говорил на древнесирийском языке). Советский Союз вовлёк её когда-то в свою орбиту – и она невольно тянулась к нам со времён массовой деколонизации. Башар Асад – не рахат-лукум и уж точно не вся Сирия «в одном флаконе». Но даже внешне он смотрится куда приличнее, чем те жирные шейхи, что требуют его на заклание. Возможно, когда-то его сможет заменить другой человек, но сейчас смена власти в Сирии – ещё большая кровь. Если мы просто согласимся бросить его в клетку к хищникам, в самом арабском мире одни нас будут презирать, другие ненавидеть.

Кстати, после атаки террористов на нью-йоркский Всемирный торговый центр в сентябре 2001-го Башар Асад сотрудничал с американцами в борьбе против террористов «Аль-Каиды», но и это ему не зачлось...

Геннадий СТАРОСТЕНКО

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Их пока нельзя вылечить

Но можно научить управлять собой

В последнее время в СМИ активно обсуждается тема детского церебрального паралича и при этом практически всегда упоминается метод кондуктивной педагогики, разработанный венгерским врачом и педагогом Андрашем Петё.

ДЦП – заболевание, отягощённое не только двигательными, но, как правило, и интеллектуальными, речевыми, зрительными и слуховыми нарушениями. Поэтому и подход к решению проблемы должен быть комплексным – медицинским (в части диагностического контроля и, возможно, оперативного вмешательства для преодоления нарушений опорно-двигательного аппарата) и психолого-педагогическим, направленным на использование потенциала индивидуального развития, стимулирующего преодоление ребёнком своих ограниченных возможностей. Подробно рассказать о кондуктивной педагогике мы попросили Юрия ЛОХВИЦКОГО, директора компании GlobusXXI. Szazad Tanacsado Kft, которая является единственным представителем венгерского Института кондуктивной педагогики и восстановительной двигательной терапии им. А. Петё по России и уже 7 лет направляет в Будапешт российских детей, больных ДЦП.

– Юрий Михайлович, в первую очередь что такое кондуктивная педагогика?

– Кондуктивная педагогика – специально интегрированный процесс обучения, который влияет на все функции человека, страдающего поражением центральной нервной системы. Для этого составляется комплексная программа, которая в зависимости от возраста отражает образ и ритм жизни здорового ребёнка (включая его физические, психические и социальные потребности). Венгр Андраш Петё был одним из первых, кто поражения ЦНС стал рассматривать не как заболевание, а как проблему обучения. Ребёнок с нарушениями ЦНС, как и здоровый ребёнок, развивается в процессе обучения, но с той разницей, что формирование двигательных стереотипов значительно затруднено.

В основе безоперационного метода Петё – убеждение, что, несмотря на поражения, мозг имеет потенциальные возможности в развитии новых навыков. В переводе с латинского термин означает «направленное обучение». Специалист-кондуктолог создаёт условия, при которых ребёнок окажется способным выполнять предъявленные к нему требования при помощи мотивации – побуждения к действию, что неосуществимо при одновременной параллельной работе многих специалистов.

Одна из составляющих методик Института им. А. Петё – отношение к детям не как к больным, слабоумным, а как к неопытным и незнающим, которых надо научить управлять собой, своими движениями, помочь им социально адаптироваться в обществе.

Иными словами, не делаются операции, физические изменения в теле ребёнка не происходят, но тем не менее кондуктологи обучают ребёнка уметь так же пользоваться вилкой, ложкой, ходить, заниматься за компьютером, играть в мяч и т.д., как и здорового ребёнка. Пусть не совсем легко, пусть не совсем так свободно, но всё же уметь.

На сегодняшний день насчитывается более 400 причин ДЦП. И так же как нет двух больных, которые имели бы одинаковые патоморфологические изменения со стороны головного мозга, так нет и «чудо-таблетки», позволяющей решить эту проблему. Поэтому живут и соседствуют, в чём-то дополняя друг друга, уникальные методы Бобат, Войти, Козявкина и, конечно, Петё (существуют, естественно, и другие, но мы называем основные). Время доказало эффективность метода Петё, причём во многом его эффективность определяется качеством образования и опытом специалистов. Их готовят только в Институте им. А. Петё и продолжают совершенствовать изо дня в день. К сожалению, на примере Москвы и некоторых других регионов России мы видим, как иной раз выхолащивается суть самой методики. Не имея ни достаточных знаний, ни опыта, ознакомившись с методикой лишь по литературе, люди начинают преподавать, вести занятия, лечить, не вполне или вообще не понимая, что они делают.

– Почему, имея несколько действующих программ в других странах, вы решили прийти в Россию?

– Если на сегодняшний день в развитых странах на 1000 человек рождается 2–4 больных детским церебральным параличом, то в России – это 5–6, а в некоторых регионах – 8, и тенденция к увеличению сохраняется.

Во многих развитых странах существует единая государственная программа лечения этой болезни и, что самое главное, в адаптации таких детей к жизни. В России этого пока нет. Хотя, объективности ради, следует отметить, что в последнее время дела с мёртвой точки сдвинулись, но, к сожалению, это касается в основном Москвы. К примеру, с того времени, как мы стали заниматься этим вопросом, в институте побывали свыше 1000 российских детей в сопровождении родителей, притом большая часть по Программе правительства Москвы.

– Значит ли это, что в этом аспекте программа борьбы с ДЦП хотя бы в Москве решена?

– Отнюдь. Во-первых, начнём с того, что в Москве стоят на учёте 4000 больных детским церебральным параличом. По нашим же данным, их около 5000. А Институт им. А. Петё может принять в год на сегодняшний день максимум 160–165 российских детей с родителями. Так что судите сами.

– Всё так безнадёжно?

– Не совсем. Во-первых, мы стали привозить из Института им. А. Петё ежемесячно двух кондуктологов, которые занимаются с детьми в Московском научно-практическом центре по реабилитации инвалидов вследствие ДЦП.

Таким образом, дополнительно проходят обучение за год ещё 120 московских детей. Понимая, что это не совсем то, что необходимо, активно сотрудничая с различными фондами, мы дополнительно планируем организовать приём ещё 200 детей, причём не только из Москвы. Кроме того, благодаря фонду «Под звездой надежды» из различных регионов в Венгрию дополнительно ежегодно направляются 60 детей. Последнее время мы так же активно сотрудничаем с Научно-практическим центром детской психоневрологии и думаем, на его базе удастся создать дополнительные возможности для кондуктологов.

Вообще я хочу сказать о комфортности общения со специалистами. Они сразу понимают суть происходящего и откликаются на это совершенно по-другому, то есть профессионально. Когда мы привезли в Институт им. А. Петё 25 лучших неврологов Москвы, они сразу же нашли общий язык с кондуктологами. Там ни разу не ставились идиотические вопросы, которые нередко возникают, когда встречаешься с неспециалистами.

Я давно вынашиваю идею создания небольшого городка, посёлка, куда могли бы попасть дети с родителями, где они получат не просто комплекс медицинских и немедицинских услуг. Сама идеология его должна быть такова, чтобы каждый присутствующий был сопричастен с общим делом, включая возможность родителям работать именно в структуре, которая так или иначе связана с ДЦП.

Вообще комплекс проблем в семье, в которой есть ребёнок с церебральным параличом, абсолютно другой, чем в обыкновенной. Не в смысле, что труднее или легче. Он просто другой. И смотреть на проблемы таких семей с обычной позиции невозможно. К примеру, не секрет, что от 70% женщин, у которых родились дети с ДЦП, мужья уходят. А для того чтобы поставить ребёнка на ноги, матери необходимо постоянно быть с ним рядом. О какой её собственной работе может идти речь?

Есть ещё и ряд моральных аспектов, которые я для себя до сих пор окончательно решить не могу. Что лучше: взять ребёнка 3–6 лет, возить его ежегодно в Будапешт и к 16 годам получить самодостаточного человека, отказав другим нуждающимся в такой же помощи? Или в порядке очерёдности вывозить детей лишь два года подряд, но без всякой гарантии, что мы их полностью поставим на ноги? Взять колясочника и научить его обходиться без неё? Либо повезти ребёнка с лёгкой формой паралича и вернуть его таким, что болезнь перестаёт быть заметной окружающим? Пока самому себе на эти вопросы я не ответил.

Но тем не менее мне кажется, что в целом методом проб и ошибок мы медленно, но верно всё-таки идём к своей цели.

Говорят, что о степени достижений судят не по высшей планке, а по нижней. Поэтому не буду говорить о тех наших воспитанниках, которые уже учатся в высших учебных заведениях, являются лауреатами различных, в том числе и творческих, конкурсов и т.п. Главная наша гордость, что за редким исключением абсолютное большинство колясочников, которых мы возили в Венгрию, могут обходиться без колясок. Абсолютное большинство может самостоятельно принимать пищу и ходить в туалет. И это уже немало.

Когда я стал заниматься детским церебральным параличом, только тогда понял, как много в моей жизни было сделано не так. Это как бы свет, который вспыхивает в определённые минуты жизни. Свет, который воодушевляет и не даёт почувствовать себя покинутым. Древние называли его «сияющим». Мы смотрим на него, а он присматривает за нами и направляет. Потому что каждый из нас должен выполнить за свою в принципе недолгую жизнь какую-то определённую миссию, пройти свой удивительный маршрут. Мне кажется, что работа с детьми с ДЦП – это та счастливая карта, которая выпадает редко.

Беседу вела
Виктория ЗАГРУДНАЯ

АКТУАЛЬНО

«Новая школа» – новой Москве

Вадим Мошкович, член Совета Федерации, член президиума Российского еврейского конгресса и один из совладельцев холдинга «Русагро», намерен организовать на присоединённых к Москве территориях частную некоммерческую школу. По его замыслу, это должно быть принципиально новое образовательное учреждение, отвечающее вызовам времени.

Проект был представлен на пресс-конференции, прошедшей в столичном Департаменте образования. Помимо автора проекта в ней приняли участие зам. руководителя Департамента образования Маргарита Русецкая, начальник управления развития общего, дошкольного и специального образования Елена Чернобай и директор школы № 1535 Михаил Мокринский. Председательствовал министр правительства Москвы, руководитель Департамента образования города Москвы Исаак Калина.

«Идея родилась около трёх лет назад, – рассказал журналистам Мошкович. – Моё видение «Новой школы» таково: школа раскрывает таланты учеников, даёт широкий набор академических знаний, развивает личность учащегося и открывает двери лучших университетов, при этом растит здоровых детей».

Также Вадим Мошкович упомянул о необходимости развития лидерских качеств у учеников «Новой школы», воспитания у детей честности, ответственности и гражданской позиции.

«Новая школа» будет построена вблизи посёлка Коммунарка, до реформы границ Москвы относившегося к Ленинскому району Московской области, на участке площадью 10 га, принадлежащем Мошковичу. Помимо здания школы, спортивных сооружений и хозяйственных помещений там будет располагаться также кампус для учеников и преподавателей.

Начальный бюджет, по словам Мошковича, составит порядка 100 миллионов долларов. После введения в эксплуатацию (с 1 сентября 2015 года) школа будет находиться на самоокупаемости. За год обучения родители школьника должны будут заплатить порядка 10 тысяч долларов. Однако особо одарённые дети, прошедшие отбор на олимпиадах, тестах и конкурсах, получат возможность учиться бесплатно. Для их обучения будут привлекаться благотворительные взносы и гранты.

«Я и мои коллеги не рассматриваем это как бизнес-проект. Это благотворительный проект», – отметил Мошкович.

Кандидатуры на должность руководителя «Новой школы», как рассказала Маргарита Русецкая, будут подыскиваться через всероссийский конкурс. К участию в нём приглашаются не только работники образования, но и научные работники и представители бизнеса. Конкурс пройдёт в три тура. Вначале соискатели пришлют резюме, информацию об опыте работы в управленческой должности, «мотивационное письмо», объясняющее, что подвигло их принять участие в конкурсе, а также эссе на тему – как они представляют себе «Новую школу». Второй отборочный тур также будет заочным, а прошедших в третий тур пригласят в Москву, где они предстанут перед комиссией.

Идея, бесспорно, благая. Разве что возможность назначения на должность директора школы человека с непрофильным образованием несколько настораживает. В целом же проект г-на Мошковича можно назвать «За всё хорошее, против всего плохого». Однако пресс-конференция оставила у её гостей и участников смутное чувство недосказанности. Ни от сенатора Мошковича, ни от представителей Департамента образования так и не удалось услышать главного – конкретики. Кто войдёт в жюри и в попечительский совет? В чём будет заключаться коренное отличие «Новой школы» от уже существующих в России элитных учебных заведений?

«Я своей сильной чертой считаю целеполагание, – говорил Мошкович. – Я считаю, что цель поставлена правильная, планка высочайшая. Как мы её достигнем – покажут опросы школьников и их родителей, результаты экзаменов, поступление выпускников в лучшие университеты мира». Так, один из журналистов задал вполне резонный вопрос: стоимость обучения в знаменитом колледже в Эдинбурге, имеющем двухсотлетнюю историю и солидную репутацию, ниже расценок «Новой школы», у которой ни истории, ни репутации пока нет. «Почему я должен отдавать ребёнка в ваше учебное заведение?» – спросил он.

– Вы ничего не должны, – отшутился г-н Мошкович.

«Здесь многие из вас рассказывали, как российские школьники уезжают из России, – сказал Калина в заключительной речи. – Это и ответ на вопрос – нужна ли такая школа».

Никто не спорит: школа, аккумулирующая лучшие образовательные технологии и методики, способствующая разностороннему развитию учеников, действительно нужна. Но, ставя такие высокие цели, неплохо было бы известить и о том, какие шаги будут предприняты для их достижения.

Владимир ТИТОВ

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Гусляр

На гитаре Дмитрий Парамонов умеет делать всё. Ещё когда учился в школе, организовал рок-группу. Но за гитару давно не берётся – неинтересно. Дмитрий Парамонов – гудлец, то есть игрец на гуслях.

С полным правом, как «старый рокер», Парамонов заявляет, что гитара – инструмент по происхождению иностранный и звук у неё совсем другой, чем у исконно русских инструментов. Между тем старинная русская народная музыка не менее заводная, чем рок-н-ролл. И этот «русский рок-н-ролл» 30-летний Дмитрий играет на инструменте своего прадеда. Он – потомственный гусляр.

Род Парамоновых не блещет знатностью, зато отличается страстью к музыке. Есть профессиональные мастера в больших оркестрах, но таких, как Дмитрий, которые взяли в руки гусли исключительно по велению души, даже без особой надежды выйти на широкую публику, я думаю, больше нет. Ещё студентом отделения культурологии он сам обследовал все уголки Омской области – то в одиночку, то с экспедициями Сибирского культурного центра. Увы, настоящие гусли Дмитрий нашёл только в трёх районных музеях. И то лишь экспонаты в нерабочем состоянии. Ни гудеть, ни бряцать на них нельзя. И отремонтировать никто не может.

Поэтому свои первые гусли – точную копию прадедовых – Дмитрий сделал сам. Детство своё он провёл на Урале, в доме маминых родителей. У деда Саши были гусли, доставшиеся ему по наследству от отца.

Дед Саша, если по-современному, был местным *диджеем*. За это, как и за то, что он был мастером на все руки – сапожником, печником, столяром и плотником, его уважали. По вечерам и стар и млад собирались возле дома Парамоновых на широкой лужайке. Устраивали танцы под гусли и гармошку. На праздники – Троицу, Ивана Купала – уходили в лес, к колодцу, специально вырытому для утоления жажды путников. Студентом Дмитрий каждый год ездил на родину. И не только потому, что скучал по бабушке и старому дому, но и потому, что некому было почистить колодец.

Однажды прибыл с гуслями в руках. Баба Лида охнула и заплакала – не думала, что искусство её мужа кому-то ещё нужно. Дмитрий в детстве хоть и любил праздники, над дедовыми музыкальными пристрастиями слегка посмеивался. Он как раз тогда гитару осваивал. А когда понял толк в гуслях, было поздно, дед умер. Куда делись гусли, никто не знает. Пропали без хозяина. Пришлось восстанавливать по памяти. Мастера Дмитрий нашёл в Новосибирске. Вместе сделали чертёж, потом слегка усовершенствовали инструмент.

Фото автора

Дедовы наигрыши Дмитрий тоже восстанавливал по памяти. Помогла бабушка – она-то мелодии мужа знала наизусть. Правда, воспроизвести их могла только на балалайке. Восстановили практически всё. Кроме самого важного – индивидуальных особенностей дедовской игры. Ведь инструмент не только служил людям, он открывал душу гусляра, его характер. У каждого маэстро – свой почерк. Слова им были не нужны – они могли похвалить и обругать музыкой.

– Гусли не просто музыкальный инструмент. В языческие времена они считались почти живым существом. У них были имена и их приносили в жертву богам, название «самогуды» не зря появилось – я на практике испытал: когда играешь, ощущение возникает, что это не ты управляешь инструментом, а он тобой, – объясняет Дмитрий, показывая инструмент в форме крыла, увенчанного головой лошади.

Струн больше, чем на гитаре, – девять. Они слегка расходятся в разные стороны от центра – как лучи солнца, заканчиваясь деревянными колками. Стан гуслей изогнут с одной стороны, чтобы руке музыканта было удобнее. Розетка сделана в форме старообрядческого креста. Крыловидные гусли – копия прадедовых – как раз, видимо, такие, какие брал под мышку Садко, спускаясь к морскому царю. А вот Боян из «Слова о полку Игореве» возлагал персты на инструмент более объёмный и тяжёлый – шлемовидный.

Как считают русские музыковеды, история гуслей насчитывает 1000 лет. Но самый старый из сохранившихся экземпляр, который находится в Санкт-Петербурге, – всего лишь конца XIX века. О гуслярах, их технике игры известно мало. Даже о количестве струн до сих пор спорят исследователи.

Слух, по мнению Парамонова, есть изначально у каждого. Только сильно его портят современные бессмысленные ритмы. Нужно петь самому, стараясь правильно вывести каждую ноту, как это делали наши предки. Дмитрий этому и учит: вживую и по Интернету помогает осваивать гусли, балалайку, гармошку, скрипку.

Такая у него методика – обучать игре не на одном инструменте, а на нескольких, чтобы со всех сторон можно было этот наигрыш рассмотреть и выучить. Это так называемая идея мультиинструментализма – важен репертуар, а не инструмент. Создал мастерскую гусельного искусства. Сначала в Омске, а потом и в Москве. Так и живёт теперь на два города. В Москве – работа, в Омске – друзья и... история: именно в дальних углах области он находит те песни, которые трогают душу. Играет и поёт их вместе с музыкантами из ансамбля старинной крестьянской музыки.

Мастерская Парамонова занимается изготовлением инструмента, обучением игре на нём и пропагандой – концертами, проведением семинаров, мастер-классов. Считается, что для женщины лучше изготавливать гусли из лиственных деревьев, для мужчин – из хвойных. Ещё лучше, если гусли будут изготовлены из явора – самое красивое по звучанию дерево. Есть поверье, что гусли будут звучать «родным голосом», если они сделаны из дерева, посаженного родственником.

– Это проблематично, – рассказывает Дмитрий Парамонов. – Поэтому я делаю гусли из дерева, в которое ударила молния. Или из половых досок, которые нахожу на разборке старых домов. Самые ценные те, которые находились под печкой. Ведь на просушку нужно 15–20 лет, а такие доски уже её прошли.

Начинал Дмитрий десять лет назад в Омском сибирском культурном центре – именно там его идею о развитии старинного народного искусства поддержали. Играл поначалу на «вечёрках», которые в центре заменяли дискотеки. Организовал этноансамбль «Китеж», вместе с ним стал давать гастроли по всей стране. В арсенале музыкантов – гусли и гитары, жалейка, волынка, балалайка, барабаны, калюки. Дмитрий на всех гудах и дудах игрец. Одна былина исполняется без перерыва от 30 минут до часа. Но это – только в радость.

Ту музыку, которая гремит в маршрутках и доносится из окон, старается не слышать. О чём поют? За что сел, зачем вышел. Ничего духовного. А вот высокие частоты, которые создаются с помощью гуслей, по его убеждению, воздействуют на мозг, сердце и душу.

– К сожалению, современный музыкант скорее станет играть ирландскую музыку или арабскую, нежели нашу. Русская традиционная сейчас очень экзотична, её нигде практически не услышать. Хотя потребность сверять свою жизнь с жизнью своих предков ведь никуда не делась. Только забыли мы о своих корнях. Если каждый задумается, что у него есть богатая культура, воплотит её частичку в себе и своих детях, мы сможем возродить старые традиции, – считает Дмитрий.

– А зачем нам при современных-то ритмах жизни вся эта древность? – не понимаю я.

– Да хотя бы затем, чтобы нам головы не дурили, чтоб не врали, будто русский народ всегда пил, пьёт и пить будет. Не пили наши предки! У них рюмочки были – с напёрсток. Русские песни – не только источник мудрости, но и образец поведения: «Нельзя черёмуху неспелую рвать, нельзя девушку неручанную целовать...» Это же не песни, это жизнь.

Гуслями дело уже не ограничивается. Балалайки, гармошки, рожки из настоящих коровьих рогов – Дмитрий теперь и их смастерить может. Освоил искусство колокольного звона. Учился долго, но схватывал быстро – по его выражению, дело, как гусли, шло.

...Теперь, проходя мимо храма, знайте, по ком звонит колокол. Может быть, по каждому из нас – забывших искусство своих прадедов.

Наталья ЯКОВЛЕВА,
ОМСК–МОСКВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 1–7 августа 2012 г. № 31 (6379)

ЗАПИСКИ ЗАВЗЯТОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Русские приехали!

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

В пятом классе учительница географии затеяла игру: расскажи о местах, в которых мечтаешь побывать – может, не сейчас, а в будущем, когда вырастешь. Я, помнится, сказала: в Афинах, в Риме и на озере Байкал. Мама, когда узнала о моих мечтах, отнеслась к ним довольно скептически: «На Байкале, – сказала она, – ты наверняка побываешь, а вот в Афинах и в Риме – ну, если очень повезёт». Оно и понятно: в нашем окружении никто ни по каким заграницам не ездил. Отец вообще был семь лет невыездным только потому, что посетил однажды по работе Байконур.

«И всё сбылось и не сбылось», как пелось в песенке моего самого раннего детства: я несколько раз была в Риме и в Афинах тоже была, а вот на Байкал так и не попала. Как-то не собралась.

Бывшие советские люди, когда открылась такая возможность, жадно ринулись за границу. Огромное желание туда ездить было всегда. Меня, по правде сказать, оно даже удивляло своей бескомпромиссностью. «Из заграниц не вылазит» – восхищённо-завистливая похвала удачливому карьеристу советской эпохи. Впрочем, возможность путешествовать привлекательна для всех народов. Недаром ценима работа, связанная с интересными поездками. А некоторые компании даже устраивают премиальные путешествия для отличившихся сотрудников. Поэтому ничего удивительного в том, что, когда границы открылись, все, кто мог, ринулись за кордон.

В одночасье выросли турагентства, а там подтянулись и умельцы, которые грамотно оформляют «портфолио» туриста: фотографии и сувениры с роскошных экзотических курортов, чтоб предъявить родне и сослуживцам. Вопрос «быть или казаться» современный человек однозначно решает в пользу «казаться».

И теперь в какую страну ни приедешь – повсюду встречаешь соотечественников.

В английских летних языковых школах квота на русских – 20%. Не будь её – заполонили бы всё, а у них полагается, чтобы «дети разных народов» говорили меж собой по-английски.

В Европе, в любом крупном торговом центре, – русская речь. В загородных «аутлетах», центрах по продаже марочных товаров по сниженным ценам, много русских продавщиц – их специально берут для обслуживания русских покупателей.

Мы, по нашему народному обычаю, всё ноем и жалуемся, а за границей меж тем за русскими закрепилась репутация богатых и платёжеспособных. И праздных. Как-то приехали мы во Франкфурт-на-Майне. Садимся в такси. «Баден-Баден? Отдыхать?» – светски осведомляется таксист. «Работать. На выставку», – отвечает мой коллега. «Да разве ж русские работают?» – вполушутку спрашивает таксист. Что тут скажешь? Иногда простые люди улавливают больше, чем тьма высоколобых аналитиков.

Чему нас научили заграничные поездки? Опыт в первую очередь. Недаром в высших кругах в старину молодой человек, окончив учение, нередко отправлялся за границу – посмотреть, как люди живут. И дело тут не в каких-то конкретных заимствованиях, хотя и они есть. Лично я многое там заимствовала для своей жизни. Камин в моём доме подсмотрен в Швеции, а садовые дорожки – в Турции. Сама идея постоянного проживания в пригороде пришла к нам из-за границы. До этого была либо дача, либо деревенская изба. А жили нормальные люди в квартирах. Теперь вот появился новый формат жилья – коттедж. Есть и таунхаусы. Многие проекты, если не большинство, срисованы с заграничных: это видно, например, по отсутствию навеса над входными ступенями (отчего их заметает снегом), по чересчур низкому цоколю. Вроде наших телепрограмм: с виду русское, а поскребёшь – американское.

Полезны путешествия, потому что они заставляют удивляться, будят собственную мысль.

Главное удивление – это западная повсеместная чистота. Когда-то она поразила Петра I, а потом те же чувства испытали тысячи наших путешественников. Мне до сих пор помнится россыпь пушистых, снежно-белых махровых полотенец в номере заурядной, трёхзвёздочной гостиницы в провинциальной итальянской Падуе. Может, и ничего в них не было, но уж больно не похожи они на наше вечно застиранное, посеревшее от равнодушия гостиничное бельё.

В 90-х нам очень захотелось позаимствовать европейскую чистоту. Тогда родилось слово «евроремонт», и не только слово, но и соответствующее явление. Я же придумала и коммерчески раскрутила словцо «евроуборка», которое сыграло свою роль. Теперь то и другое в словарях должно идти с пометкой *устар.*, потому что все ремонты сейчас – это евроремонты. И это, мне кажется, достижение: мы сделали хотя бы шаг к чистоте и порядку.

Ведь научиться чистоте – можно. Западноевропейцы в прежние времена тоже жили в грязи – будь здоров. Русские хоть в бане мылись, а те – нигде. Так что не надо нам посыпать голову пеплом и поминать «немытую Россию» как некую природную константу. Немцы по природе вовсе не такие чистюли, как нам мнится. Говорят, научил их этому искусству Фридрих Великий, учение происходило из-под палки; потом привыкли.

А вообще есть страны *твои* и *не твои*. Мне кажется «*нашей*» вся Северная Европа. Когда там находишься, то ощущаешь, что вокруг тебя некая усовершенствованная модель твоей родины. Как могло бы быть у нас, да, собственно, почему «могло бы» – оно и сейчас может. Конечно, климат и ландшафт способствуют такому восприятию.

В Северной Европе много домов с башенками. В Амстердаме вообще огромное количество домов разных веков, напоминающих наш Исторический музей. Видимо, на наш северный вкус это – красиво. В коллективном бессознательном сидит идея терема, а терем – он, понятно, какой: вытянутый вверх и с башенками. Лужков в начале своего правления поощрял такие дома, даже термин возник – «лужковский стиль». Потом этот стиль был объявлен выдающейся пошлостью и чуть не национальным позором, и в историческую застройку там и сям принялись суетливо втыкать нечто неоконструктивистское, чтоб, не дай бог, не отстать от сегодняшних трендов западной архитектурной мысли. Вот это-то как раз и есть позор – копеечное, убогое низкопоклонство и нервное стремление чему-то там соответствовать.

Кто-то из велемудрых немцев сказал, что *Германия – это восток запада, а Россия – запад востока*. Такая вот вполне немецкая диалектическая формула. Англосакс Киплинг, вряд ли владевший диалектикой, но изрядно потолкавшийся среди разных народов, убеждённо считал русских самым западным из *восточных* народов. Скорее всего, так и есть: в душевной глубине у нас больше Востока, чем Запада.

Поэтому побывать на настоящем Востоке русскому очень поучительно. В континентальном Китае я была лишь раз, на знаменитой международной выставке, плюс пару раз в Гонконге, на наших отраслевых выставках.

Первое, что бросилось в глаза, – дети в *пионерской форме* (белый верх, тёмный низ) и с красными галстуками. Здесь никакой десталинизации, вернее сказать, «демаоизации» не происходило. Имеется официальная точка зрения, что у Мао было 70% правильного, а 30 – ошибочного, а вообще он – великий человек. А народу предписано жить дальше и решать текущие задачи.

Успехи – впечатляющие. В Шанхае реализована, и даже с превышением, мечта Лужкова: Сити из небоскрёбов. Небоскрёбы тут вырастают целыми рощицами.

Воздух в Шанхае тяжёлый, загрязнённый. По-моему, впрочем, не более чем в Москве, а может, слегка поболее. Дымят фабрики и фабричонки «мастерской мира». В городе не грязно, метут, вывозят мусор. Самое главное, что есть в китайцах и чего нет в нас, – это готовность и способность трудиться. Мы трудиться отвыкли, хотя воображаем себя великими тружениками и любим при случае аттестовать себя трудоголиками. Мы ориентированы на отдых, а китайцы – на труд, на заработок малой копеечки. Они себя не жалеют. «Социалки» у них фактически нет, за всё надо платить, и они зарабатывают чем могут и как могут. Работать на заводе, от чего мы как народ фактически отвыкли, для них – вполне желанный и нормальный образ жизни. Оттого и результаты впечатляющие. А мы хотим, чтоб трудились условные «таджики», а драгоценные МЫ сидели по офисам «Вконтакте».

Народ, готовый работать, освоит и нано-, и всякие другие технологии. А не готовый – забудет и то, что умел поколение назад, как это произошло с нами.

Мне кажется, причина тут в том, что народом нужно руководить. Направлять его в конструктивную, производительную сторону. Указывать, подавать пример, как надо действовать, и строго разъяснять, как не надо.

В Китае так и делают, сколь я понимаю. В Пекине у нас в гостинице был подключён китайский канал, вещающий по-русски. Так вот там передавали, среди прочего, сериал «Морские ворота» с субтитрами по-русски. Изумительная вещь. Это просто соцреализм чистой воды. Вроде «Председателя» или, может, «Битвы в пути» – в общем, китайская «Поднятая целина». Серий там 140 с чем-то, мы посмотрели 2–3 из начала.

Сюжет такой: в уезд приезжает новый секретарь райкома. Как раз в это время партия дала установку на строительство «товарной экономики» – то, что мы называем «рыночной». Коммунисты в некоторой растерянности, но потом все втягиваются в новое дело. Секретарь Ли самолично торгует апельсинами, чтобы показать народу, что культурно торговать – вполне партийное дело. Постепенно в уезде формируется своя деловая элита: фабрикантка пуговиц из отходов пластика, владелец теплицы. Трудностей много: кто-то завидует преуспевшим и стремится их подставить и оклеветать, чиновники пытаются вымогать взятки... Но секретарь Ли неуклонно идёт вперёд по начертанному партией пути, укрепляя свою связь с массами. Насколько это художественно – мне судить трудно, но уж наверняка не менее, чем наши современные слезливо-криминальные сериалы. Разница лишь в том, что наши – расслабляют, а этот – мобилизует. Задаёт направление движения и ясно учит, «что такое хорошо и что такое плохо».

Когда-то в перестройку и у нас можно было «вытолкнуть народ в труд». Году в 87–88-м, в эпоху кооперативов. Но для этого надо было народом руководить. Пресекать возможность любого нетрудового прибытка и поощрять прибыток трудовой. Пахать землю и растить свиней надо было учить народ, а не заниматься недостойным пронырством и финансовыми спекуляциями.

Но именно в ту эпоху российская власть в лице компартии и хозяйственного руководства умыла руки и тем самым разрешила воровать и бездельничать, сопровождая это дело разнузданной болтовнёй. Так что именно Китай – это наша несостоявшаяся реализация. Но любят наши люди больше Западную Европу.

Насладившись «картинкой» западной жизни, наши путешественники начали понемногу понимать тамошних людей. И открыли, что они – другие. Ключевский рассказывает, что Александр I взял с собой Сперанского на Венский конгресс. Спросил: «Как тебе Европа?», на что тот ответил: «У них учреждения лучше, а у нас люди лучше». Лучше, конечно, смотря для чего, а другие – точно. Я постоянно наблюдаю, как в Европе любовь к тебе окружающих возрастает с уровнем отеля, в котором ты останавливаешься. Если отель пятизвёздочный – то и говорить нечего: отменной души человек. Стоит тебе брякнуть что-нибудь на местном языке, как все шумно восхищаются твоим умом и произношением. А вот если у тебя дела не ахти, то и отношение соответствующее.

Мы всё-таки пока видим перед собой человека, а не функцию. Помню, наш ирландский поставщик изумлённо благодарил меня за то, что я продолжаю с ним дружить, несмотря на то, что он, попав под колесо кризиса, фактически потерял свой бизнес. А мне и в голову не приходило как-то изменить своё к нему отношение: ну не повезло человеку, сегодня тебе не повезло, а завтра мне, чего уж...

Мы гораздо свободнее западных людей и были всегда свободнее (*точнее – расхлябаннее!*), потому нам и требуются внешние ограничения. А у европейца они – внутри. Он не говорит – он *думает*, как велено от начальства.

Придёт ли время, когда мы заинтересуемся родной страной? Думаю, это дело следующего поколения. Пока все нацелены на заграницу. Моя тульская приятельница, надомная учительница английского, рассказывала: *её ученица объехала со своими буржуазными родителями многие страны, но ни разу не была... в Москве*. Прямо из Тулы в аэропорт – и в Европы.

Нужно ли *возрождать* (как у нас принято говорить по любому поводу) и развивать внутренний туризм? Нужно-то нужно, но дело это колоссальной трудности. По причинам климата, огромных расстояний, неумения обслуживать ни за какие деньги люди будут предпочитать Турцию, Египет, Болгарию.

Конечно, нужно больше экскурсий по России. Начинать – с детей. Моя дочка целый год вспоминает, как она с воскресной школой ездила в монастырь в Павловском Посаде. Вот так просто: сели в электричку и поехали.

Это ведь совсем не трудно. Стоит только захотеть.

Татьяна ВОЕВОДИНА

СУДЬБА

Корчак незабвенный...

6 августа 1942 года врач, педагог, писатель Януш Корчак, глава и наставник детей в варшавском «Доме сирот», был под дулами фашистских автоматов выгнан на улицу вместе с двумя сотнями своих воспитанников. Дальше колонну детей конвоировали на вокзал. И все знали – их ведут на смерть.

По дороге Корчаку шепнули: «Вы можете остаться». Это значило – спасти свою жизнь. Но оставить своих детей, тех, кто верил ему безоговорочно и всегда, Корчак отказался.

Колонну погрузили в поезд и отправили в концлагерь, где дымила труба крематория. Так закончилась жизнь человека, служившего детям во всём и всем – и своими докторскими знаниями, и своей педагогикой, и своими книгами.

Закончилась жизнь, но вовсе не закончилась судьба. Его книги издаются и переводятся, его учительские заветы живы во всемирной педагогике, а его гибель, ставшая высоким примером непредательства и защиты детства – самой прямой, самой буквальной, – служит образцом не только учительской, но и просто человеческой чести.

Из книг Корчака дети лучше всего знают сказочные повести о короле Матиуше, а взрослые – родители и учителя – труд под названием «Как любить ребёнка». Однако в его сочинениях есть одна удивительная вещь, предназначенная сразу и для детей, и для взрослых. Книжка эта называется «Правила жизни». Она действительно объясняет человеку – небольшому и взрослому – как же жить правильно? Как жить, по возможности избегая глупостей, выбирая краткий путь между двумя точками в порой непроходимом житейском лесу.

Согласитесь, ответы на такие вопросы мы часто ищем, путаясь и петляя, тратим силы и разум там, где можно было бы обойтись умным советом любящего тебя человека, который и сам немало набил шишек и синяков в поиске правильного пути. В поиске «правил жизни».

Но вот оказывается, есть книжка – пусть и не забытая, но как-то отошедшая в тень, – которая может быть и должна стать надёжным компасом и верным советом не только для начинающего жизнь, но и для вполне взрослого человека. А для начинающего жить – безусловно и в первую очередь.

Российский детский фонд и Международная ассоциация детских фондов, по заказу которых эта книга впервые выходит на русском языке отдельным изданием, очень верят, что она окажется не только достойной данью памяти подвигу Януша Корчака, но что книга, написанная и изданная в 30-х годах XX века, станет реальной и практической помощью тем, кто начинает жить в начале века XXI.

Полагаю, что о таком и мечтал великий гуманист мира Януш Корчак.

Альберт ЛИХАНОВ,
председатель Российского детского фонда

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Правила дорожного стояния

Прошёл уже почти месяц жизни по новым правилам: с 1 июля штраф за неправильную парковку повышен в Москве с 300 до 3 тысяч рублей. Однако внешний вид московских улиц пока что изменился несильно. «Стояли и стоять будем». Десятков тысяч оштрафованных тоже не видно. Новая мера пока, скорее, пропагандируется, чем применяется. Однако мягкий период не может длиться годами – рано или поздно система должна заработать.

Однако, прежде чем задаться вопросом «как это будет сделано», напомним себе о более фундаментальном «почему». Новые штрафы – это не каприз московских властей, не показуха, не способ немного пополнить бюджет. Это суровая необходимость. Как и то, что с 2013 года стоянка внутри Бульварного кольца станет платной (планируется, что сумма составит 50 рублей в час). Альтернатив этому не знает ни Восток, ни Запад. Право на бесплатную парковку в центре города исчезло в мегаполисах США ещё в 30-х годах прошлого века, в Европе – в 60-х, в крупных городах Азии – в 80-х. Точнее, альтернатива этому есть, но она точно не понравится москвичам. Транспортный коллапс. Мало того, что вся свободная территория станет паркингом, город встанет в одной большой пробке, по сравнению с которой нынешние «стояния» покажутся детской забавой.

Не будем вдаваться в долгие расчёты. Возьмём лишь одну цифру. Сейчас в центре Москвы специальных парковок до смешного мало, паркуются естественным образом – по обеим сторонам проезжей части. Так вот, если не парковаться на газонах, тротуарах и в песочницах, то парковочных мест в ЦАО около 100 тысяч. А каждое утро в ЦАО направляется примерно 250 тысяч автомобилей. Где они размещаются – каждый москвич может выйти и полюбоваться. И это не предел. Пока число этих машин, каждое утро идущих в бой за своё место под солнцем, увеличивается. Такими темпами мы получим картину, когда в центр города направится и 300, и 400, и 500 тысяч машин. И дорога на работу в один конец будет занимать и час, и два, и три. Дополнительные парковки построить хоть и сложно, но можно, а вот дополнительным улицам взяться неоткуда. А это коллапс в самой близкой перспективе.

Единственный путь – число приезжающих в центр города машин должно быть лимитировано. В противном случае несколько сот тысяч железных коробок парализуют жизнь нескольких миллионов человек. Уже сейчас многие автовладельцы с окраин в дневное время предпочитают добираться в центр на метро – так им быстрее и комфортнее. Но есть люди, готовые заплатить миллион рублей за новенькое авто ради того, чтобы вместо часа дороги на метро тратить два-три часа в пробках. Ради этого даже берут кредит: чтобы добавить себе лишний часик-другой на дорогу. Внутренний мир таких людей неведом (можно лишь предположить, что там внутри очень много тщеславия и стереотипов). Но вот следствия налицо: передвигаться почти невозможно. Ситуацию спасёт только общественный транспорт. Точнее, общественный транспорт плюс мотивация на нём ехать. И вот эти новые штрафы – элемент системы мотивации. Как и платные парковки с 1 января. Раз уж текущие пробки такую мотивацию пока не создали.

Муниципальный депутат Максим Кац сделал в своём блоге вывод, парадоксальный только на первый взгляд: «Первые, кто выиграет от платности парковок, будут автомобилисты». Логика проста: «Для них, если установить нормальную ценовую политику, исключить бесплатные места и чётко брать штрафы, будет точно понятно – или ты платишь определённую сумму и ездишь по городу без адских пробок, или ты едешь на метро. Те ~60% автомобилистов, которые решат платить, будут ездить намного быстрее. Те 40%, которые пересядут на общественный транспорт, создадут запрос на нормальный транспорт».

И надо, добавляет Максим Кац, чтобы «из головы у людей вышла формула того, что ездить по городу свободно и парковать свою машину бесплатно в любом месте – это неотъемлемое право, а все эти знаки и запреты ерунда».

Это философия, но чтобы её изменить, нужна технология. Пока штрафы как бы есть, но их как бы и нет. Рулетка с государством, причём полиция как бы ставит сугубо на «зеро», проиграть в неё нарушителю пока что можно, но сложно.

Не так обстоит дело в других странах. Вот что пишет блогер Илья Варламов: «Самое главное, чтобы наказание было неотвратимым. Иначе вся идея с платной парковкой и нормальным общественным транспортом провалится. Я помню, как приехал первый раз в Лос-Анджелес, взял напрокат машину и поехал к своей гостинице. Парковки там не было, зато была совершенно пустая обочина. Я решил поставить машину на 10 минут, чтобы заселиться и уже потом поехать искать паркинг. Не успел я вытащить чемодан, как под дворником появилась квитанция на 70 долларов штрафа за неправильную парковку. Второй раз я получил штраф в 50 долларов уже через час – за то, что простоял на платной парковке на 10 минут дольше оплаченного времени. Всю оставшуюся неделю я крайне внимательно относился к парковке».

Остаётся добавить, что уровень автомобилизации в США повыше, чем у нас, а вот проблем, с ним связанных, сильно меньше. И не надо искать особого «евразийского» пути – есть путь, который уже проверен.

Дмитрий ШЕСТАК

Анна КУЗНЕЦОВА

Сама с собой

Отрывки из повести

Георгий АХАДОВ

«ЛГ» присоединяется к поздравлениям с юбилеем и желает своему давнему автору Анне Адольфовне Кузнецовой здоровья, новых книг и статей.

Всё время хочется разбросать, позабыть накопившееся. Стряхнуть, начать заново. Но возраст держит цепко в паутине привычек, характера, самой себя, с чем справляется труднее всего. Привычки плетут паутину, и ты, как беспомощный паучок, уже не можешь из них выпутаться. Они налипают ракушками на быстроходный крейсер, движение становится медленнее.

Ну разве не надоела старая щербатая красная кружка, из которой ты каждое утро пьёшь кофе? Вот она разбилась наконец, так ведь ты ищешь по магазинам такую же или в худшем случае похожую. Перемены приживаются с трудом.

Как в раннем арзамасском детстве, бабушка приучила к яичку по утрам... Его надо было найти на большом дворе, а бестолковые куры норовили выбирать места, чтобы нестись, самые неудобные, к примеру, на чердаке сарая, где балки были прогнившие, и мне туда залезать не разрешалось. Но без этого рискованного путешествия я могла бы остаться без привычного завтрака. Так и остался этот до унылости одинаковый, но и привычный завтрак на всю жизнь.

Я и в Москву, когда переезжала уже из Горького, Нижнего Новгорода, привезла с собой осколки прошлой арзамасской жизни: шкаф и зеркало из детской, дедушкин письменный стол орехового дерева с пузатыми тумбами-ножками, резной, огромный. Нет, за ним не работаю, лишь изредка с трепетом присаживаюсь, мне ведь смалу не разрешали к нему подходить, ничего нельзя на нём было трогать, священное место. Так это ощущение и осталось. Пишу, сутулясь, за журнальным столиком.

И в одном и том же зеркале, а ему уже больше ста, оно и меня старше, я видела себя крохотной голышкой и маленькой школьницей с отросшими и завёрнутыми вокруг ушей в баранки по моде тех лет косичками, и счастливой юной красоткой, хмельной от общего счастья Победы, поступившей, как и мечталось, учиться в Горьковский университет, на филологический факультет.

Я ль на свете всех милее, всех пригожей и умнее? – что было у зеркала спрашивать, у бабушки сомнений не было, конечно, – её Анечка. Значит, и я думала так же.

Мне кажется, многие годы моей жизни были слишком стремительны. Надо было бежать, успевать вкалывать без передышек на сон и обед, переезжать из города в город, менять мужей, работу, рожать, опять бежать, отвоёвывать место под солнцем, с неба задаром ничего не падало. Так и бегу, как привыкла, для окружающих, может, кажется, ползу. «Наш паровоз, вперёд лети, в коммуне остановка» – я и росла под этот зов. Впереди теперь – последняя остановка, ну, может, ещё будет предпоследняя, а название последней – известно какое.

Впрочем, это нам кажется, что беготня происходит по собственной воле и выбору. Теперь-то перед концом особенно понимаешь, как всё за нас промыслено. И что бы ты в своей жизни делала без своих ангелов?! Они и предупреждают об опасности, и сберегают, и помогают делать выбор. Они всегда с тобой, ты их только не видишь. С ними надо считаться, их надо слушаться, их нельзя прогневить.

А в зеркале, хоть и стараюсь в него не смотреться, теперь вижу седые волосы, какое-то опять новое лицо, изборождённое морщинами – только ли мудрости? Другую, не мою фигуру – где там былая статуэтка? Пришла бы в отчаяние, спасает любопытство. Вот новая бородавка появилась. Оказывается, называется гречневая крупа старости. И тело, даже размер ноги увеличиваются, им надо вместить всё прожитое, как изображению Будды: чем больше живот, тем шире душа, так считают в Азии.

* * *

Моя болгарская студия очень вовремя, очень милосердно появилась, хотя бы как возможность уехать на лето из Москвы, чтобы пропустить 31 июля – мой день рождения, чтобы избежать очередного упоминания о возрасте, вежливых по случаю телефонных звонков, опустевшего застолья.

С самого моего рождения это был большой семейный праздник. Тётка Зина, папина сестра, тихое, скромнейшее, всегда незаметное существо, тоже врач по семейной традиции, которую я нарушила (я с ней умудрилась родиться в один день), говорила, что про её день рождения вспомнили только после моего появления на свет.

В любые времена: немецкие бомбёжки... зловещая информация из чёрной тарелки радио – от Совинформбюро... сдан город Курск... Белгород... Харьков... уничтожены... военный ли или послевоенный голод, от папы с мамой нет вестей с фронта... – бабушка всё равно собирала праздничный стол. Как она умудрялась? Всегда в разгар торжества появлялся её знаменитый торт «Наполеон», вкуснее которого я не ела ничего на свете, а дедушка зажигал свечи, пять – восемь – десять – двенадцать... до восемнадцати, которые он, провинциальный зубной врач, отставив свои дела, мастерил сам, да ещё подсвечники к ним... Первый тост бабушкиной же наливки – за Анечку, за её здоровье, успехи, долгие счастливые годы жизни... Если мне что и досталось, так, видно, от любви и искренности тех пожеланий. Второй тост – за Зину.

В войну за стол садилось больше всего народу, дом был полон беженцев, теперь, слава богу, молодые и слова-то этого не знают, а тогда их было много в Арзамасе, близких и дальних родственников, знакомых и незнакомых, бежавших от войны, потерявших кров и семьи, голодных. Бабушка всех кормила, спасала. Главные уроки доброты, помощи людям у меня от неё и навсегда.

Помоги, если можешь помочь... Постарайся помочь. Лучше отдавать, чем брать, счастливее... За всё придётся расплачиваться... – её уроки. Долго я старалась и с празднованием дня рождения сохранять бабушкину традицию. Последней, мною замеченной цифрой было 77. Но на самом же деле красивое число! Библейское. Магическое. А в молодости был ещё портвейн, в названии которого было три семёрки, 777! Почему-то юбилеи празднуют в 70, 75, 80, 77-то гораздо красивее. Накануне расцвела герань на балконе!

Во всём остальном это был грустный день. Не приехали подруги. Верка: полтора часа тащиться, ради чего?! Не удержалась, проиронизировала: ты, конечно, как всегда, будешь отмечать факт своего появления на свет! Потом после подарила мне паркеровскую ручку с открыточкой; неугомонному перу от уставшего... До следующего 31 июля она уже не дожила. Не пришла Света, почти не выходит из дома, а если выходит, то с записочкой в кармане, кто она и где её дом, альцгеймер крепчает; Галю облучают, онкология, ей не до меня... Дети не смогли: у внучки – новорождённый Арсений, у правнучки – приёмные экзамены в институт, тоже на филфак. Слава богу! Поступила, учится. От арзамасской семьи осталась одна Софа, двоюродная сестра, которая тоже редко теперь приезжает из Балашихи в Москву, хоть и моложе меня, но с места трогаться стало трудно. Болят ноги. Плохо слышит. Спасибо, в тот день приехала. Чтобы, как всегда, вспомнить про Арзамас, свою маму Зину, мою тётку. Про бабушкин знаменитый торт «Наполеон»... У кузнецовской сестры Лильки, которая была второй гостьей в тот вечер, всегда один и тот же набор семейных историй в арсенале, одна из них, как она принесла из школы домой горшок с цветком и надписала «хрен выращивает ученица 5-го «Б» класса Клементьева Валерия». Или ещё одну вечную историю про то, как они со сводным братом кисель из общей тарелки ели, он проводил посередине разделительную линию, она не торопилась, доверяя ему, а весь кисель доставался понятно кому.

Теперь она – старушка, говорит, рассказывает, как ей скучно стало без работы. Все её новые рассказы – о коте Фофане, скрашивающем её одиночество, чего он ел, как привык гулять на подоконнике, какой он умный... От достаточно многочисленных моих прежних ещё по Горьковскому театральному училищу учеников, разбросанных по всей стране, зашла Лариса Сырова, ещё одно одиночество. Училась в мою бытность в училище на артистку, на режиссёра, но на всю жизнь осталась портнихой, ибо в этом оказался у неё талант от Бога. Тоже вспоминала про свою молодость, давно оставленный Горький, своё студенчество. Про сегодняшние дни рассказывать было нечего. Курила непрерывно, заменяя одну сигарету другой. Так и стоял обильно накрытый праздничный стол с множеством салатов, со студнем и пирогами почти нетронутым. Не пришёл даже Калантаров, режиссёр из оставшихся в живых от моего поколения, который любил мои застолья, но недавно обиделся на меня за то, что я не считаю его талантливым... Ну зачем, спрашивается, обидела человека? Кто за язык тянул?

А уж самых близких, самых дорогих, которым положено было здесь быть, но которые уже ни прийти, ни даже позвонить не смогут по самой что ни на есть уважительной причине, теперь слишком много.

Когда же на 77 ушли мои немногочисленные и не слишком весёлые гости, когда я вымыла посуду и с трудом растолкала оставшиеся угощения по холодильнику, разразилась гроза с грохотом и молниями, с мятущимися за окнами ветками деревьев. Мне всегда тревожно и страшно в такую погоду. Сейчас тоже было страшно, но пожаловаться и искать защиту всё равно не у кого. Значит, пусть будет нестрашно...

Зато я приняла решение – никогда больше 31 июля не собирать гостей, не испытывать больше своё одиночество, не вызывать призраки прошлого...

* * *

Что проку считать мужей... Помнить даты. Вспоминать, как мучались мы с Кузнецовым изменами, ревностью, скандалами. Ещё в Горьком, до Москвы, он – всеобщий кумир, модный телевизионный комментатор. Состязались в успехах, в романах, в удали. Друг другу не уступали. Хрупкий институт семьи трещал по швам, он был не приспособлен к такому единоборству.

На самом деле: как всё меняется с возрастом. То, от чего ты рыдала, страдала, теряла здоровье, наверное, годы жизни, теперь кажется такими пустяками. Тебя исключают из комсомола «за моральное разложение», потому что из-за тебя бросает жену с ребёнком Кузнецов. Ты тоже уходишь от самого первого, раннего мужа. Кузнецов тебе изменяет. Ты ему изменяешь. Какая чепуха! В заботах, житейских трудностях вы устаёте друг от друга. Ну и что? Исчиков на курсе – красотка! Наш роман начался с общей подготовки к экзаменам по античной литературе, а поскольку он был и тогда уже образованнее меня, и память у него была лучше, я по ночам читала учебник вперёд, чтобы не осрамиться. Роман оказался на всю жизнь. И не стало его со мной не тогда, когда мы оба плакали после посещения Тушинского ЗАГСа, держа в руках бумажку о нашем разводе, а когда его на самом деле не стало.

Когда-то мы с ним в наши первые московские годы, ещё семейные, общие, оказались на вечере Игоря Кваши в старом Доме актёра на улице Горького. Заметили, как, читая раннего Маяковского, нами обоими очень любимого, он всё время обращается куда-то в третий ряд, и в антракте увидели, как с этого места поднялась и, опираясь рукой на красивого седого Василия Катаняна, вышла грузная, обтянутая ярко-зелёным трикотажем (он был тогда в моде) и очень ярко-рыжая, волосков на просвечивающей головке было немного, а чуть ниже густо нарисованные чёрные брови, кровавые губы, морщинистое лицо. Такой свежевыкрашенный старый потрескавшийся почтовый ящик. Лиля Брик! Главная любовь, опустошающая страсть, на все времена – тайна, загадка великой подчинившей всю его жизнь привязанности Гения. «Нет, не может, не имеет права Муза Поэта превратиться в такое чудовище», – подумала я тогда.

А Кузнецов так и не простил ей отношения к любимцу – поэту. Был запальчив и необъективен в её адрес. Даже помог написать своему приятелю Валентину Скорятину книжку, изданную на основе редких архивных данных, которые тот собирал всю жизнь, чуть ли не обвиняя Лилю Брик в том, что она – главная причина смерти Маяковского. Так и стоит эта книжка на видном месте за стеклом в моём книжном шкафу, раскрытая на титульным листе с надписью «Любимой!». Так что когда мы формально расставались и когда я его в открытую отдавала другой, другим, наверное, хотя тогда я это вряд ли понимала, мной двигал инстинкт сохранения нашей любви и самой себя. А потом на дальнейшие годы нам и их досталось немало – тридцать, когда мы встречались, я всегда старалась не обмануть его любви, выглядеть, казаться такой, чтобы он не испытывал разочарований. Хочу уверить мучительно боящихся старости моих сверстниц, да и вообще всех дам независимо от возраста, что для этого есть множество средств за пределами пластических операций, прежде всего, если хотите, внутренней красоты. Хоть это и выглядит самонадеянно, но, думаю, мне удалось для него быть той, которую он любил. А может, потому, что он не видел меня неприбранную по утрам или усталую, издёрганную, стареющую ежедневно, он жил в своей иллюзии и мог подписывать мне стихи – «Любимой!». Не специально, но я берегла легенду, – издали это было легче. «Жёсткая ты стала», – сказал он, когда я в очередной раз не поддержала его идею вернуться домой от следующей жены. Осталась в завет его нежность.

Популярный телеведущий, любимец города, хорошо известный в столице как один из создателей КВН, как автор телевизионных пьес и сценариев Всесоюзного вещания, он был опасным конкурентом для тогдашних модных ВИДовцев. «Ты проломила мне жизнь», – сказал он мне в Москве. И с большим трудом после долгих поисков обрёл на всю оставшуюся жизнь тихую гавань в журнале «Журналист». «Я всегда буду тебя любить, только жить с тобой не могу» – он принял моё объяснение. Навсегда до последней минуты своей земной жизни мучаюсь, буду мучаться своей виной и перед Кузнецовым, и перед Богом, что не сумела сберечь его, вырастить, помочь реализовать его талант. Мне Бог дал во-о! (он разбрасывал большие красивые руки, показывал), и я всё профукал, пустил по ветру... Так и было: пил, гулял, жадно искал впечатлений, бесконечно самоутверждался в разном, в заработках, в приключениях, в бабах – это в молодости, а потом уже только работал, зарабатывал, обожал свою собаку Наночку, писал только для себя дневники, стихи, пил сам с собой, один...

* * *

День ото дня пространство вокруг становится всё безлюднее, жизненные сюжеты короче. Нет, мои родные, близкие все рядом, все во мне, только не позвонят и за стол не сядут. Но я верю – помогают. Бога гневить, жаловаться на судьбу мне не за что.

Это было точно и, наверное, неслучайно; на рубеже веков XX с XXI, на рубеже тысячелетий, в Миллениум, в 2000 году. С тех пор боюсь двоек, цифры «2». Именно на это время был назначен апокалипсический прогноз. Для меня он сбылся. Я вообще верю в магию чисел.

...Случилось немыслимое: Бог забрал у меня мою единственную дочь Женю, Женечку, Жеку, Евгению Петровну. Не меня, её забрал, хотя, если бы это от меня зависело, я бы с готовностью её заменила. Она только отметила свой полувековой юбилей, умница, красавица, совсем не умела себя беречь, рассчитывать. Сначала – инфаркт, а потом – всё! Не стало.

Представить себе не могла. Даже легкомысленно сказала Риве Левите чуть раньше, так ужасно потерявшей сына Женю Дворжецкого в автомобильной катастрофе: как же ты теперь жить-то будешь? Хорошо помню её молчаливый жест, развела руки, беззвучно произнесла: «Не знаю». Оказывается, и я живу после... Отрубили половину сердца, душу вынули, положили вместе с ней в землю на Митинском кладбище. Но почему-то я ещё хожу, дышу, разговариваю... Впервые усомнилась в божьей справедливости и милости. Ну что ж?! И этот грех добавится к другим тяжким. Бог посылает столько, сколько ты можешь выдержать. «Испытывает тебя», – повторяю себе. Мне для себя теперь нечего просить. Не надо. Только для близких, для внучки, для двух правнуков. А вдруг доживу до праправнука или праправнучки?! Считается, что Бог за это все грехи прощает. Дай, Боже, моим детям силы и смысла на жизнь, спаси и сохрани их, подари то лучшее, что было у меня и что мне недодал. А мне теперь на все оставшиеся годы не умножать бы грехов, отмолить накопившиеся, успеть покаяться. Наверное, это самая трудная из всех возможных земных задач.

Пока живу, буду помнить ту зиму, морозную, снежную, суровую. А вот 22.02.2002 года, день похорон, совсем не помню. Знаю, что по кладбищу меня таскал на себе Кузнецов. Лицо дочкино помню, прекрасное, успокоившееся, отстрадавшее. Последнее.

* * *

При каких только режимах не жила... Сталин... Хрущёв... Маленков... Брежнев... Подгорный... Горбачёв... Ельцин... Путин... Медведев... Советская власть и ЦК КПСС... Перестройка... Будто бы демократия... Войны: финская... Вторая мировая... Афганистан... Чечня... Развал Советского Союза... При мне возводили Берлинскую стену после войны и при мне разрушали её. Среди многих сувениров, привезённых из путешествий по разным странам мира, есть у меня кусочек этой стены, доставшийся из теперь уже единой воссоединённой Германии.

Во многих странах была. Да почти во всём мире. Разве что до Австралии и Антарктиды не долетела. Теперь уж не успею. И уж точно поняла: хорошо там, где нас нет. И при любых режимах, странах, правителях каждому из нас положено пройти через неизбежное и последнее – старость. А это труднее, чем любые социальные катаклизмы. Да и привыкла рассчитывать только на себя, не на государство. Многое видела я в жизни за восемьдесят своих лет. Через многое прошла. Во многом принимала участие. Удалась ли жизнь? – вот уж не знаю. Это только в молодости кажется, что ты знаешь на всё ответы. С годами сомнений всё больше. Опыт, знания умножают лишь печаль. Ясности и мудрости не всегда способствуют. Все живут по-разному. У одних цель, чтобы просто выжить, у других – накопить побольше денег, превратить ещё в большее количество денег, разбогатеть... Я, дура, работаю... ради работы.

Это было и необходимостью, а потом и защитой и спасением. Наверное, своего рода вид ограниченности. Но у послевоенного поколения, у сталинских пионеров это в крови. Работать не для денег, а... чтобы снова работать, чтобы тебе опять дали работу... И чувствовать себя счастливой от удовлетворения работой. Теперь-то я отчётливо понимаю, какой я ограниченный человек.

Многое не сумела, не успела я в жизни. Вот семьи, одной и навсегда, не сумела создать. Дочке своей, внучке и правнукам недодала заботы, внимания, сердца. Семью, как была у бабушки, с большим обеденным столом и множеством детей, с одним, как и полагается отцом семейства, я так и не сумела устроить, то ли не очень хотела, то ли ангелы мои недоглядели, а скорее всего, время мне такое досталось, если и для карьеры, то уж не для семьи – точно.

Как сумела распорядиться собственной жизнью в ох каких непростых обстоятельствах, мне доставшихся... Как прошла свою дорогу в Вечность, в рай или в ад, – один Бог знает. Я-то сужу себя строго и знаю, куда мне заказан путь. На оставшихся рубежах, кто знает, сколько мне осталось жизни на земле, в любом случае – меньше, чем прожито, чаще, чем прежде, думается об итогах, о достигнутом и несвершившемся. О том, что остаётся от человека к старости, к уходу.

Хочешь не хочешь идёт к концу жизнь. Моя. Одна из многих. А когда Бог призовёт меня, только одно смогу ему сказать: «Я старалась!»

* Полностью повесть публикуется в журнале «Нева» и в нижегородском альманахе «Земляки».

Се ля ви — большая и разная

Объём нашей исторической и культурной памяти стремительно сокращается. Много факторов способствует этому. Перечислять их нет смысла. Часто в таком перечислении есть привкус самооправдания: дескать, мы бы и рады не забывать «этапы большого пути», но поток информации захлёстывает, вторая волна экономического кризиса катит, по телику сериал крутой. Вот досмотрим — и вспомним всё. Это вряд ли, как говорил товарищ Сухов!

Всего два года, как нет с нами Владимира Васильевича Карпова. А такое иногда впечатление, что жил он веке в XIX. Но ведь только вчера зачитывались мы его книгами — по-своему беспримерными с точки зрения жанра и неповторимого ракурса подачи материала. Вроде не художественные, но и не вполне документальные. Сам автор называл изобретённый им способ письма «литературной мозаикой». Свою последнюю книгу — об ушедшем из времени, но не из истории XX веке — Карпов назвал «Большая жизнь». Многие ли помнят, что так назывался художественный фильм режиссёра Леонида Лукова, лидер проката предвоенного 1940 года, снятый по сценарию Павла Нилина? С Андреевым, Алейниковым и Бернесом в главных ролях, с песней «Спят курганы тёмные»... Карпов наверняка помнил и применил приём так называемого опосредованного узнавания.

Фильм этот уродовали редакторы в зависимости от «генеральной линии», вырезая портреты опальных вождей и выкидывая слова из песен. Карпов, напротив, хотел восстановить все ранее заретушированные «кадры» своей судьбы. Тысяча страниц действительно уникальной в деталях и во многом типичной биографии советского человека. В интервью 87-летний писатель говорил так: «В «Большой жизни» написано всё откровенно, даже о том, что меня не украшает, но, как говорят, что было, то было... Надеюсь, что читатель не пожалеет, прочитав её». Не пожалел!

Владимир Карпов родился в Оренбурге в самой обычной семье. Отец — экономист, мать — бухгалтер. Был довольно хулиганистым подростком, даже судимость получил. Учился в Ташкентском пехотном училище, стал чемпионом Узбекистана и республик Средней Азии по боксу в среднем весе. Великую Отечественную начал с ноября 1942 года. Командир взвода пешей разведки штрафной роты. Да, в биографии Карпова была не только полудетская судимость, но и взрослый Тавдинлаг. Но антисоветчиком и диссидентом он не стал. Зато 22-летним мальчишкой стал Героем Советского Союза вопреки всем перипетиям. Совершил десятки вылазок в тыл врага. Лично привёл 45 «языков», участвовал в захвате ещё по крайней мере 24. Нёс знамя в колонне разведчиков на Параде Победы. После Академии имени М.В. Фрунзе работал в Генштабе. Командовал полком. И буквально на пике военной карьеры поступил в Литературный институт. Учился у Константина Паустовского. Его семинары посещали Юрий Бондарев, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Семён Шуртаков. А реабилитировали Карпова только в 56-м.

Ещё мальчишкой он писал стихи. Публиковаться начал в 1945-м. Но плотно за письменный стол сел только в 1965 году. В отставку Карпов ушёл полковником. А вот литературную карьеру его можно назвать генеральской. Возглавлял «Новый мир». С 1986 по 1991 год был первым секретарём правления Союза писателей СССР. Награждён целым иконостасом орденов и медалей, получил множество литературных премий.

Его книги расходились огромными тиражами. И это никакими должностями не объяснишь. Мало ли было литчиновников, от которых не осталось ни слова! Над трилогией о Жукове Владимир Васильевич работал до конца дней: «Маршал Жуков: его соратники и противники в дни войны и мира», «Жуков на фронтах Великой войны», «Маршал Жуков. Опала». Искал и находил документы и материалы, перечитал всё о Второй мировой, встречался с сослуживцами Георгия Константиновича. Карпов показал Жукова неординарным, ярким, противоречивым и удивительно живым. Первым опубликовал писатель набросок плана от 15.05.1941 г., имеющего высший гриф секретности. Начальник Генерального штаба РККА Г.К. Жуков планировал нанесение упреждающего удара по Германии (план первой стратегической операции).

Писал Карпов и о других военачальниках — Хрулёве, Баграмяне, Черняховском. Но именно Жуков и Сталин — его главные герои. В одном они — антиподы, в другом — чуть ли не двойники. И оба — выдающиеся люди своей эпохи. В 2002 году была опубликована карповская версия биографии И.В. Сталина «Генералиссимус», ставшая настоящим народным бестселлером.

Лучше всего Карпов знал жизнь и быт военных. И посвятил их подвигу, событиям Второй мировой войны почти все книги. Но на склоне лет словно отдал долг учителю — неисправимому романтику Паустовскому — и написал лирическую прозу — сборник «Се ля ви... Такова жизнь» (2007). Заметим: ключевое слово — снова «жизнь». Неудивительно для человека, десятки раз смотревшего в глаза смерти! И, хотя ещё писалась «Большая жизнь», сам писатель уже назвал эту книгу «лебединой песней»: «Война войной, а природа вершила свои вечные добрые дела: апрель 1945 года был такой же, как до войны, как десять и сто лет назад — тёплый влажный ветерок разносил йодистый запах прибрежных водорослей. Балтийское море после зимних бурь успокоилось и с лёгким шуршанием выплёскивало на песчаные пляжи кружевные языки изумрудной воды прибоя. На востоке по утрам разгорались яркие алые зори, оттуда вместе с нашими войсками шла на запад Победа».

Владимир Карпов одержал победу и над врагом, и над собой. А вот мы победим ли наступающее по всем фронтам беспамятство?

Владислав ЖЕМАЙКО

LONDON 2012

На склонах Олимпа

Администрация «Клуба 12 стульев» прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что «Литературная газета» является литературным органом. Однако мы знаем, что среди писателей есть миллионы спортивных болельщиков. Увлекаются спортом и отдельные ряды читателей. Поэтому никого не удивит тот факт, что во время Олимпийских игр в Лондоне «Клуб 12 стульев» решил посвятить всего себя без остатка большому спорту.

Пир спорта

Мы ведём наш репортаж из олимпийского Лондона! Практически вся спортивная семья уже здесь. А некоторые спортсмены даже смогли не только отключиться, но и отличиться.

Так, два наших мастера спортивной ходьбы, тренируясь на улицах английской столицы, совершили благородный поступок, переведя через дорогу дряхлую старушку. Старушкой неожиданно оказалась королева Елизавета Вторая, которая была настолько тронута этим актом доброй воли, что тут же вручила ходокам орден Подвязки. Так у спортсменов появились в Лондоне свои подвязки.

Провели открытую тренировку наши баскетболисты. Особенно был заметен Андрей Кириленко, который пятнадцать раз подряд поразил корзину из-за шестиметровой линии. В итоге у пятнадцати торговок зеленью были перевёрнуты корзины и испорчен товар.

Буквально вчера в олимпийском плавательном бассейне была пресечена преступная деятельность группы сомалийских пиратов, которые во время тренировки захватили в плен двух американских пловчих и требовали за каждую по пять золотых медалей.

Интересный случай произошёл во время тренировки стрелков из Брунея. Лидер их команды Мишель Беломор умудрилась так поразить мишень, что та не выдержала, ожила и возмущённо спросила: «Ну хоть раз ты в меня попадёшь?!»

А на тренировке наших тяжелоатлетов появился страшного вида амбал, который с ходу потребовал от спортсменов откат за каждое выполненное упражнение. Спортсмены согласились. В результате первого же отката штанги амбалу отдавило обе ноги, и он откатил в машине «скорой помощи».

Поразили специалистов в олимпийском бассейне и китайские прыгуны с трамплина. В одном из тренировочных прыжков они так чисто вошли в воду, что вода превратилась в питьевую.

Любопытный случай произошёл с нашей прыгуньей Исинбаевой. Распаковав свой шест, Елена несколько раз с подобающей ей грациозностью обошла его, протёрла, обработала присыпкой, чем привлекла к себе несколько десятков английских мужчин, которые, попивая пиво, наблюдали за действиями спортсменки у шеста и периодически совали ей фунты в спортивную форму.

И ещё: в Англии не принято волочиться за каждой юбкой. Это чревато непредсказуемыми последствиями. Вот свежий пример. Двое приезжих олимпийцев не вняли этому и получили от группы шотландцев, прогуливающихся в килтах, по первое число.

Ну а мы ждём новых стартов, рекордов и жареных фактов.

Приколы Древней Греции

Что представляет собой олимпийская деревня? Ну деревня как деревня. Здесь стоят многоэтажные избы, кирпичный тын, за ним, естественно, завалинка. На ней после усиленных тренировок собираются олимпийцы. Собравшись в кружок, они начинают травить байки, многие из которых посвящены родине олимпийского огня – Древней Греции. Когда вспоминают о подвигах Геракла, то переходят с прозы на стихи – чтобы воспеть героя. Тут кто-либо из парней обязательно берёт в руки кифару и аккомпанирует рассказчику.

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ

Геракл (иначе – Геркулес)
Пошёл однажды в тёмный лес
У города Немея,
От робости немея.

Он был в то время дебютант
На поприще героя,
А в том лесу жил лев-мутант
Злодейского покроя.

Геракл вполне бы мог пропасть,
Но льву сумел порвать он пасть,
С тех пор служа примером
Всем прочим браконьерам.

Удрав от местных егерей,
Геракл сорвался с якорей,
В своё поверив свойство
Шутя вершить геройство.

ЛЕРНЕЙСКАЯ ГИДРА

Про древних греков говорят,
Что как душою воспарят,
То посещали Гидру,
Чтобы купить пол-литру.

Про Гидру знала вся страна,
Что самогонщица она,
Что водкою палёной
Торгует Змий Зелёный.

Геракл попробовал товар
И, сморщившись брезгливо,
Башку змеюке оторвал,
Что было справедливо.

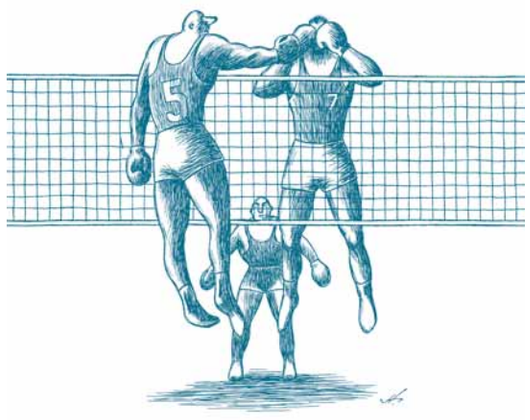
За то наказан был дракон,
Что нарушал сухой закон.
И, что совсем уж плохо,
Держал народ за лоха.

Гераклу тут хвала и честь,
И подвиг следует зачесть
За выступленье в роли
Народного контроля.

Интервью со звездой

В этом году в программу Олимпийских игр впервые включён женский бокс. По слухам, нашу страну в этом виде будет представлять тяжеловес Алевтина Шерстюк.

Мы встретились с Алевтиной в спортивном зале, где она околачивала грушу. Боксёрки на шпильках, обтягивающие минитрусики, насквозь пропитанная потом майка от Версаче, отороченные мехом горностая замшевые боксёрские перчатки... Внешне она ничем не отличается от сотен женщин, с которыми мы ежедневно сталкиваемся на улицах. Лишь слегка сплющенный нос да, пожалуй, синяк под одним из двух глаз выдают её спортивную специализацию. Такая пройдёт мимо – и не заметишь. Но стоит с ней столкнуться...



– Алевтина, с чего началось ваше увлечение боксом?

– В детстве я часто наблюдала, как мамка, простая скрипачка, поколачивала папку, известного шпалоукладчика. Глядя на неё, мне хотелось вырасти такой же ловкой и сильной. Тогда я записалась в секцию бокса при фитнес-клубе.

– Помните ли вы свой первый бой?

– Первый я помню как в тумане, поскольку вскоре после его начала оказалась в нокауте и у меня отшибло память.

– Значит, вы и свою соперницу не помните.

– Помню. Мы потом встречались второй раз, и мне удалось взять реванш.

– Больше вы с ней не встречались?

– Нет. Она с тех пор выступает за паралимпийскую сборную.

– Приходилось ли вам встречаться на ринге с мужчинами?

– Один раз меня попросили быть спарринг-партнёром чемпиона города. Сейчас он выступает за паралимпийскую сборную.

– Как складывалась ваша личная жизнь?

– У меня был супруг, который занимался странным для мужчины делом – боксом. После развода он выступает за паралимпийскую сборную.

Больше вопросов у меня не было. Дрожащей рукой пожимаю чемпионскую перчатку Алевтины и спешу в редакцию – пора писать очерк об этом светлом жизнерадостном человеке.

РАЗГОВОРНИК

Что мы знаем об Англии? Это неплохо развитая страна, славящаяся своими туманами, дождями, традициями, чопорностью, овсянками, сэрами и пэрами. Население Англии примерно 62 262 000 человек, из которых 62 261 999 являются спортивными болельщиками.

Основной язык там английский. Поэтому в репортажах с Олимпиады в речи спортивных комментаторов поневоле будут проскальзывать всякие английские слова и даже, извините, выражения. Для облегчения восприятия репортажей нами составлен специальный разговорник.

Бармен – виртуоз миксера и шейкера.

Бекон – ветчина.

Бэкон – философ.

Виллидж – деревня. (Олимпийский виллидж – олимпийская деревня.)

Виски – горячительный напиток. Седые виски – виски многолетней выдержки.

Лорд, пэр – один хрен. Это такие почётные титулы. В палате лордов заседают старые пэры.

Саммит – крутая тусня.

Сити – город. (Помните у Пушкина: «Тятя, тятя, наши сити...)

Спикер – комментатор, болтун.

Тренер – лакомая должность для иностранных специалистов в российских сборных.

Футбол – ножной мяч. От «бол» – мяч и «фут» – нога. Полфута – нога после столкновения с защитником. (У гребцов есть выражение «Семь футов под килем». Это значит – дырявая яхта, спортсмены ногами достают дна. Они не гребут, а идут.)

Файв-о-клок – пятичасовой чай. Эквивалент нашему «пара рюмок перед ужином».

ВАЛЮТА

Несмотря на иезуитские происки Евросоюза, гордые сыны Альбиона остаются верными своей исконной валюте – фунту стерлингов. На сегодняшний день – по курсу «Клуба ДС» – 1 фунт равен 400 граммам рублей.

Английская биржевая поговорка гласит: «Почём фунт лиха?» Чаще всего она слышится при повышении цен на нефть.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Экономический кризис в Великобритании привёл к росту преступности. В частности, там развелось много спортивных шулеров, у которых в рукаве всегда находятся мячи, шесты, копья и другой краплёный инвентарь.

ОТ ДЕРЕВНИ ДО ДЕРЕВНИ

Многих интересует вопрос, как удобнее всего добираться до олимпийских спортивных объектов. Нет ничего проще. Предположим, вам нужно доехать из своей деревни во Владимирской области до олимпийской в Лондонской. Сначала вы доезжаете на автобусе (билет стоит примерно 3 фунта) до райцентра, оттуда на поезде (4 фунта) с пересадкой в облцентре до Москвы (11 фунтов). Дальше доезжаете на электричке с Белорусского вокзала до аэропорта «Шереметьево-2» (350 рублей), откуда (400 долларов) серебристый лайнер доставит вас в аэропорт Хитроу. Оттуда уже рукой подать (9 фунтов) до олимпийской деревни.

ГРЕБНОЙ СПОРТ

В соревнованиях байдарок-двоек нашу команду будет представлять экипаж из города Малоземска П. Иванишин и В. Петрищев. Вместе с ними в лодке будут находиться глава городской администрации, спикер областной Думы, председатель городской федерации гребли и другие чиновники.

ЛЁГКАЯ АТЛЕТИКА

На отборочных соревнованиях по прыжкам с шестом Василий Костин взял высоту 6 метров 20 сантиметров. Однако его рекорд не был засчитан, поскольку он прыгал без шеста.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

В последнее время женщины успешно осваивают исконно мужские виды спорта – футбол, штангу, бокс. Не отстают от них и мужчины. Например, в квалификационном турнире по художественной гимнастике принял участие Василий Трофимович Перебийнос, исполнивший упражнения с лентами.

Олимпийский выпуск подготовили: **Сергей ЖБАНКОВ** (репортаж), **Владимир ВОРОНКОВ** (стихи), **Аркадий ГУРСКИЙ** (рисунки), **Владимир ВЛАДИН** (креатив) – все мастера спорта по гольфу, а также **Александр ХОРТ,** неспособный отличить гольф от Гольфстрима.

КНИЖНЫЙ РЯД

Всё движется любовью

Ироническая проза – достаточно редкий жанр, требующий не только своеобразного склада ума, а ещё и утончённого восприятия жизни. Иначе получится ли незаметно, но вместе с тем узнаваемо пошутить о самых серьёзных вещах. Например, о взаимоотношениях мужчины и женщины – о любви.

Глеб Сахаров. **«И море, и Гомер...»** – М.: Вест-Консалтинг, 2011.

Глеб Сахаров в своём новом «всемирно-историческом» романе «И море, и Гомер...» вплотную подходит к этому феномену чувства, приоткрывает дверцу в непознанный (или теперь – познанный?) мир мужчин и женщин. Но обращается меж тем к мужчине. В самом деле, не к женщине же! Адам ведь появился первым, а женщина – так, придаток.

Читатель становится невольным участником (соучастником?) романа. Причём «роман» здесь – не только форма подачи материала, а форма чувства, отношения. Между героями опубликованных в книге повести «Волосы с ореховым отливом» и самого «И моря, и Гомера...» рождаются отношения. Своеобразный *роман*. Где более глубокий, где менее... – это тоже формы отношений между мужчиной и женщиной, и, чтобы досконально их изучить (научный трактат!), нужно обратить внимание на все виды отношений – от небольшого взаимоприятного флирта до измен, ревности, а в конце концов – вечной любви. Катарсис своего рода – очищение путём страдания.

Начинается книга, впрочем, с вполне литературного (не «научного») произведения, повести «Волосы с ореховым отливом», в которой мужчина средних лет – 42 года – знакомится с девушкой-птичкой Верочкой.

Заглянув на торжество к старому институтскому товарищу Василию, Борис Андреевич удовлетворённо отмечает, что за праздничным столом дефицит особей мужеского полу, а потому – раздолье! Но его иллюзии и сладкие грёзы разбивает собственный товарищ, который вместо правильной *ориентировки* ответственно заявляет: «В присутствии Верочки ни о каких других вариантах не может быть и речи». И добавляет: «Райская птичка».

Но иллюзии рухнули лишь для того, чтобы воспрянуть вновь (если брать «птичью» аналогию – словно феникс). Неприметная девушка («ниже среднего» – так охарактеризовал её Борис Андреевич) оказалась не просто способной поддержать беседу. Буквально из ничего рождается лёгкий флирт, беседа набирает обороты, а потому неудивительно, что после «обязательных танцев» герои удаляются вдвоём.

Как нельзя кстати Борису Андреевичу представляется возможность доказать мужественность – когда он задевает представителя пьяно-дымящей компании, оккупировавшей подъезд. Следует стычка, молодой соперник повержен, Борис Андреевич смотрится перед Верочкой мужественным орлом, а вскоре выясняется, что они (с птичкой) живут на одной станции метро...

Но повесть не предваряла бы основную часть («И море, и Гомер...»), а потому авторская приписка ещё в самом начале: «Повесть... вернее, роман (несостоявшийся)» оправдывается... служебным романом Бориса Андреевича, его карьерными успехами и прочим, прочим... Да вот только «никто больше Борису Андреевичу не сказал, что если присмотреться, то волосы у него – с ореховым отливом».

С лёгкой – общечеловеческой – грустью о неслучившемся большом чувстве/романе читатель переходит к основному блюду (с «серьёзной волны» на чуть менее серьёзную – словно после прелюдии): всемирно-историческому роману «И море, и Гомер...»

Автор признаётся, что заглавие позаимствовано у Осипа Эмильевича, и замечает, попутно делая комплимент читателю, что тот-де прочёл «список кораблей» целиком, а не до середины, как О. М.

Лейтмотив этой книги очевиден: «всё движется любовью». Автор приводит свои аргументы в пользу этой простой и вечной истины.

Василий МАНУЛОВ

Книги, присланные в редакцию

Лев Ошанин. **Солнечный человек. К 100-летию со дня рождения.** – Ярославль: Издательство РМП, 2012.

Советский стиль / Ред. группа: В. Зусева, Т. Евсеева, Н. Иванова. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012.

Борис Земцов. **Зона путинской эпохи.** – М.: Алгоритм, 2012.

Александр Трапезников. **Новые истории московских улиц:** Повести и рассказы. – М.: Московская городская организация Союза писателей России, ИПО «У Никитских ворот», 2012.

В.В. Агеносов. **Избранные труды и воспоминания.** – М.: АИРО-XXI, 2012.

Межнациональные отношения без конфликтов: Справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2012.

А.В. Жарких. **Трудно выдумывать правду:** Маленькие сказки для больших детей. – М.: Грифон, 2012.

О. Мазурин. **Убить Отступника:** Альтернативно-исторический роман. – М.: Грифон, 2012.

В.И. Иванова. **Другой Юсупов. Князь Н.Б. Юсупов и его владения на рубеже XVIII–XIX столетий.** – М.: Грифон, 2012.

Л.М. Аринштейн. **Пушкин: «Когда Потёмкину в потёмках...»:** По следам «Непричёсанной биографии». – М.: Грифон, 2012.

Владимир Гундарев. **Без пяти двенадцать:** Новые стихи и переводы. – Астана, 2012.

Людмила Попова. **Тайны «Ласточкиного гнезда»:** Рассказы. – М.: Московский Парнас, 2012.

Виктор Дружинин. **Слова и рифмы:** Двустишия. – Саров: Изд-во «Альфа», 2012.

Л.Н. Лузин. **Планета Южный Урал:** Живая энциклопедия народов Челябинской области. – Челябинск: Авто Граф, 2012.

Д.В. Скрынченко. **Обрывки из моего дневника** / Предисловие и подготовка текста В.Б. Колмакова. – М.: Индрик, 2012.

Николай Зиновьев. **Стихотворения.** – М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2012.

Н.Н. Егельская. **Палитра:** Стихотворения. – Издательство «Десна», 2012.

А. Балтин. **Тени в облаках:** Книга стихов. – Рязань: Новый Современник, 2012.

В.Г. Гальперин. **Рукопожатие друга:** Стихи. – М., 2011.

В.Г. Гальперин, М.В. Ногтева. **Усмешка бытия. Лазарь Шершеневский: жизнь и творчество.** – М., 2011.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА представляет: книжная коллекция

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Соберите всю коллекцию из 45 томов! Подробности на www.lgz.ru

Новый том — в продаже каждую среду!

В киосках печати Москвы и Московской области.

с 1 августа

Загадки колдунов и властителей

В.Г. Смирнов

Эта книга — не о секретах эзотерических учений, не об истории колдовства как атрибута народных верований и обрядов. Речь пойдет и не о закулисных интригах королей и царей, не о загадках дворцовых переворотов, которыми столь богата история. Автор этой книги, журналист Виталий Григорьевич Смирнов, недаром много лет проработал в журналах «Чудеса и приключения» и «За семью печатями»; ему удалось найти в запутанных лабиринтах исторических сведений такие сюжеты, которые без преувеличения можно назвать «страшными тайнами»...

с 8 августа

Тибетский гамбит

А.П. Редько

Жизнь автора этой книги так же непредсказуема и романтична, как у героев Фенимора Купера и Жюля Верна. Знаменитый путешественник и действительный член Русского географического общества, профессиональный врач-спасатель, участник экстремальных экспедиций в «затерянные миры» нашей планеты, посвященный шаман Алтая, Монголии, Камчатки и Тропической Африки, Александр Петрович Редько мог бы похвастать тем, что является членом тайных магических братств нескольких континентов...

Дорогие читатели,
если вы не успели купить нужный вам том
в киосках печати, то вы можете приобрести
его по адресу: г. Москва, ул. Щепкина, д. 47, стр. 1
Телефон для справок: (495) 688-87-75
E-mail: osypkina@mediainfogroup.ru

Реклама

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области